

Российская Академия Наук
Институт философии

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Выпуск 13

**Здоровье как проблема естественных
и биомедицинских наук**

Москва
2008

УДК 171
ББК 87.7
Ф–56

Ответственные редакторы
доктор филос. наук *И.К. Лисеев*
доктор филос. наук *Е.Н. Гнатик*

Рецензенты
доктор филос. наук *В.Л. Васюков*
доктор филос. наук *Е.Н. Князева*

Ф 56   **Философия науки.** — Вып. 13: Здоровье как проблема естественных и биомедицинских наук [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.К. Лисеев, Е.Н. Гнатик. — М. ; ИФ РАН, 2008. — 292 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0102-0.

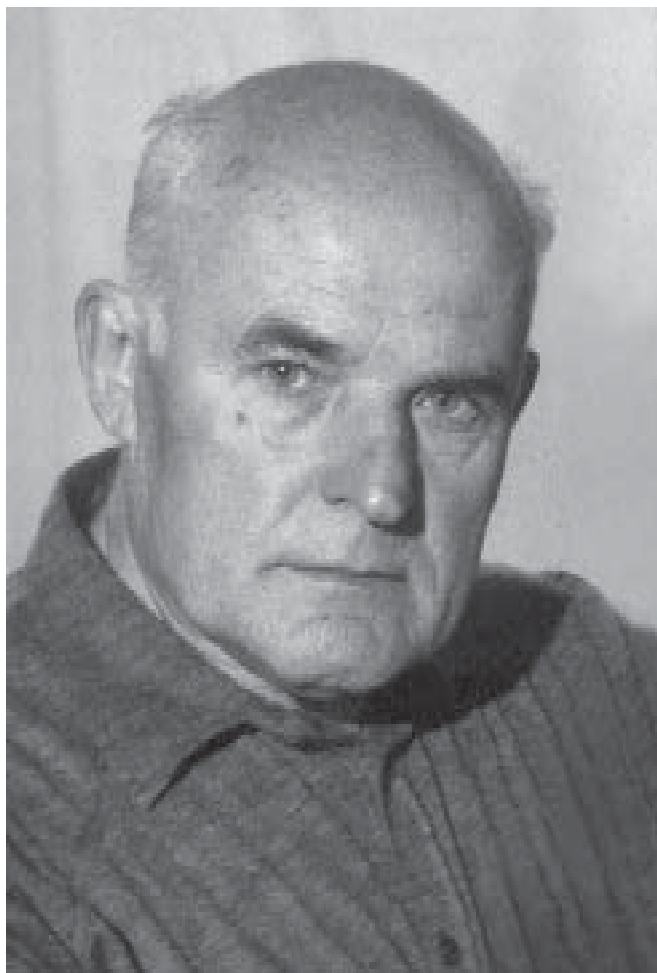
В нынешних условиях личное здоровье и здоровье социума в целом выдвигаются на одно из первых мест в системе жизненных ценностей, становятся ориентиром на пути к благополучию нации, гарантом ее процветания. Монография посвящена осмыслению феномена здоровья как комплексной проблемы естественных и биомедицинских наук.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся философскими проблемами современного состояния здоровья соотечественников.

ISBN 978-5-9540-0102-0

© ИФ РАН, 2008

*Памяти
Александра Трофимовича Шталова
посвящается*

Предисловие

И.К. Лусеев

Памяти А.Т.Шаталова (04.06.1927 – 01.12.2006)

Этот том ежегодника Отдела философии науки и техники Института философии РАН посвящен памяти старейшего сотрудника Института философии РАН А.Т.Шаталова, на протяжении многих лет активно разрабатывавшего проблематику философии здоровья.

А.Т.Шаталов родился 4 июня 1927 года в селе Изрог Белгородской области. Войну с фашистской Германией встретил и пережил все тяготы оккупации в Краснодонском районе Луганской области. Был свидетелем и отчасти участником легендарной деятельности «Молодой гвардии» в Краснодоне. После изгнания фашистов с родной земли был призван в армию, служил на кораблях Северного флота. В 1958 году окончил философский факультет МГУ и с этого же года до конца жизни А.Т.Шаталов – сотрудник Института философии.

Обладея большим организаторским талантом, личным обаянием и умением работать с людьми, А.Т.Шаталов многое сделал для становления нового этапа отечественной философии, свободного от догматизма прошлых лет. Он был ученым секретарем многих Всесоюзных совещаний по философии естествознания, организатором подготовки советских делегаций к ряду Всемирных и общесоюзных философских Конгрессов и конференций. Долгие годы А.Т.Шаталов работал Ученым секретарем Института философии. Он был страстным пропагандистом современных философских идей.

В своей научной деятельности А.Т.Шаталов последовательно развивал философские проблемы медицины, исследовал геронтологические проблемы, проблемы философии здоровья. Он являлся ответственным редактором ряда больших академических исследований этих проблем. Среди них – монографии «Биофилософия», «Философия здоровья» и др.

Памяти друга

Я знал Александра Трофимовича Шаталова с 1953 г. — с года поступления на философский факультет МГУ. Учился вместе с А. Шаталовым на одном курсе первые два года. В конце второго курса весь поток был разделен на тех, кто желает изучать биологические науки (именно это выбрал Александр Трофимович), и тех, кто хочет изучать физико-математические науки (я выбрал последнее). Наши пути надолго разошлись: он после окончания в 1958 г. факультета стал работать в Институте философии, а я с 1963 г. в редакции «Вопросов философии». Он занимался мало понятными для меня в то время проблемами геронтологии. Чем ближе к старости, тем больше мне становится понятной актуальность и значимость этих тем. Страшны в старости не только болезни, но и то, что приходится хоронить друзей (скольких я похоронил!), хороших знакомых, приятелей, которые, как мне иногда кажется, куда-то ушли и в скором времени появятся, и мы созовимся и встретимся.

Александр Трофимович был трудоголик. Он всегда старался быть незаметным среди своих коллег — философов, начавших заниматься генетикой после 1964 года. Учили же нас всех «мичуринскому учению» в интерпретации и т.д. Лысенко. Геронтология — наука, которая имеет дело и с демографией, и с медицинской статистикой, и с генетикой, и с экологией. Все эти аспекты геронтологии обсуждались А.Т.Шаталовым. Второй круг тем, который его заинтересовал, — «медицинское знание», его особенности и специфика среди всех отраслей естественнонаучного знания. Его статьи о Николае Ивановиче Пирогове — медике с широким философско-религиозным взглядом на медицинскую практику и теорию — вывели его на новую проблематику: проблематику русского космизма, взаимоотношений «общества и природы», природопользования, расширив взгляд на геронтологию как на отрасль медицины, где столь важны ценностные ориентиры общества.

Общество, где старые люди оказываются в социальном забвении, — это общество, где отсутствует связь поколений, где нарушена преемственность между молодыми и стариками (скажем мягче, пожилыми). Актуальность геронтологии обнаружилась в то время, когда состарился состав академических институтов, когда процент пенсионеров резко возрос среди сотрудников РАН, а приток молодых в фундаментальную науку крайне ослаблен. Разрыв между поколениями, обусловленный пренебрежением к «старым людям», захваченностью молодого поколения деньгами (а не ценностями культуры), превращением денег в единственную «ценностную» установку новых поколений, влечет за собой или социальную аномию, или социальные катаклизмы.

Е.Н. Гнатик, И.К. Лусеев

От редакторов книги

Предлагаемый труд «Здоровье как проблема естественных и биомедицинских наук посвящен философскому осмыслению современного состояния здоровья соотечественников и поиску мировоззренческих и методологических оснований его улучшения в сложных условиях нашего бытия.

Как известно, становление и развитие техногенного мира характеризуется существенной трансформацией биосферы и человека, что приводит к деформации и уничтожению прежних биосферных форм жизни, природы и человека. Начиная со второй половины XX в. происходит непрерывное обострение глобальных проблем, среди которых особой сложностью характеризуются: нарастающий экологический кризис, демографическая проблема, проблема выживания человечества в условиях непрерывного совершенствования оружия массового уничтожения, международный терроризм и пр. Полноценное существование человека, обеспечение его здоровья и максимальной продолжительности жизни оказываются под угрозой.

Помимо проблем, характерных для многих других государств, в России разрушение норм «традиционного», но стабильного общества и замена их на более «прогрессивные» и «продвинутые» привели к весьма негативным последствиям, подорвав сами основы существования социума. Системный кризис, приведший в начале 90-х гг. к краху экономики СССР, гиперинфляция, неоднократные денежные реформы резко увеличили имущественное расслоение населения, лишили подавляющую его часть «гарантий светлого будущего» и надежных источников дохода. Модернизация экономики и государства обошлась россиянам непомерно высокой ценой: она была оплачена жизнями огромного числа конкретных людей. Резко сократилась рождаемость. Заметно ухудшилось состояние здоровья населения. Многие люди, нуждающиеся в лечении, из-за отсутствия средств были вынуждены отказаться от получе-

ния квалифицированной медицинской помощи. Очевидным является то, что потеря здоровья, помимо физических и нравственных страданий, влечет за собой снижение уровня жизни, ограничение возможностей сохранения и дальнейшего роста социального статуса, нарушение баланса других стремлений и потребностей личности. А ведь здоровье каждого гражданина является составляющей здоровья нации в целом.

В нынешних российских условиях личное здоровье человека и здоровье социума в целом объективно выдвигается на одно из первых мест в системе жизненных ценностей, становится основной движущей силой общественного прогресса, ориентиром на пути к благополучию нации, гарантом ее процветания. Сегодня наконец приходит осознание того, что достойный выход из сложного социального и экономического состояния, в котором оказалась наша страна в итоге затянувшегося процесса экономических реформ, невозможен при надорванном здоровье народонаселения, которое восстанавливается долго и чрезвычайно трудно. Вне всякого сомнения, современные глобальные стратегические интересы России настоятельно требуют поддержания и укрепления здоровья (физического, духовного, социального) каждого из ее граждан. Представляется очевидным, что в центре национальной (общенародной) идеи, интенсивными поисками которой охвачено сегодня российское общество, должен быть сам человек, его полноценное существование, психологический комфорт, т.е. его здоровье, понимаемое в самом широком смысле. Ведь только нравственно и физически здоровая нация может сформировать гражданское общество, следовать жизнеутверждающим принципам патриотизма, добра, милосердия, справедливости, взаимоуважения и т.п. В связи с этим философская рефлексия не может оставить без внимания проблему здоровья россиян.

Данная коллективная монография является логическим продолжением ранее изданных работ: «Биофилософия» (1997), «Жизнь как ценность» (2000), «Философия здоровья» (2001). В отличие от предыдущих трудов в данном исследовании внимание в значительной мере акцентируется на обосновании необходимости перехода от определения и характеристики современного состояния философских исследований здоровья к по-

иску философских оснований повышения качества жизни и улучшения здоровья, на осмыслении путей совершенствования российского здравоохранения.

Книга состоит из введения «Философская ориентация в проблематике здоровья человека» и трех разделов: «Историко-философский подход к проблеме здоровья», «Проблема оздоровления россиян в контексте современной философии науки» и «Прикладные аспекты философии здоровья», ориентированных в существенной степени на исследования конкретных путей реализации разумных мыслей и разумных действий, нацеленных на повышение уровня здоровья российской нации, создание в стране социальных, экономических, экологических и культурных условий для утверждения у людей адекватного и ответственного отношения к собственному здоровью. Направленность философии на проблематику оздоровления человека должна сориентировать соотечественника на поддержание и улучшение самого ценного для него — жизни и здоровья. Основная мысль труда состоит в том, что без создания в стране социально-экономических, экологических и культурных условий, без выработки основных положений новой современной философии проблему сохранения и улучшения здоровья россиян не решить.

Следует подчеркнуть, что философия здоровья в силу присущих любой философии особенностей анализа предельных оснований бытия не должна ограничиваться ситуацией *ad hoc*: надо делать то-то и то-то, чтобы сохранить и приумножить здоровье. Современная философия здоровья не может создаваться без всестороннего анализа фундаментальных оснований бытия человека, общества и природы в их сложных взаимосвязях и взаимопроникновениях, сопряжениях, без обращения к проблеме ценности человеческой жизни в целом, а не только ценности здоровья.

Все эти фундаментальные аспекты проблемы приводят к рассмотрению острейших ситуаций современного системного цивилизационного кризиса, который переживает человечество на рубеже веков, и двойного кризиса (общецивилизационного и регионального), который переживает Россия. Анализ истоков кризиса и путей выхода из него свидетельствует о том,

что данный кризис не является просто результатом какой-то ошибки, неправильно выбранной стратегии экономического, политического или культурного развития. Существующая ситуация — по сути результат исчерпания фундаментальных норм, установок и ориентаций культуры, на основе которых формировалась индустриальная техногенная цивилизация со своими ценностями и предпочтениями.

Как уже отмечалось, в нашем государстве ситуация общесовременного кризиса отягощается последствиями распада Советского Союза и мучительными поисками России своей новой современной самоидентификации. Нынешний системный кризис, поразивший российское общество, не мог не отразиться на духовно-нравственном состоянии граждан страны. Потеря прежних общественных ориентиров и расплывчатость новых, распад единой некогда великой державы, антигуманный характер проводимых радикальных реформ, разгул криминалитета и коррупции породили всеобщее замешательство, разброд, ощущение заброшенности и обманутости среди значительной, если не сказать подавляющей, части населения России. И самый мощный толчок духовно-нравственному обвалу последнего десятилетия XX века был дан, как справедливо считают многие, отсюда, откуда его, казалось бы, меньше всего следовало ожидать — от самого российского государства. Тяжкие последствия таких действий для здоровья населения России ныне общеизвестны. Российская «сверхсмертность», особенно мужская, имеет глубокие социальные корни. Среди ее главнейших непосредственных детерминант — известное пренебрежение здоровьем, вредные привычки, алкоголизм, наркомания, табакокурение. За этим кроется недопустимо низкое положение здоровья и самой жизни на шкале социальных ценностей российского общества.

Одним из факторов, отрицательно влияющих на состояние здоровья россиян, является гнетущая нравственная, духовная, эмоциональная атмосфера, доминирующая в обществе. В связи с этим очевидным является то, что процесс улучшения здоровья человека надо начинать с корректировки здоровья общества. Формулирование Стратегии национального развития, разработка Социальной доктрины России, пропаганда базисных

ценностей общества — все это первоочередные задачи национальной интеллектуальной элиты и, прежде всего, философов. Хотелось бы надеяться, что философия, базирующаяся на вековых гуманистических традициях и обращенная к реалиям сегодняшнего дня, в состоянии наметить пути решения этих смысложизненных для нашего общества проблем. Среди них — проведение последовательной политики на путях демократизации, построение социально-ориентированного рыночного хозяйства, обеспечение прав и свобод человека, создание действенной системы социальных гарантий, приоритетное внимание к развитию просвещения, здравоохранения, науки и культуры, поддержание на должном уровне внутренней и внешней безопасности. Улучшение социальной обстановки непременно будет способствовать положительной динамике обеспечения здоровья россиян.

Другим важнейшим аспектом формируемой философии здоровья является аспект психологического благополучия россиян. Он во многом перекликается с рассмотренным выше социальным аспектом, но имеет и свою специфику, заключающуюся в основном в необходимости создания своеобразной антропологии здоровья. Примечательно, что сейчас в различных курсах философской антропологии представлены все аспекты человеческого существования (любовь, страх, страдание, смерть и т.д.), кроме проблем здоровья. Как-то так получается, что здоровый человек сегодня мало беспокоит антропологов; интерес к нему возникает лишь при возникновении нештатной ситуации. Изыски же создаваемой ныне валеологии весьма своеобразны для того, чтобы претендовать на общую теорию здоровья. К сожалению, на современном этапе в нашей стране охрана здоровья занимает слишком низкое место среди других общественных и государственных приоритетов.

Авторы настоящей монографии полагают, что построение новой философии здоровья должно стать как предметом научного знания, так и ориентиром для формирования нового отношения каждого россиянина к самому себе, к своему здоровью. Ныне идет процесс формирования новой аксиологической парадигмы — представления о здоровье как ценности на уровне общественного и индивидуального сознания. При этом

новая ценностная ориентация никоим образом не должна пониматься узко утилитарно, в частности как установка на здоровье в качестве лишь источника социально-экономического благополучия в условиях деловой конкуренции или как стремление достичь соматического здоровья как абсолютной и чуть ли не единственной ценности и т.п. При подобном подходе к проблеме здоровья возникают новые опасности и риски.

Также необходимо отметить, что в условиях современного технологического прогресса в области биотехнологий – революционных прорывов в медицине (генная терапия) и сельском хозяйстве (трансгенные, модифицированные растения и животные) – одной из главных проблем наступившего века становится биологическая безопасность и угроза трансформации природы человека. Вместе с тем сегодня становится очевидным, что постгеномные технологии при их корректном использовании способны революционизировать всю систему современной медицины. Так, например, на основе геномной паспортизации уже в недалеком будущем появится возможность реализации лозунга: каждому больному – индивидуальное лекарство в нужное время и в нужной дозе. Предполагается также, что протеомные исследования (исследования белков) должны стать базой для разработки новых диагностических методов, позволяющих определять вероятность развития тех или иных недугов, а также выявлять заболевания на ранних стадиях.

Весьма важным в современной философии здоровья представляется формирование установки, нацеленности каждого человека на систематическую и кропотливую работу над самим собой в плане поддержания и укрепления личного здоровья.

Резюмируя вышесказанное, прежде всего отметим, что в философии здоровья должно быть четко зафиксировано следующее положение: здоровье – это не только и не столько медицинская категория. Не секрет, что вклад в охрану здоровья со стороны медицины составляет только 10-20%, все остальное – удел иных сфер. Исходя из этого, охрана здоровья должна рассматриваться не иначе как комплексная междисциплинарная проблема; движение по пути ее реализации может быть только многовекторным.

Во-вторых: необходимо подчеркнуть, что здоровье выступает отнюдь не только как инструментальная ценность, значимая для достижения определенных прагматических целей, но прежде всего как ценность витальная. Ухудшение состояния здоровья россиян отражает кризис базисных социокультурных, экономических и политических сценариев нашего общественного развития.

В-третьих: бесспорным представляется то, что заболевания людей во многом являются следствием ухудшения состояния среды их обитания. Поэтому стремление к улучшению здоровья людей неотделимо от стремления к экологическому благополучию среды их жизнедеятельности.

И, наконец, четвертое: забота о здоровье каждого человека — это, безусловно, прежде всего, закономерный результат усилий самого человека, его духовных установок и самосознания. Вместе с тем очевидно, что без широкой государственной поддержки, стимулирования и укрепления подобных ориентаций сознания многое останется не достигнутым, а лишь продекларированным. Поэтому сегодня весьма актуальна разработка комплекса общегосударственных мероприятий с целью утверждения ориентации на здоровый образ жизни как национальной программы и национальных приоритетов. Назрела необходимость кардинального изменения государственной политики в сфере охраны здоровья граждан, а также осознания здоровья и жизни каждого россиянина как непреходящей ценности. Ведь генофонд — самое ценное, что есть у любого государства.

Введение

Э.С. Демиденко, А.Т. Шталов

Философская ориентация в проблематике здоровья человека

Философия даёт мировоззренческую ориентацию людям в сложном и противоречивом развивающемся мире природы и общества. Данная ориентация позволяет человеку поддерживать и сохранять самое дорогое для него — жизнь и здоровье, необходимое ему для полноценной жизнедеятельности. Проблема здоровья и выживания в биосфере всегда была и остаётся для человека актуальной.

Философия с самого своего зарождения опирается на разум; на основе рефлексии, размышлений о мире, обществе и человеке, о взаимосвязях человека и мира она решала и решает актуальные вопросы человеческой жизнедеятельности. Если объектом исследования науки выступают те или иные явления мира, то объектом философии является мир как определённая гармонично сотворённая на основе самоорганизации материи целостность. Если предметом науки являются, прежде всего, частные и общие законы развития изучаемых частей мира и его явлений, то философия концентрирует своё внимание на всеобщих законах и свойствах бытия, она охватывает мир в своём мышлении как единое целое, исследует взаимосвязи человека и мира, их взаимное развитие.

Философия изучает мир не ради любопытства, а ради благоприятного развития человека и природы, решения актуальных и перспективных вопросов человеческого бытия, общественной жизни. Философия представляет собой удивительный феномен человеческого разума, его способности познать мир и познать самого человека — его сущность, место и предназначение в мире.

Познать человека, его телесность, душу, дух и перспективы прогресса невозможно без глубокого познания мира, и в то же время познание мира невозможно без познания человека. Осо-

бенно это касается познания мира земного, который всё более и более трансформируется самим человеком. И действительно, на протяжении многих и многих тысячелетий человек очень медленно изменялся, а с формированием новой, техногенной реальности, искусственной среды обитания и многих других сторон общественной и природной жизни изменения в человеке начали происходить достаточно заметно и нарастающе.

Почему мы обращаемся именно к философии при изучении проблематики здоровья человека, а не ограничиваемся только достижениями медицины или даже совокупности наук о человеке? Дело в том, что современное философское знание выходит далеко за пределы научного знания. Философия, в том числе и философия человека, в своей рефлексии о явлениях земного бытия и бытия человека, в своих выводах о них опирается не только на научные знания, но и на ненаучные, на огромный социально-исторический опыт человечества, на социокультурные ценности и многое другое, что находится за пределами науки. Философия всё больше и больше выступает как интегративное учение о человеке и его многообразном материальном и духовном мире.

Философия не только обобщает, систематизирует и раздвигает развивающиеся знания об окружающем нас мире, позволяет выработать мировоззрение как систему взглядов на мир, на место и роль человека в эволюционирующем мире, но она даёт нам, благодаря интеллектуальным обобщениям и собственным исследованиям, всеобщие методы познания мира и крупных его явлений. Философско-методологическое начало в исследовании явлений мира нельзя свести только к комплексу самих общих принципов постижения мира или всеобщему методу научно-познавательной деятельности — диалектике. Философия, получая новые обобщенные знания, даёт ориентацию различным наукам, в каком направлении изучать то или иное явление, как оно вписывается в системный комплекс знаний о мире. И если, например, речь идёт о здоровье человека, то закономерным является вопрос, а в каком направлении развивается человек и общество, какие новые тенденции появляются в их развитии и как соотносятся, как взаимосвязаны эти тенденции с проблематикой здоровья. И здесь не только

философия в целом, но и такие её разделы, как социальная философия и философская антропология помогают на основе целостного знания об обществе и человеке получить конкретное знание о динамике здоровья населения и выработать способы его укрепления. Это сотворчество философии и наук о человеке и его здоровье позволяет приоткрыть завесу тайн не только специалистам в области проблем здоровья, но и широким слоям населения.

В свою очередь философская рефлексия, целью которой в данном случае является определение закономерностей и тенденций изменения здоровья населения при переходе от сельскохозяйственного, традиционного общества к техногенному (индустриальному и постиндустриальному), на наш взгляд, способна внести существенные коррективы в понимание современных острейших трансформаций человеческого здоровья, развития болезней.

Человечество начало выходить на арену заметно нарастающего социального прогресса с периода неолитической революции, с переходом от собирательной к производящей экономике примерно 10–12 тысяч лет назад, а до этого кроманьонец как биологический вид жил в биосфере и пользовался исключительно её плодами – животными и растениями. Правда, 40–60 тысяч лет назад на его основе сформировался человек мифологической культуры, которого называют современным человеком, не отличающимся от нынешних людей своим физическим обликом и объёмом мозга, хотя социально-культурные различия имеют огромную не только историческую, но и качественную дистанцию. Из 150–200 тысяч лет существования кроманьонца до трёх четвертей этого времени ушло на то, чтобы у человека сформировались относительно устойчивые социальные качества: мифологическая культура, мифологическое сознание и мировоззрение, элементарные нормы нравственности и способность нарастающего производства элементарных орудий труда. Как отмечает В.М.Розин, первобытный человек не был еще человеком разумным, а всего лишь культурным. «Завершение адаптации существа переходной формы, – пишет он, – расчищило почву для формирования культуры. Культура – это форма жизни, духа (её можно назвать социальной), складывающая-

яся на субстрате жизни существ переходной формы, в котором главным является семиотический процесс (коммуникация, означение, формы знакового поведения). Особенность этого процесса в том, что обеспечивает воспроизводство эффективных типов поведения, деятельности и жизни»¹. Прогресс же сознания и социальности до наступления производящей экономики у человечества был крайне медленным.

За 10 тыс. лет аграрного развития человечество прошло свои крупные социокультурные преобразования: возникновение и развитие земледельческих цивилизаций, сельскохозяйственного производства и ремесла, становление городов и городских форм жизни, философии и науки, появления промышленной и научно-технической революций и многого другого. С промышленной революции XVIII в. начинается техногенное развитие общества и земного мира² и осуществляется невиданный ранее переворот в жизни человечества и биосферы³. Коренные изменения в жизни и здоровье человека органически связаны с развитием производящей экономики и особенно техногенным прогрессом, что весьма наглядно можно проследить на возрастании средней продолжительности жизни, явлений акселерации и других природно-социальных процессах.

Так по итогам археологических раскопок, относящимся к культурам 40–50-тысячелетей давности, были получены (с учётом поправки на детскую смертность) такие выборочные данные по средней продолжительности жизни человека: Северная Европа – 10–15 лет, Америка – 10–14 лет, Южная Европа – 10–15 лет, Среднее Поволжье России – 12,6 лет. Э.Россет среднюю продолжительность жизни на рубеже древней и средневековой истории во всемирном масштабе определяет в 20 лет. Она примерно тысячу лет затем оставалась неизменной и более-менее заметно начала увеличиваться с середины второго тысячелетия в наиболее развитых странах Европы. Это связано с существенным сокращением общей и особенно детской смертности в эпоху преиндустриального и индустриального развития; в XVII–XVIII вв. средняя продолжительность жизни в наиболее развитых странах составляет в пределах 25–35 лет; в 1840 г. – 40 лет, а на рубеже 2000 г. – 75 лет⁴. Исходя из такого значительного роста средней продолжительности жизни многие демографы и

социологи стали предсказывать высокий потолок общей продолжительности жизни в XXI в., а следовательно, и хорошее здоровье населения планеты.

Но в конце XX – начале XXI вв. общество столкнулось с весьма сложной проблемой: с одной стороны, растет средняя продолжительность жизни, с другой – появляются и быстро распространяются так называемые «цивилизационные болезни» – сердечно-сосудистые, аллергические, онкологические, генетические, астматические и многие другие, нарастает омоложение болезней. Почему в таких условиях растёт средняя продолжительность жизни и осуществляется процесс акселерации предстоит ответить философии, безусловно, не без помощи социологии и наук о человеке.

Как мы видим на примере роста средней продолжительности жизни, изменения в человеке связаны с коренными трансформациями, которые происходят в общественной жизни. Производящая экономика существенно изменяет характер производительных сил. Если до неолита и даже еще около трех тысячелетий назад основой последних были «ум, сообразительность и руки человека» (Демокрит), то на границе промышленной революции человечество сформировало уже зрелые естественные (биологические) силы земледельческого общества, две трети физических усилий которых приходилось на прирученных животных, а на долю человека – треть. За период земледелия сформировались первичные и вторичные цивилизации, города ремесленно-земледельческого типа, в определенной мере развились земледельческая культура и наука, значительно улучшились социальные и гигиенические условия жизни, и человечество поднялось на очередную ступень цивилизационной, то есть традиционно-земледельческой, формы жизни. Эта ступень характеризуется, с точки зрения социоприродного развития, преимущественно биосферной формой жизни.

Лавинообразные изменения в эволюции человечества стали происходить с промышленной революции второй половины XVIII в. в Европе. Эта революция произошла на базе научного, технико-технологического и экономико-капиталистического преиндустриального развития. Уже в XV в. в Западной Европе использовались высокие доменные печи, возникли ма-

нуфактуры, появилась потребность в научных исследованиях. В XVI–XVII вв. нужды нарастающей промышленности, мореплавания и торговли потребовали теоретического и экспериментального решения конкретных задач, строительства промышленных городов. «Мануфактурный период, — отмечал К. Маркс, — развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности»⁵.

С промышленной (и технико-технологической) революции берут своё начало процессы индустриализации, урбанизации и техносферизации планеты, огромная череда модернизаций промышленности и общества на базе новых производительных сил, которые пришли на смену естественным. Если в 1800 г. промышленно-техническая энергетика составляла всего 2% в совокупной социальной энергетике мирового хозяйства, то сейчас — 98–99%. Новые производительные силы можно назвать научно-техническими, где решающую роль играет совокупный онаученный человеческий разум и основанные на научных достижениях технологии, техника и производство.

Эту лавинообразность земных процессов в техногенном обществе (индустриальном, основанном на промышленной революции, и постиндустриальном, основанном на научно-технической и информационной революциях второй половины XX в.) можно весьма наглядно проследить на фактах развития науки и техники, формирования техносферы в ходе урбанизации, разрушения биосферы, роста болезней и т.п. Если в конце XVIII в. на планете было всего-то около 1 тыс. учёных, то в начале XX — 100 тыс., а сейчас — около 5 млн учёных и научных сотрудников. Усиливающийся рост техники особенно наглядно виден на примере роста производительности труда в зернопроизводстве США: если в течение XIX в. производительность возросла в 2,5 раза, то в течение XX в. — ещё почти в 50 раз. Если за предыдущую шеститысячелетнюю историю человечества — период становления городов — городское население возросло до 45 млн горожан в 1800 г. (5% от населения планеты), то в XIX–XX вв. — почти до 3 млрд (почти 50%). За два столетия техногенного развития население мира возросло в 6 раз, городское — в 70 раз, а техносфера — во многие тысячи раз и стала сопоставимой по массе с живым веществом планеты. За 3,5 млрд лет

на Земле утвердилась биосфера не только как совокупность живых организмов, сложная живая самоорганизующаяся система Gaia (Дж.Лавлок), но и как глобальный уникальный дом биологических организмов; человечество же творит сейчас свой новый искусственный дом, который мы и называем техносферой.

Процессы техносферизации и техно-осферизации настолько стремительно раскручиваются на нашей планете, что мы не успеваем даже их осмыслить, не говоря уже о том, чтобы выработать какие-то действенные рекомендации и всем человечеством организовать для решения крупнейших глобальных проблем, порождённых этими процессами. Строительство разветвленной техносферы, особенно мегаполисов, сопровождается разрушениями биосферы; за последние только два столетия использовано в производстве и уничтожено примерно треть самых ценных и жизнеобразующих составных частей биосферы: 1) живого вещества, 2) гумусного слоя в обрабатываемых почвах сельскохозяйственных угодий и 3) органических отложений былых биосфер. По некоторым оценкам, биосферные потери составляют свыше 40%; всего изменено человечеством половина суши планеты, а в некоторых регионах до 80–85% и т.п. При таких нарастающих темпах уничтожения биосферы и биосферной жизни на Земле мы можем уже через два-три столетия оказаться без биосферы и строить локальные, «закованные» в техносферную оболочку, искусственные «биосферы» с ограниченными и тоже искусственными биотическими круговоротами веществ.

Именно в этих условиях изменения земного мира происходят сложнейшие неоднозначные трансформационные процессы, которые, на наш взгляд, дезориентируют многих ученых — социологов, демографов, медиков, биологов — относительно перспектив развития человека и состояния его здоровья. Среди таких ложных ориентиров можно выделить два ярких противоречивых процесса: 1) увеличения, и притом весьма заметного, средней продолжительности жизни населения и 2) такой же яркой акселерации в XIX–XX вв., которая позволила населению «подрасти» более чем на 20 см, а женщинам Москвы и Московской области только за последние три десятилетия XX в. — на 6 см. Оба отмеченных явления, на наш взгляд,

нельзя «проектировать» на XXI и последующие века. Они имеют особую природу, которая создаёт видимость того, что человечество получает в перспективе шансы стать здоровым, физически крепким и прямо-таки великанами. Даже те, кто видит, как стремительно падает состояние здоровья населения в крупнейших городах мира, уверены в том, что успехи медицины, особенно генетической, позволят при «акселеративном теле» вырваться из этой «временной полосы» нахлынувшего нездоровья.

Наш анализ в предисловии носит преимущественно методологический характер. Философская рефлексия эволюции человека выдвинула немало подходов к сохранению и укреплению человеческого здоровья. Исторически так сложилось, что античная философия развивалась во взаимосвязи с медициной, хотя первая была постарше. Влияние философии на развитие медицины началось под воздействием пифагорейских кружков; философия здоровья здесь тесно увязывалась с проблемами гигиены, разработкой правил содержания души и тела в чистоте. Так кротонский мыслитель и врач Алкмеон (около 500 г. до н.э.) рассматривал человеческое тело как микрокосм, находящийся в центре познавательного процесса. Его размышления о принципиальном различии небесного, космического совершенства и земного несовершенства оказали влияние на становление философских взглядов Платона и Аристотеля. Определённое им понятие «здоровье человека» включало в себя гармонию противоположных сил. Особое внимание он уделял гармонии распределения основных жидкостей, поскольку её отсутствие вело к патологическим процессам. Он уже понимал роль нервной системы как путеводных каналов органов чувств и мозга как сосредоточия мышления.

Значительный шаг в понимании человеческого тела и его здоровья сделал врач и философ Эмпедокл (около 483–423 до н.э.). Человек и внешний мир, считал он, состоят из одних и тех же элементов. Он первым выдвинул догадки об эволюционном развитии растений и животных, а движущей силой эволюции называл Любовь и Вражду, их различное сочетание на разных ее этапах.

Особая роль в понимании здоровья человека и роли медицины в его поддержании принадлежала врачу-мыслителю Гиппократу (460–377 до н.э.). Он выделил медицину из философии, пони

мая медицину как искусство возвращать человеческому телу утраченную вследствие болезни красоту. Развивая теорию Алкмеона о соотношении жидкостей в организме (крови, слизи, жёлтой и чёрной желчи), он концентрирует своё внимание на теориях анатомии и физиологии, человеческого мозга и нервной системы, прирождённого тепла как причину жизни. Источник последней был дух, движущийся по жилам как воздухообразное вещество, что предвосхищало понимание роли кислорода в организме человека. Гиппократ придал медицине статус науки с использованием точных методов познания, что отражает усилия древнегреческих философов давать естественное объяснение феноменам живых организмов. Исследуя взаимодействия внутренних и внешних факторов состояния тела человека и его здоровья, Гиппократ и его ученики указывали на исключительную роль философии в теоретическом обосновании здоровья и нездоровья. Это нашло особое отражение в моральных нормах врачевания, поскольку человек и его здоровье представляют высокую социальную ценность. О неразрывной взаимосвязи медицины и философии можно судить по его следующему замечанию: «Должно, собравши всё сказанное в отдельности, перенести мудрость в медицину, а медицину в мудрость. Ведь врач-философ равен богу»⁶. Через шесть столетий его почитатель Гален повторил это кредо в «Истории философии» для студентов: «Лучший медик, чтобы стать таковым, должен быть истинным философом»⁷.

Целью нашей вступительной статьи не является исследовать историю взаимосвязей медицины и философии в области понимания человеческого здоровья. Если мы и обращаемся к началу неразрывного союза философии и медицины в области объяснения здоровья человека и его укрепления, то лишь затем, чтобы показать: с самого своего зарождения медицина опиралась на философское мировоззрение, понимание философии мира и человека. И сейчас, в нашу техногенную эпоху, когда общественный организм и земной мир претерпевают колоссальные и нарастающие изменения, есть прямой смысл исследовать этот эволюционный процесс, его факторы и мотивы невиданной ранее трансформации и даже деградации человека, найти точки опоры в укреплении его физического, психического, социального и нравственного здоровья.

Обращая внимание на судьбоносные перемены в жизни человечества под воздействием машинной техники, Н.А.Бердяев обращал внимание на творение «нового космоса», отрывающего человека от всей эволюции земной природы⁸, П.Тейяр де Шарден — на замещение природного, естественного мира искусственным, когда «внезапный водопад разумной деятельности» вызывает «неудержимый поток полей, фабрик, заводов», а это в свою очередь «возвещает перемену жизни на Земле, перемену планетарного значения»⁹. В наше время борьбу естественного и искусственного миров, в которой последний наступает на биосферную жизнь, ярко описывает В.А.Кутырёв¹⁰. Когда мы попытаемся обобщить техногенно-эволюционные изменения в человеке, то прежде всего бросается в глаза их соответствие крупнейшим переменам в жизни общества. Ещё столетие назад в мире было не более 0,25 млрд. горожан, сейчас — 3,4 млрд., не более 150 млн грамотного населения, а сейчас около 6 млрд., или 85%. XX век породил десятки тысяч профессий, которыми владеют сотни миллионов специалистов с высшим и средним образованием. В итоге это привело к противоречивому развитию современного человека, которого многие считают уже даже сверхразумным. «Люди — как боги», — утверждает, например, в своей одноименной книге писатель С.Снегов. Эта противоречивость кроется, прежде всего, в массовом и стремительном развитии многогранных социальных качеств населения на планете и заметно нарастающей деградации природных.

Крупнейшие эволюционные и трансформационные изменения общественной и природной жизни на нашей планете привели к тому, что, *во-первых*, за последние два столетия физическая нагрузка на человеческое тело уменьшилась примерно в 10 раз, что вызвало гиподинамические явления в организме и существенные изменения в протекании физиологических и других организменных процессов. Если мы возьмём первобытного человека, то ему ежедневно нужно было пробежать 20–25 км, чтобы добыть пищу. Крестьянский же земледельческий труд по своим физическим нагрузкам мало чем отличается в доиндустриальную эпоху от труда первобытного человека.

Насколько существенные изменения происходят в человеческом организме от гиподинамии, можно судить по статистике наиболее развитых стран мира, где сердечно-сосу-

дистые заболевания и связанные с ними другие составляют от 45 до 60% в составе всех заболеваний. В США удалось прекратить дальнейший их рост, но это стоит огромнейших медицинских усилий и финансовых расходов: только по линии федерального бюджета ежегодные затраты составляют 26–27 млрд. долл. Социальная же конкуренция людей за получение высоких доходов и богатств, за элитное положение в обществе оставляет крайне мало времени для физической тренировки тела и укрепления здоровья. Такой разбалансировки между развитием социальных и природных качеств у населения не было ни на одном предыдущем этапе развития человечества. Без поисков компенсаторных форм физической активности состояние физического здоровья и дальше будет ухудшаться.

Во-вторых, достаточно противоречиво на развитие современного человечества воздействуют улучшающиеся условия человеческой жизни. Нет сомнения, что плохие условия жизнедеятельности сильно сокращают срок жизни людей. Так, например, еще на заре индустриального развития (середина XIX в.) К.Маркс отмечал, опираясь на данные медицинского инспектора доктора Ли, короткую среднюю продолжительность жизни рабочих крупной промышленности. В Манчестере у состоятельного класса она составляла 38 лет, а у рабочих – 17 лет; в Ливерпуле соответственно 35 и 15 лет¹¹.

Анализ сегодняшней действительности показывает, что средняя продолжительность жизни населения очень сильно зависит от уровня социально-экономического развития страны. При валовом национальном продукте (ВНП) на душу населения в 320 долл. в год (страны с низким уровнем доходов) средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении составляет 60 лет; в 1930 долл. (со средним уровнем доходов) – 66 лет; 17470 долл. (с высоким уровнем доходов) – 76 лет. 1,2 млрд. человек, населяющих развитые страны в конце XX в., потребляли лекарственных средств на сумму в 4 раза больше, чем 4,1 млрд человек, живущих в развивающихся странах. Отсюда Г.С.Шевяков делает вывод, что люди живут дольше не потому, что таково их природное здоровье, а потому что заботятся о нем, вкладывая средства; более продолжительная жизнь

человека развитого общества не есть простой результат реализации биологического потенциала, а искусственное выжимание максимально возможного из человеческого организма¹².

Здесь, на наш взгляд, важно сделать различие средней продолжительности жизни и здоровья человека. Средняя продолжительность жизни растёт не за счёт укрепления природного здоровья, а за счёт преодоления «критических мгновений» в человеческой жизни – детской смертности, инфекционных заболеваний, кризисных ситуаций (скорой помощи), а в итоге – лучших условий жизнедеятельности. Отталкиваясь от эволюционной теории Ч. Дарвина, некоторые исследователи предсказывали выход человека из естественного отбора и накопление отрицательных наследственных свойств в человеческом организме, с чем мы сейчас и сталкиваемся. Как показывают статистика и социологические исследования, даже высокоэффективная медицина не в состоянии улучшить здоровье в массовом порядке, и в странах с развитой экономикой и медициной количество больных заметно растёт. Так совокупный ежегодный рост бюджетных расходов и вложений граждан на лечение и поддержание здоровья увеличился в США во второй половине XX в. в 4 раза и составляет около 2 трлн. долл. Можно ожидать, что при достижении критического уровня распространения заболеваний и падения здоровья населения начнёт снижаться средняя продолжительность жизни людей даже в высокоразвитых странах. Сейчас уже до трети новорождённых имеют значительные отклонения в строении или функциональной деятельности различных систем организма, причём каждый десятый из них обладает значительными патологиями.

В-третьих, в ходе техногенного развития происходит антропогенное загрязнение биосферной среды, что не только отрицательно сказывается на состоянии экосистем, но и здоровья человека, на его внутренней и внешней экологии, особенно в городах. Об этом убедительно свидетельствуют загрязнения человеческого организма отходами производства, тяжёлыми металлами, небактериальными химическими веществами, минеральными удобрениями и т.п. Промышленные, особенно химические, предприятия своими отходами

подавляют окружающую местность, что приводит к снижению здесь урожайности зерновых на 20–30% и более, к повышению заболеваемости населения.

По мере качественной перестройки производства его негативное воздействие несколько снижается, но возрастает значение ряда массовых технических изделий – например, автотранспорта и сигарет. Так в крупнейших городах мира и России загрязнённость воздуха автомобилями оценивается в 70–90%, а в Москве в 92%. Такая загрязнённость сказывается на росте онкологии, заболеваний бронхов, развитии астмы, аллергии и др. Особенно пагубным становится курение. Попадающий в лёгкие дым содержит никотин, окись углерода, пиридин, уксусную, муравьиную, масляную и синильную кислоты и пр. В развитых странах в послевоенные годы рак лёгких у курящих женщин вырос более чем в 200 раз, тогда как у некурящих – в 10 раз за счёт других антропогенных загрязнений. У курящих женщин на треть больше выкидышей, в 6 раз – преждевременных родов, в 9 раз – бездетности. В возрасте 40–49 лет курящие умирают в 3 раза чаще некурящих. Антропогенные загрязнения, особенно химические, подрывают здоровье не только живущих сейчас людей, но и их потомства.

В-четвёртых, индустриально-городское развитие органически связано с быстрым формированием на земном шаре техносферы. Этот искусственный вещественно-предметный и электромагнитный мир негативно воздействует на здоровье человека. Не случайно богатые страны применяют, как правило, для строительства коттеджей обожженный кирпич и дерево – материалы, создающие благоприятные условия для здоровья. В США сейчас 80% коттеджного строительства осуществляется с применением дерева для жилых помещений.

В последние десятилетия особенно сильно идёт нарастание опасных для человека и создающихся самим человеком электромагнитных полей: вокруг линий электропередач (ЛЭП), телекоммуникационных и радиопередач, мобильных телефонов и бытовых электрических приборов и т.п. Как отмечают ряд авторов, «наиболее уязвимы для электромагнитных полей нервная, иммунная и половая системы. Причём вредное воздействие, подобно радиации, с годами накапливается. По крайней мере, экс-

перименты на животных показали, что при длительном контакте с интенсивным источником электромагнитного излучения возникают серьёзные заболевания центральной нервной системы, лейкозы, опухоли мозга, гормональные нарушения»¹³.

Процесс урбанизации всё более ярко вырисовывается как процесс техносферизации планеты, притом не только строительства искусственного дома человечества, но и стремительного замещения биосферных пространств техно-искусственным миром. Сейчас в городской среде (около 3% территории суши) проживает половина населения планеты, а 50–55% суши изменено в результате социально-экономического развития. Расчёты показывают, что к 2020 г. под городскими застройками будет находиться 4% суши, а к 2070 г. — около 13%, или 20% жизнепригодного пространства.

Формирование техносферы усилило социализацию населения и рост его цивилизованности, позволило ускорить биотехнологические процессы для решения продовольственной проблемы, но это приводит к неблагоприятным изменениям и в организме человека. «Основная масса людей, — отмечает В.А.Кутырёв, — живёт в урбанистических комплексах, и наиболее прогрессивная часть человечества с естественным, помимо своего тела, не сталкивается вовсе... часть и целое, элемент и система, организм и биоценоз взаимообусловлены, и искусственное окружение не может не трансформировать человека в соответствующее себе состояние как в телесном, так и в духовном плане»¹⁴.

В-пятых, серьёзные трансформирующие воздействия на здоровье и природу человека оказывает интеграция «био», «социо» и «техно» в человеческом организме, формирование техносферного homo sapiens, способного работать и жить в техносферной среде и под контролем технических приборов и устройств, а также пронизанного искусственными веществами вплоть до искусственных органов. В теле такого человека, особенно городского, насчитывается до 2 тыс. включений. Только в материнском молоке городской женщины находят до 300 синтетических веществ, которые впитываются в организм ребенка с пеленок¹⁵. Это, естественно, не может не сказаться на изменениях природного здоровья человека.

В-шестых, трансформационные и деградационные процессы в человеческом организме стали все больше и больше определяться развитием биотехнологий, их использованием для изменений телесности человека, обновления и омоложения его органов. Биотехнологическое вторжение в биосферную природу человека далеко небезопасно для его здоровья; более того, как отмечает Е.Н.Гнатик, «это грозит возможным вырождением и деградацией человечества»¹⁶. Вот почему «при рассмотрении проблем генетики человека «перекрещиваются» интересы медицины, биологии, философии, теологии, социологии и юридических наук. Поэтому очевидно, что успехи в их анализе и практическом решении в немалой степени зависят от налаживания плодотворного сотрудничества представителей самых различных областей знания»¹⁷.

В-седьмых, чрезвычайно большое значение приобретают социально-духовная и психологическая детерминации человека, на что обращает внимание И.А.Гундаров, правда, пытаясь духовную детерминацию вывести в ранг основной причины нынешнего падения здоровья человека¹⁸. Действительно, мы живём в сложном и далее усложняющемся социальном мире, тысячами нитей соединяющих нас с общественным организмом и со многими людьми. И каждый контакт с социальной действительностью или человеком оказывает положительные или негативные воздействия на душевное состояние и психику человека; такие контакты при определённых условиях, включая и «настрой души», вызывают патологический стресс, разрушающе влияющий на здоровье человека. Плохое душевное и/или духовное состояние человека приводит к ухудшению его нравственно-эмоционального состояния. Психосоматика, как экспериментальная и клиническая наука о влиянии психических процессов на физиологические, не только раскрывает многие факторы положительных и отрицательных воздействий на здоровье, но и «открывает широкие возможности управления телесными процессами через психологические механизмы»¹⁹.

Тревогу вызывает состояние здоровья населения России. Примерно две трети россиян живут в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стрессов, что вызывает рост депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов и

психосоматических расстройств. Особенно отрицательно сказался переход к капиталистическому обществу (основанному на американской модели либеральных ценностей и глубоком индивидуализме и эгоизме) на здоровье российской молодежи: только за последние полтора десятилетия ее здоровье ухудшилось примерно на 60%, а по ее интеллектуальному развитию наша страна переместилась с 3-го на 46-е место в мире. По данным Института мозга человека РАН, проблемы с психическим здоровьем имеют 15% детей, 25% подростков, до 40% призывников. Если в 1985–2005 гг. количество инвалидов в стране выросло более чем в 2 раза, то общая численность детей-инвалидов возросла более чем в 3 раза. Заболеваемость же молодежи в эти годы по туберкулезу, венерическим болезням и СПИДу увеличилась в десятки раз.

Крайне остры проблемы, связанные с кризисом социально-культурных ценностей и ориентаций, падением нравов и моральных принципов. Ориентация индивида на личную выгоду и эгоизм, что было чуждо российской культуре, приводит к размыванию норм нравственности, особенно таких, как доброта, милосердие, ответственность, честность, вежливость. Социальное нездоровье населения проявляется в росте алкоголизма (в 4–5 раз), наркомании (в 7 раз), криминализации самоубийств. Эти и другие факты говорят о подрыве генофонда нашего народа, что требует внимания государства к укреплению физического, психического, социально- и нравственного благополучия людей.

Мы обратили внимание только на некоторые философские вопросы, которые позволяют более широко охватить проблематику человеческого здоровья и создать возможности формирования активной здоровой жизни людей. Исторически философская мысль играет немаловажное значение для любой науки, в том числе и здоровья человека. Как провидчески заметил в своё время Ж.Ламарк, «всякая наука должна иметь свою философию, и только при этом условии она сделает действительные успехи»²⁰. И формирование крепкого природного здоровья населения нуждается в разработке особой философии — философии здоровья человека, раскрывающей противоречивые взаимосвязи человека с биосферой и искусственным миром, создаваемым человечеством. Такая философия позволяет не только осмыслить мес-

то и роль человека в мире, но и предлагает общие подходы и методы научно-теоретического познания жизни вообще, жизнедеятельности человека и его здоровья, которое представляет для людей первейшую ценность. Она позволяет человеку определить его жизненные приоритеты и место в них здоровья и здорового образа жизнедеятельности, использовать все его физические возможности и внутренние духовные силы для осуществления поставленных человеком жизненных целей.

Примечания

- ¹ См.: *Розин В.М.* Человек культурный. Введение в антропологию: Учеб. пособие. М.—Воронеж, 2003. С. 36.
- ² См.: *Дергачёва Е.А.* Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск, 2005.
- ³ См.: *Демиденко Э.С.* Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни. М.—Брянск, 2006.
- ⁴ См.: *Журов Ю.В.* Проблемы методологии истории. Брянск, 1996. С. 38—50.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 388.
- ⁶ *Гиппократ.* Избр. книги. М., 1994. С. 111.
- ⁷ *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. М., 1974. С. 216.
- ⁸ *Бердяев Н.А.* Человек и машина // Вопр. философии. 1989. № 2.
- ⁹ *П. Тейяр де Шарден.* Феномен человека. М., 1965. С. 182.
- ¹⁰ См., например: *Кутырёв В.А.* Естественное и искусственное: борьба миров. Н.Новгород, 1994; *Он же.* Разум против человека. М., 1999.
- ¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 656.
- ¹² См.: *Шевяков Г.С.* Человек и его судьба. М., 2004. С. 98—99.
- ¹³ *Гарин З.М., Кленова И.А., Колесников В.И.* Экология: для технических вузов. Ростов н/Д., 2003. С. 66.
- ¹⁴ *Кутырёв В.А.* Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // Вопр. философии. 1998. № 5. С. 138.
- ¹⁵ См.: *Михал В.* Что с защитой? // ГЕО. 2007. № 4. С. 89.
- ¹⁶ См.: *Гнатик Е.Н.* Философско-гуманитарные аспекты проблемы клонирования человека // Вестн. РУДН. Сер. Философия. 2003. № 1. С. 115.
- ¹⁷ *Гнатик Е.Н.* Человек и его перспективы в свете антропогенетики: философский анализ. М., 2005. С. 544—545.
- ¹⁸ *Гундаров И.А.* Закон духовной детерминации здоровья // Философия здоровья. М., 2001. С. 158—172.
- ¹⁹ Там же. С. 171.
- ²⁰ *Ламарк Ж.* Философия зоологии. М.—Л., 1935. С. 53.

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЗДОРОВЬЯ

Ю.П. Михаленко

Ренессансная мудрость и здоровье современных россиян

Ф.Бэкон (1561–1626) – самый знаменитый философ позднего английского Возрождения. То было время разрушения феодализма и стремительного становления капитализма. Во многом это время сходное с 1990-ми годами в истории России, когда произошёл столь внезапный переход от командно-административной системы США к буржуазным отношениям. Оба сравниваемые периода характеризуются хищническим первоначальным капиталистическим накоплением, баснословным обогащением верхушки общества, катастрофическим обнищанием большей части населения. Обнищание – главный фактор, который вёл тогда и ведёт теперь к разрушению здоровья большинства, а многих доводил тогда и доводит теперь до гибели.

Бэкон был отлично знаком с процессами, происходившими как в Англии, так и в мире. К этому обязывало его положение преуспевающего юриста и государственного чиновника. По служебной лестнице он поднялся до должности лорда-канцлера – высшей в королевском правительстве. А это позволяло ему оказывать влияние на политику – внутреннюю и внешнюю. Вряд ли этот лорд-канцлер (как христианин) был озабочен здоровьем каждого отдельно взятого британского подданного (включая нищих). Ведь он смотрел на жизнь «сверху», как выразитель интересов королевского двора и тех общественных сил, на которые опиралось правительство. А это были буржуазия и так называемое «новое» дворянство, совместно участвовавшие

в капиталистическом обогащении. Взгляд лорда-канцлера Бэкона на здоровье нации в целом характеризуется, так сказать, макро- (а не микро-)–соображениями, прежде всего его волнует порождаемая нищетой социальная нестабильность.

Опасность социального взрыва волновала и Б.Ельцина в период его президентства. Социальный взрыв нарастал в силу разрушения, вакханалией капиталистического стяжательства, всех форм социальной защиты населения – в том числе хорошо отлаженной ранее системы народного здравоохранения, упадка всякого рода медицинской деятельности, сокращения ее кредитования, ухудшения питания населения, снабжения его лекарствами и т.п.

В Англии XVII в. относительно избыточная масса населения возникла главным образом в результате так называемых «огораживаний», то есть изгнания пахарей с земли и иных процессов, сопровождавших становление капиталистического строя. Это «избыточное» население было питательной средой для мятежей и волнений. Бэкон предлагал устранить этот источник внутренней опасности путём повышения занятости населения, поощрения развития промышленности и торговли¹, а также посредством вовлечения этого «избыточного» населения в процессы колонизации Ирландии и Северной Америки².

В России 1990-х гг. сходное «избыточное» население возникло внезапно в результате крушения плановой экономики, стержнем которой было обслуживание военно-промышленного комплекса, поглощавшего более 50% ВВП. При Ельцине этот военно-промышленный комплекс в одночасье лишился государственных заказов и кредитования. Правительство Ельцина не проявило умения смягчить последствия кризиса поощрением торговли и промышленности (как советовал Бэкон). Падение производства достигло дна во время дефолта 1998 г. Какое-то оживление экономики началось лишь с 2002 г.

Что же касается рекомендованной Бэконом колонизации, то в этом вопросе нищающее население проявило самостоятельность, устремившись на заработки в США, Европейский Союз, Израиль и другие страны, ослабляя человеческий потенциал России. Речь пошла уже не только об ухудшении здоровья нации, но о её выживании.

Здоровье и благополучие одной части населения особенно заботило лорда-канцлера Бэкона. Речь идёт о том сословии, от которого зависела боеспособность английской армии — о йоменах — свободных земледельцах. Сокращение их числа вело к падению налогов и доходов казны и уменьшению числа людей, пригодных к военной службе. Поэтому Бэкон одобрил как «мудрые» меры, принятые ещё правительством Генриха VII, запрещавшие при «огораживаниях» сгонять с земли свободных землепашцев с достаточно высоким доходом (владеющих земельным наделом от 20 акров и выше)³.

Этой мерой правительство обеспечило существование значительного слоя населения — людей физически и психически здоровых, не закабалённых (в отличие от батраков), обладающих чувством собственного достоинства, не лишённых понятия о чести и в высшей степени пригодных к воинской службе. Именно йомены составили основную силу победоносной армии Кромвеля.

Катастрофическое падение боеспособности российской армии при Ельцине не поддаётся оценке. Похоже, что английское правительство XVI века проявило больше мудрости в заботе о здоровье населения, чем правительство Ельцина в XX в.

На здоровье основной массы россиян отрицательное воздействие оказывает снижение продовольственной безопасности России, недоедание и голод. В результате многие молодые люди призывного возраста являются в военкоматы истощёнными, физически и психически нездоровыми, нуждающимися в лечении от дистрофии и других болезней. Либерально-демократическая Россия до сих пор не может обеспечить и свою продовольственную безопасность, которая разрушается крахом колхозно-совхозного строя, агрессивным вторжением зарубежной продукции и т.п. неблагоприятными факторами.

Не следует пренебрегать рекомендациями Бэкона, имеющими цель увеличение населённости государства. Эти рекомендации сейчас для нас очень актуальны, Россия ежегодно теряет 700-800 тысяч населения в результате превышения смертности над рождаемостью. В «Российской газете» читаем: «По оценкам экспертов, за 20 лет население может сократиться на 21 миллион 400 тысяч человек»⁴.

Как крайний случай нездоровья индивида есть его смерть от болезни, так крайний случай нездоровья нации есть её вымирание. Рецепт Бэкона против депопуляции: свободнее предоставлять права гражданства тем, кто этого хочет. Он ссылается при этом на пример Древнего Рима, включившего в число своих граждан сначала всех жителей Италии, а позднее и всех свободнорождённых жителей империи⁵. В наше время США постоянно увеличивают свою силу, предоставляя американское гражданство иммигрантам. В последнее время правительство Путина начинает делать кое-какие шаги в том же направлении, облегчая предоставление российского гражданства бывшим гражданам СССР⁶.

Как видим, макрополитическими соображениями Бэкона о поддержании благополучия и здоровья населения нельзя пренебречь и в настоящее время.

Но в другом аспекте своей многогранной деятельности, в качестве философа, Бэкон сосредоточил внимание на проблемах здоровья индивида. В этих вопросах он обобщил свой богатый личный опыт в свете достижений древнегреческой, древнеримской и ренессансной науки. Мысли Бэкона о здоровье индивида имеют непреходящее значение. Ими с выгодой для себя может воспользоваться каждый россиянин, сознательно относящийся к сохранению и укреплению своего здоровья.

Общемировоззренческие и методологические соображения Бэкона, лежащие в основе трактовки им проблем здоровья отдельного человека, мы охарактеризовали в нашей работе «Ф.Бэкон о здоровье человеке»⁷. Здесь мы считаем полезным подчеркнуть, что, подвергнув систематизации все известные в его время научные дисциплины в своём капитальном труде «О достоинстве и приумножении наук», английский философ отвёл в своей системе знания о здоровье человека одно из центральных мест⁸.

Такое внимание к проблемам здоровья объясняется по меньшей мере двумя важнейшими обстоятельствами. И прежде всего тем, что учёные эпохи Возрождения под влиянием ренессансного гуманизма во всё большей степени отходили от средневекового теоцентристского мировоззрения, отдавая предпочтение антропоцентристским взглядам.

Другое немаловажное обстоятельство, склонявшее Бэкона высоко оценивать науки о здоровье человека, состояло в том, что он, как и некоторые другие мыслители его эпохи, стремился придать всем наукам практическую направленность, сделать их полезными для человека. Бэкон не уставал повторять, как это он делает в «Новом органоне», что истинной целью наук не может быть что-либо иное, как «наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами»⁹. Здоровье же — одно из величайших благ, которым наделён человек¹⁰.

Свой антропоцентризм и практически ориентированный подход к вещам и знаниям философ весьма рельефно выразил, интерпретируя древнегреческий миф о Прометее и представив человека, как занимающего центральное место в этом мире, в котором все вещи так или иначе способны служить человеку и его благу¹¹. Мы посмотримся повнимательнее к тому, каким образом вещи знания, по мысли английского философа, могут быть поставлены на службу каждого отдельного человека, его здоровья.

В одном из важнейших трудов Бэкона «Опыты или наставления нравственные и политические» содержится замечательное (хотя и краткое) эссе «О поддержании здоровья»¹², в котором его автор высказывает важную мысль о том, что человек должен сам заботиться о своём здоровье, и предлагает свои советы о путях и образе действий, которые, на его взгляд, всего надежнее ведут к этой цели.

Если принять названное эссе за ядро мыслей Бэкона о поддержании личного здоровья, то все остальные соображения английского философа о том же предмете, рассеянные в его многочисленных трудах, воспринимаются в качестве богатого комментария и дополнения к содержанию этого ядра. Здоровье каждого человека, по мнению Бэкона, находится, главным образом, в его собственных руках, как, впрочем, и его судьба (счастье) в целом. Английский философ любил повторять древнее изречение «каждый кузнец своего счастья»¹³. А здоровье — необходимая составляющая счастья. К сожалению, мы, как правило, слишком поздно вспоминаем о своём здоровье и начинаем о нём печалиться и хлопотать, когда чувствуем, что оно начинает от нас ускользать. Но здоровье, как и честь, надо беречь смолоду.

Первое, что должен делать человек, заботясь о своём здоровье, по совету Бэкона, это изучать свою природу, то есть физические и психические особенности своего организма. Философ советует помнить, что различия между организмами весьма существенны: тучный отличается от сухощавого, темпераментный от флегматичного и т.п. В связи с этими различиями и полезным для здоровья одного человека может быть далеко не то же самое, что для здоровья другого человека. Эти соображения заставляют Бэкона сформулировать следующий афоризм: «В этом деле есть мудрость, выходящая за рамки предписаний медицины: собственные наблюдения человека за тем, что ему хорошо, а что вредно, есть самая лучшая медицина для сохранения здоровья»¹⁴.

Человек, хорошо изучивший свою природу, будет в состоянии корректировать действия докторов, если ему придётся прибегнуть к врачебной помощи. Это бывает необходимо, ибо, замечает Бэкон: «Некоторые врачи настолько поддаются настроению пациента и подделываются под него, что не заставляют его подчиняться правильному курсу лечения; некоторые другие так педантичны в своих действиях, предпринимаемых в соответствии с искуством лечения, что недостаточно принимают во внимание состояние пациента»¹⁵. Доктора-педанты, стремясь излечить одну болезнь, способны загубить весь организм. Чтобы этого не случилось, Бэкон советует избрать средний путь между двумя крайностями: воспользоваться услугой двух различного типа докторов и «позвать как того, кто лучше знаком с вашим организмом, так и того, кто более всего известен своими способностями»¹⁶.

Теперь мы обратим внимание на следующий важный совет Бэкона, который полагал, что человек ради своего здоровья должен не только изучать свою природу, но и упорно направлять её к её же благу, помня при этом, что «природа» каждого отдельного человека способна склонять его как к благим для здоровья (воздержанность в пище и питье и т.п.), так и к вредным (пьянство, разврат т.п.), наклонностям. Задаче воспитания в человеке добродетельных привычек Бэкон посвятил специальный очерк «О привычке и воспитании»¹⁷.

Философ подчёркивает могучую силу привычки, которая побуждает к определенным поступкам преимущественно перед иными мотивами. По его образному выражению, люди слепо

следуют прочно усвоенным навыкам, «словно все они мертвые истуканы, приводимые в движение одним лишь механизмом привычки». И коль скоро привычка или обычай «является главным правителем человеческой жизни, то и надлежит все силы устремить к установлению хороших обычаев»¹⁸. (Мы в настоящее время, рассуждая о «механическом» характере привычки, предпочитаем говорить об условном рефлексе, по Павлову).

Каков же путь выработки благих привычек? Бэкон даёт такой ответ: «Привычка всего прочнее, когда берёт начало в юные годы; это и называем мы воспитанием, которое есть, в сущности, не что иное, как рано сложившиеся привычки»¹⁹. Особую силу мыслям Бэкона о воспитании здоровых людей смолоду придаёт то обстоятельство, что в своих советах английский философ опирается на достижения древнегреческой науки. Уже Платон разработал систему воспитания подрастающего поколения посредством формирования в юных душах добродетельных навыков²⁰.

Весьма важным для трактовки проблем здоровья представляется переход мысли Бэкона от значимости тех или иных привычек человека для судьбы отдельного человека к неизмеримо большему их влиянию в том случае, когда одни и те же привычки и обычаи овладевают значительной частью населения. Бэкон утверждает: «Но если такова сила привычки у отдельных людей, ещё гораздо могущественнее сила обычая среди людских масс. Ведь тут человека наставляет пример, ободряют товарищи, побуждает соревнование и награждает одобрение; так что сила обычая имеет здесь наиболее благоприятные для себя условия. Конечно, умножение добродетели в человеческой натуре зависит от хорошего устройства общества»²¹.

Замечание Бэкона о хорошем устройстве общества заставляет вспомнить о проектах идеального государственного устройства, разработанных Платоном и другими мыслителями. Но нас интересуют, прежде всего, современные проблемы здоровья. И здесь приходится только удивляться, насколько точно слова английского философа описывают состояние того массового психоза, который увлѣк с 1990-х гг. значительную часть россиян (включая молодѣжь) к алкоголизму, наркомании, сек-

суальной распушенности и другим порокам. Бэкон недаром добавляет, что «наиболее действенные средства направлены в наши дни к целям наименее желательным»²². За массовой тягой к порокам (алкоголизм, проституция и т.п.) и в XVII в. стояли интересы торгашей. Слова, верные для XVII в., во сто крат справедливее в наши дни, когда корыстные интересы наркодельцов, торговцев алкоголем и т.п. обслуживает не только внешняя реклама, но и мощные электронные СМИ. Алкоголизм, наркозависимость, проституция и т.п. официально признаны угрожающими национальной безопасности, здоровью нации. Справедливости ради отметим, что правительство Путина делает кое-что для защиты здоровья россиян от названной заразы. Существуют национальные программы борьбы против наркомании и СПИДа. Но эффективность их низка. Что касается алкоголизма, то в конце 2005 г. принят Закон, запрещающий распитие спиртосодержащей продукции (включая пиво) в общественных местах (кроме предприятий общепита)²³.

Бэкон советует каждому человеку не только надеяться на хорошее правительство, но и самому управлять своими привычками, себе на благо. А дело это непростое. Оно требует волевого и осмотрительного подхода. Следует помнить, что подавить свои природные склонности полностью редко удаётся: «Принуждение заставляет природу жестоко мстить за себя ... но только привычка может её переделать и покорить»²⁴.

Как правильно культивировать полезные навыки? Сначала, советует Бэкон, не следует ставить себе «ни чрезмерно трудных, ни слишком лёгких задач» — чтобы не разочароваться в своих усилиях. Но постепенно полезно предъявлять к себе более серьёзные требования, подобно пловцам и танцорам, лишь постепенно доводящим нагрузки на свой организм до максимальных. На этом пути можно победить любую дурную привычку, вредящую вашему здоровью. Что касается специально пьянства, то Бэкон советует постепенность, при которой, «отучаясь от вина, переходят от заздравных кубков к одному глотку за едой». Позднее же можно будет «и совсем оставить свою привычку». Бэкон присовокупляет: «Но если хватает у человека стойкости и решимости покончить с ней разом, это всего лучше»²⁵. Вот так отделяются от вредоносных привычек.

Как видим, Бэкон очень внимателен к особенностям природы человека: в одной и той же ситуации он рекомендует вести себя по-разному людям волевым и лицам менее решительным. Даже победив свою вредную склонность и вредную привычку, предупреждает нас Бэкон, мы не должны успокоиться, а быть настороже: «И пусть никто не верит вполне победе над своей природой, ибо природа может долгое время не давать о себе знать и вновь ожить при случае или соблазне». Какой образ действия на этот случай избрать? Бэкон советует: «А потому пусть человек либо вовсе избегает соблазна, либо почаще ему подвергается, дабы стать к нему нечувствительным»²⁶. Здесь опять же первый совет предназначен для характеров нестойких, а второй – для вполне решительных.

Бэкон формулирует общий тезис о натуре человека, результат его жизненного опыта и научных размышлений: «В каждом человеке природа всходит либо знаком, либо сорной травой; пусть же он своевременно поливает первые и истребляет вторую»²⁷. Силу этого бэконовского тезиса мы ощутим не раз, рассуждая о страстях, которые английский философ считал благотворными или, наоборот, губительными для нашего здоровья.

Бэкон учит каждого человека умению властвовать над собой, над своими мыслями, чувствами и поступками. Ибо «тот, кто поймёт до конца природу человека, тот почти наверняка может стать кузнецом своего счастья»²⁸. Пушкин придал этой древней мудрости поэтическую форму. У него Онегин поучает Татьяну: «Учитесь властвовать собою!». Властвовать нужно над своими чувствами, в данном случае – над любовной страстью. Ради чего? Ошибка может привести к катастрофе: «К беде неопытность ведёт!» Вспомним о печальной судьбе Анны Карениной!

Разнообразные страсти сильно влияют на наше самочувствие. Уже древнегреческая жреческая медицина искала и находила способы излечения физических недугов посредством воздействия на психику человека²⁹. Бэкон в своих трудах сохраняет преемственность с древнегреческой медициной. Он специально рассматривает вопрос о губительном влиянии ряда типических аффектов на наше здоровье.

Взглянем глазами Бэкона на такую страсть, как честолюбие и себялюбие. Философ сравнивает эти наклонности с желчью, которая способствует «рвению в делах». Но не находя удовлетворения в достижении целей честолюбца, его страсть «перегорает, обращаясь в губительный яд». В таком случае честолюбцы «преисполняются тайного недовольства, со злобой взирают на всё и вся» и радуются, когда дела в обществе идут плохо, надеясь использовать ситуацию в своих целях. Они становятся опасными для государства и его граждан³⁰.

В другом месте Бэкон говорит о том, сколь опасны для окружающих себялюбцы. Он утверждает, что «люди, чрезмерно себялюбивые, вредят обществу». В своих эгоистических устремлениях они теряют всякое чувство меры. Такие всегда предпочтут «собственное ничтожное благо» «величайшему благу» государства и народа. «Эти крайние себялюбцы готовы сжечь дом, лишь бы зажарить себе яичницу». Их мудрость – это «мудрость крыс, покидающих дом, которому суждено завалиться»³¹.

Глубочайший знаток человеческой души и социальной психологии Бэкон за несколько столетий до нашего времени дал социально-психологический портрет честолюбцев и себялюбцев типа Ельцина, готовых в силу своих эгоистических побуждений разрушить великое государство – СССР. Мы знаем о катастрофических последствиях для здоровья массы россиян от их деятельности. На их совести также многие погибшие и искалеченные в возникших при крушении Советского Союза местных военных конфликтах.

Родственна себялюбию зависть, которую Бэкон тоже характеризует как весьма вредоносное свойство индивида³². Он утверждает: «Никакая страсть так не околдовывает человека, как любовь и зависть». «Человек, лишённый достоинств, неизменно завидует им в других»³³. Философ полагает, что «зависть из всех страстей самая упорная и неугомонная». Но она опасна и для самого завистника, ибо замечено, что «любовь и зависть иссушают человека». Зависть также есть гнуснейшая из страстей – недаром является она главной принадлежностью дьявола; он и есть тот завистник, который, «когда люди спали, пришёл и посеял между пшеницею плевелы, и ушёл»³⁴.

Итак, зависть — страстишка дьявольская. Особенно велик от неё вред в общественной жизни. Бэкон поясняет: «В государстве она подобна моровой язве, ибо, как моровая язва постепенно заражает всё здоровое, так и зависть, раз появившись в стране, порочит самые благие дела и толкует их дурно. Тогда мало пользы и от уступок, ибо они лишь укажут на слабость правителей и страх перед завистью»³⁵.

Опять находим в этих словах социально-психологическую характеристику типической ситуации. Эта характеристика может быть с успехом применена для описания постепенного перехода власти в Москве к Ельцину. Властолюбивый завистник Ельцин, стремясь к высшей власти, демагогически выхолостил цели перестройки и, постоянно добиваясь от безвольного Горбачева уступок, привел дело к беловежским соглашениям. После этого Горбачёв добровольно сложил с себя полномочия. Последствия для здоровья россиян были катастрофическими.

А какова связь здоровья современных россиян с типической страстью, овладевающей, с переходом к рыночной экономике, прежде всего — господствующими кругами — высшей бюрократией, олигархами и теми, кто так или иначе связывает с ними свою судьбу. Речь идёт о страсти к стяжательству, к обогащению любыми — законными и незаконными — средствами. Процессы стяжательства, охватившие высшее английское общество, Бэкон описал в своих многочисленных трудах³⁶. Здесь мы отметим некоторые высказывания английского философа, которые можно непосредственно отнести к процессам, происходящим в последнее время в России.

«Что касается богатств, — говорил лорд-канцлер Бэкон в палате общин, — то никто не может игнорировать всеобщее идолопоклонство перед деньгами в наш вырожденный век, как будто они способны доставить всё в личной и общественной жизни»³⁷.

В очерке «О счастье»³⁸ он описывает обстоятельства, при которых один стяжатель уничтожает другого при переделе национального богатства. Способы стяжательства, пояснял лорд-канцлер, многообразны. «Наиболее же частой внешней причиной счастья одного человека является глупость другого, ибо нет другого такого способа внезапно преуспеть, как воспользоваться ошибками других людей». Бэкон цитирует древнее изре-

чение: «Змея не станет драконом, пока не съест другую змею»³⁹. И в наше время у нас на глазах один олигарх «пожирает» другого, а разорившийся сводит счёты с жизнью. Бэкон в немногих точных словах рисует психологический портрет беспощадного стяжателя: как бывают люди, склонные творить добро, так существует «прирождённая злобность, по природе своей не терпящая чужого благополучия». «В чужом несчастье такие люди чувствуют себя как рыбы в воде и на редкость умеют его отягчить». Они — человеконенавистники, «постоянно занятые тем, что доводят людей до петли»⁴⁰.

И мы теперь постоянно слышим и читаем почти ежедневно, как бандиты убивают инкассаторов, похищая миллионные суммы, предназначавшиеся в качестве зарплаты большим коллективам. Глупостью многих, а вернее, их наивностью, воспользовались основатели различного рода финансовых пирамид (вроде братьев Мавроди), похитившие у граждан миллионы сбережений. Да что там мошенники частного порядка, когда само государство (правительство Ельцина) в одночасье разорило граждан, обесценив их сбережения в Сбербанке. Отсюда — внезапное обнищание граждан с катастрофическими последствиями для их здоровья. Не забудем о фальсификации продуктов недобросовестными производителями — и всё это ради стяжательства. Сколько россиян загубили свое здоровье фальсифицированными лекарствами, фальсифицированной водкой и т.п. отравой?!

Но эмоции бывают не только вредоносными для нашего здоровья, но и целительными. Бэкон помнит как об одних, так и о других. Он высоко оценивает способность к дружбе, считая радость от общения с друзьями благотворной, отсутствие же такого общения — губительным. Философ ссылается на исторические примеры. Французский историк Комин, служивший у бургундского герцога Карла Смелого, сообщает, что герцог ни с кем не делился своими секретами, особенно теми, которые его больше всего удручали, и эта обеспокоенность, вызванная его чрезмерной замкнутостью, «ослабила и немного повредила его разум». Столь же мучительной была и скрытность французского короля Людовика XI, который вёл борьбу против бургундского сепаратизма Карла Смелого. В связи с этим обстоятель-

ством Бэкон ссылается на афоризм Пифагора: «Не грызи сердца». Конечно, добавляет он, — «те, у кого нет друзей, которым они могли бы открыться, являются каннибалами своих собственных сердец»⁴¹. Философ обобщает: «Главный плод дружбы заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют разного рода страсти». И «ни одно средство так не облегчает сердца, как истинный друг, с которым можно поделиться горем, радостью, опасениями, надеждами, подозрениями, намерениями и всем, что лежит на сердце и угнетает его, в своего рода гражданской исповеди или признании»⁴².

Откровенное общение с другом, продолжает Бэкон, «удваивает радости и делят горести пополам. Потому что нет такого человека, который, поделившись своими радостями с другом, ещё более не возрадовался бы; и нет такого человека, который, поделившись своими печалью с другом, не стал бы меньше печалиться». Друг способен подать верный совет, что облегчает нам исправление ошибок нашего поведения и характера. Таким образом «самым лучшим средством сохранения душевного здоровья является справедливое предупреждение друга». Самоанализ и чтение книг не всегда помогают. «Самое же лучшее лекарство (по-моему, лучше всего действующее и лучше всего воспринимаемое) — предупреждение друга»⁴³.

Какое значение для нашего здоровья имеет такое человеческое качество, как доброта? Этот вопрос философ рассматривает в очерке «О доброте и добродушии»⁴⁴. Он ставит доброту очень высоко: «Изо всех добродетелей и достоинств доброта есть величайшее, ибо природа её божественна; без неё человек лишь суетное, вредоносное и жалкое создание... Доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно... Другие человеческие качества могут вести к излишествам, «милосердие же не бывает чрезмерным, и не может ввести в грех ни человека, ни ангела». Бэкон подчёркивает великую гуманистическую заслугу христианства, ведь «ни один закон и не одно учение так не превозносит доброту, как это делает христианство». Бэкон, однако, предупреждает против опасности использования христианской доброты некоторыми мошенниками в своих корыстных целях⁴⁵.

Прибегая к милосердию, учит Бэкон, следуй примеру господа бога нашего Иисуса Христа, говорившего: «Всё что имеешь, продай и раздай нищим... и приходи, последуй за мною»⁴⁶. Бэкон поясняет эту евангельскую заповедь: «Но не продавай всего, что имеешь, если не готов последовать» за Христом в качестве его апостола, то есть «если нет призвания, которое позволит тебе с малыми средствами делать столько же добра, сколько с большими»⁴⁷. Смысл этих слов таков: сначала измерь свои способности к милосердию. Апостолы несут доброту во многие сердца, кто к этому подвигу не призван, тот пусть оказывает милосердие в меру своих сил и возможностей немногим сирым, убогим и хворым, и это ему зачтется.

Встав на путь милосердия, не следует забывать о своём собственном спасении. Поэтому Бэкон присовокупляет к предыдущему: «Остерегайся также разбить оригинал, делая слепок; оригиналом же, согласно Писанию, является любовь к самому себе, а любовь к ближнему – лишь слепком»⁴⁸. А смысл этих слов таков: если каждый россиянин будет выше всего ставить и ценить в себе любовь к своему ближнему, то общее количество доброты в обществе достигнет критической массы, и она начнёт разрушать взаимную озлобленность, нараставшую в условиях рыночной конкуренции, люди перестанут убивать и калечить друг друга из-за денег и обратятся к благотворительности, к спасению духовного и физического здоровья беспризорных детей и т.п. благом делам.

Полезно заметить, что, с точки зрения Бэкона, высокое положение в обществе лишь потому имеет ценность, что позволяет человеку, занявшему важный пост, делать многим людям добро⁴⁹.

Теперь обратим внимание на то, сколь важное значение для сохранения здоровья отдельного человека и нации в целом Бэкон придавал правильному регулированию брачно-семейных отношений. В своём знаменитом сочинении «Новая Атлантида» он описывает обычаи населения утопического острова Бенсалем, куда случайно попали европейцы. Бэкон утверждает, что жители Бенсалема – самые целомудренные люди. И «нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа... нет у них ни публичных домов, ни блудниц, и ничего

на это похожего. Они изумлены (а также и возмущены) тем, что вы, европейцы, терпите у себя подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак его смысла; ибо брак ведь призван быть средством против недозволенных вожделений». Где люди предаются «извращённой похоти, там брак почти устраняется». Мало ли таких, которые предпочитают развратную холостяцкую жизнь?! Из «тех, кто женится, многие женятся поздно, когда пора их расцвета уже миновала. Да и что для них брак, как не сделка, в которой ищут выгодных связей, приданого и высокого положения». При этом не всегда или без большого желания ищут продолжения рода. «Невозможно также, чтобы, расточив столь постыдным образом лучшие свои силы, они так дорожили детьми (этой частью нас самих), как это бывает у людей целомудренных». «Что касается любви между мужчинами, этого у них нет и в помине»⁵⁰.

Мы ещё раз убеждаемся в том, насколько точно Бэкон охарактеризовал разрушение брачно-семейных отношений в условиях рыночной экономики и в сколь высокой степени его характеристики применимы к ситуации в современной России. Мы помним, сколь разнузданная реклама секса полилась с телеэкранов в 1990-е гг. Почти на каждом углу в Москве возникли киоски с надписью «Интим», появилась служба знакомств по телефону, определённые силы повели кампанию за легализацию проституции и т.п. В результате страна получила резкое снижение возраста вступления во внебрачные половые связи, разрушение материнства, болезненных и отказных детей, катастрофическое падение рождаемости и вымирание нации.

Что касается однополый любви, то в Москве уже была попытка зарегистрировать однополый брак, попытка неудачная, ибо отсутствует соответствующий закон. А вот в Великобритании и Нидерландах соответствующие законы уже приняты. Пионером в их реализации стала Северная Ирландия. Две женщины юридически оформили свои однополые отношения. Около 100 человек пришли мирно протестовать против этой процедуры. Две однополые дамы благословили протестующих.

В Англии желание зарегистрировать однополый брак заявил известный певец. В «Российской газете» читаем: «Прославленный британский музыкант сэр Элтон Джон выходит замуж».

Ему 58 лет. Официальная церемония бракосочетания объявит его «законным мужем 43-летнего канадского продюсера Дэвида Ферннша», с которым он состоял в неофициальном браке последние 12 лет. Дом Элтона недалеко от Виндзора стоит 12 миллионов фунтов стерлингов. На свадьбу будет затрачено около 1 миллиона фунтов стерлингов. Здесь же опубликован портрет этого сэра, чтобы читатель мог подивиться цинизму современной буржуазной элиты, не стыдящейся своих извращений, если она может оплатить их, ради своего удовольствия, большими деньгами⁵¹. Европа давно не знает естественного прироста населения.

Итог. В этой статье мы отметили лишь некоторые аспекты рассуждений Бэкона о поддержании здоровья, которые могут заинтересовать и рядового гражданина, и государственного деятеля, озабоченных сохранением здоровья российской нации.

Примечания

- ¹ *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1971–1972. С. 385.
- ² *Васон F.* The works of ... Vol. III. L., 1826. P. 294.
- ³ *Бэкон Ф.* Об истинном величии королевств и республик // *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 419.
- ⁴ Рос. газ. 2005. 9 дек. № 5. С. 3.
- ⁵ *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 419–420.
- ⁶ Рос. газ. 2005. 9 дек. № 5. С. 3.
- ⁷ *Философия здоровья.* М., 2001. С. 24–33.
- ⁸ *Бэкон Ф.* Соч. Т. 1. С. 251–280, 422–436.
- ⁹ Там же. Т. 2. С. 45.
- ¹⁰ Подробнее о взглядах Бэкона на практическое назначение науки см. в нашей работе: *Михаленко Ю.П.* Ф.Бэкон и его учение. М., 1975. С. 223–231.
- ¹¹ *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 279.
- ¹² *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 424–425.
- ¹³ Там же. С. 443, 559.
- ¹⁴ Там же. С. 424.
- ¹⁵ Там же. С. 425.
- ¹⁶ Там же. Ср.: Там же. С. 414.
- ¹⁷ Там же. С. 441–443.
- ¹⁸ Там же. С. 442.
- ¹⁹ Там же.

- 20 *Платон*. Государство. IV. 424 а. VII 537 а–d. 518 d–519 b.
- 21 *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 443.
- 22 Там же.
- 23 Рос. газ. 2005. 7 дек. № 275. С. 17.
- 24 *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 440.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 441.
- 27 Там же.
- 28 Там же. С. 289.
- 29 *Castiglioni A.* A History of medicine. N. Y., 1946. P. 125.
- 30 *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 436–437.
- 31 Там же. С. 403–404.
- 32 Там же. С. 367–370.
- 33 Там же. С. 367.
- 34 Библия. М., 1992. Нов. Зав. Матф. 13, 25.
- 35 *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 370.
- 36 См. об этом в нашей работе: *Михаленко Ю.П.* Ф.Бэкон и его учение. С. 6–75.
- 37 *Vascon F.* The works of ...Vol. III. L., 1826. P. 415.
- 38 *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 443–444.
- 39 Там же. С. 443, 559.
- 40 Там же. С. 378.
- 41 Там же. С. 411.
- 42 Там же. С. 409.
- 43 Там же. С. 412–413.
- 44 Там же. С. 377–378.
- 45 Там же. С. 377.
- 46 Там же. С. 378. Ср.: Библия. Нов. Зав. Марк. 10, 21.
- 47 Там же. С. 378.
- 48 Там же.
- 49 Там же. С. 438.
- 50 Там же. С. 510–511.
- 51 Рос. газ. 2005. 19 дек. № 285 II. С. 3.

С.А. Нижников

О мировоззренческом здоровье

Уже Эпикур говорил, что бесполезны слова того философа, которыми не врачуется страдание человека. Ведь философия, ее предмет и суть — не в абстрактном мышлении, а в том, что это наука о духовных основах человеческой жизни, и человек является ее главным субъектом и объектом одновременно. Выявленное знание о человеке и его положении в мире может выражаться в абстрактном мышлении и его средствами, но отнюдь не сводится к нему. Человек представляет собой микрокосмос, и в этом смысле объединяет три уровня бытия: материальный (биологический, телесный), психический и духовный. Поэтому и понятие здоровья может рассматриваться с этих трех точек зрения. Однако в гармоничном мировоззрении и личности они должны интегрироваться, чему современная действительность зачастую активно противостоит. Философия прежде всего заботится о духовном здоровье человека, исходя из которого он оказывается способным выстроить правильное руководство своей психической и телесной жизнью. Такому выстраиванию активно препятствуют суеверия, столь распространенные в современном российском обществе. Философия несовместима с суевериями, более того, ее одна из основных функций — очищение массового и индивидуального сознания от искажений, порождающих, вслед за мировоззренческой дезориентацией, психические и физиологические заболевания. Особо данная функция философии проявила себя в творчестве И.Канта.

Иммануил Кант полагал, что человек принадлежит сразу как бы двум мирам: *умозрительному* (ноуменальному) — своим духовным и моральным бытием, и *эмпирическому* (феноменальному, чувственному) — своим физическим существованием¹. И действительно, каждый может обнаружить, что человек, оставаясь единым и целостным существом, внутренне дифференцирован: он состоит из души и тела. Не будем затевать спор об их сущности и возможности бессмертия души. Отметим лишь, что в связи с наличием того, что мы обозначили как «душа», человека нельзя всецело свести к биологическому виду. Несмотря на то, что человека нет без тела, оно не представляет собой его субстанции. Оно лишь субстрат, сущность же человека заключена именно в душе. В связи с этим происхождение человека тоже будет двойственным: можно рассматривать как происхождение его тела, так и души. И хотя эти процессы тесно взаимосвязаны, они отнюдь не тождественны, ибо неравнозначны. Мы бы определили это соотношение следующим образом: *человек по природе — существо биологическое, а по сущности — социально-духовное*. Биологическое становление важно лишь как формирование материальной основы его существования. Но как бы хорошо эта основа ни была развита, своим собственным механико-биологическим развитием она неспособна породить человека в полном смысле этого слова. Это положение подтверждает тот факт, что если человек в самом раннем возрасте попадает во внеобщественную ситуацию взросления, то уже никогда не сможет стать полноценным человеком, научиться членораздельной речи и счету, несмотря на внушительный объем мозга и развитую кисть руки.

Итак, человек является одновременно частью природы и вместе с тем неразрывно связан с обществом. Биологическое и социальное слиты в нем воедино. Однако биологическое в нем уже не существует в чистом виде, оно социально обусловлено. Человек сам моделирует свое поведение и может выбирать различные социальные роли. Человеку свойственно ценностное отношение к действительности, он преобразует действительность в соответствии со своими постоянно развивающимися потребностями, создает необходимые ему материальные и духовные блага ценности. Человек создает как бы «вторую природу» — культуру.

В свете сказанного определение человека как только биосоциального существа выглядит недостаточным. Душа и тело в человеке нерасторжимы, но и неслиянны, ибо имеют свою качественную специфику: материальная деятельность направлена на удовлетворение телесных, биологических потребностей человека, а духовная — на удовлетворение интеллектуальных, моральных и эстетических потребностей. Однако, несмотря на теснейшую взаимосвязь указанных сфер, значимость их для человека и общества в разное время может быть различной. Человека делает человеком то, что отличает его от животного мира. А это и есть духовная сфера в обществе и душа в человеке. Если духовность и мораль не развиваются, то наращивание лишь технической мощи может привести человечество к гибели, так как оно не сможет разумно-нравственно воспользоваться собственным потенциалом и уничтожит себя и все живое или в ядерной войне, или в глобальной экологической катастрофе.

Учение И.Канта о суевериях как «болезнях головы» и диететике

Согласно Канту, «Философия есть *здоровье разума* (status salubritatis), в этом ее воздействие», она «должна (терапевтически) воздействовать как лекарство (material medica)»².

Общеизвестно, что в юности Кант отличался слабым здоровьем, в силу чего ему прочили короткую и непродуктивную жизнь. Однако философ смолоду разработал систему правил, диететики, режим дня, которым следовал неукоснительно всю жизнь. Диететику он понимал, как «умение *предотвращать* болезни, в отличие от *терапии*, которая стремится их лечить»³. Она действует *негативно*, в качестве способа *предотвращения* заболевания. Ее положения он изложил в работе *О способности духа одной только силой воли побеждать болезненные ощущения*⁴. Диететика «предполагает такую способность, которую может дать только философия или ее дух»⁵.

Биографы отмечают, что Кант любил повторять изречение «повелевай своей натурой, или она будет повелевать тобой». Он исходил из принципа «Работа — лучший способ наслаждаться жизнью» — чем больше ты сделал, тем больше ты жил⁶. В по-

следней изданной мыслителем работе *Антропология с прагматической точки зрения* (1798) Кант говорит на семьдесят пятом году жизни: «...работа — лучший способ наслаждаться жизнью».

Кант подчеркивает, ссылаясь на стоицизм, что философия может быть полезной человеку не только в качестве науки о добродетели, но и в качестве науки врачевания. Последнее возможно тогда, когда человек из разума определяет свой образ жизни и властвует над своими чувствами. Если же разум прибегает к услугам извне, к средствам физиологического воздействия (к аптеке или хирургам), то речь идет уже о механическом, эмпирическом, а не философском лечении⁷. Ученых Кант также призывает «соблюдать диету мышления»⁸, давать себе отдых.

В письме к Мендельсону (1783) Кант пишет следующее: «Уже давно одно твердое правило жизни составляет высший принцип моей диететики. Это правило, которое много времени тому назад я нашел не помню у какого английского автора, гласит: у каждого человека существует свой собственный способ быть здоровым, который он не может изменять, не подвергая себя риску. Следуя этому правилу, я всегда в состоянии преодолеть недомогание и избежать болезни; впрочем, я считаю, что всего долее живут в том случае, если менее всего заботятся о продлении жизни, но соблюдают, однако, осторожность, дабы не сократить ее каким-либо вмешательством в нашу благотворную природу»⁹.

В письме к Хуфеланду (1797) Кант пишет о своем намерении набросать и послать адресату план диететики, чтобы показать «власть духа над болезненными физическими ощущениями». В качестве лекарства Кант предполагал только меры психологического воздействия, которые в то время еще не применялись в медицинской практике. О себе он пишет, что, несмотря на 74-й год, средства, разработанные им, позволяли благополучно избегать множества болезней. К сожалению, множество дел не позволили Канту раскрыть в письме все секреты своей трудоспособности¹⁰. В письме к Шену (1802) Кант признается, что его силы с каждым днем тают, но отмечает, что по-настоящему никогда не болел и не опасается какой-либо серьезной болезни¹¹. Он был также убежден, что моральная культура необходима для физического завершения человеческой

природы, что «моральная, практическая философия является также универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении»¹².

Однако физическое здоровье — лишь часть благополучия, для полноты которого необходимо присоединить еще нечто чисто моральное. То здоровье, которое можно приобрести при помощи философии, касается, прежде всего, гармоничного мировоззрения, отсутствия в нем суеверий, которые Кант определял как «болезни головы», наряду с физиологическими заболеваниями. И в своей последней работе, как и в ранней, он продолжает критиковать мистицизм Сведенборга: «Считать вслед за Сведенборгом действительные, воспринимаемые нашими чувствами явления мира лишь символами скрытого умопостигаемого мира, не более, чем мистика»¹³. Задача просвещения как раз в том и заключается, полагает Кант, чтобы символическое отличать от интеллектуального, иначе идеал будет подменен идолом. Предсказания, пишет Кант, «хвалят, когда они сбываются, и забывают, когда они не оправдываются, что позволяет сохранить известную веру в них»¹⁴. Все предсказания, продолжает Кант в «Антропологии», не только бесполезны, но и нелепы, ибо мыслят понятие свободы противоречиво¹⁵.

Кант опирается на моральные задатки в человеке, которые являются, по его мнению, *сверхчувственными*, но не *сверхбестественными*. Он отрицает всякое влияние мистических переживаний в сфере веры, называя их «душенадрывающими» («душераздирающими») и «душещипательными»¹⁶. В мистическом понимании веры он критикует неестественность веры, когда субъективные условия ее возникновения подменяют цель — добродетельную жизнь. Кант стремился пройти между «ортодоксизмом и умерщвляющим разум мистицизмом»¹⁷.

Культуру добродетели Кант называл моральной *аскетикой* и диететикой, цель которой — содержать себя в морально здоровом состоянии¹⁸. Мораль как основа веры (религии), согласно Канту, кончается там, «где кончается человеческий род», она «у всех людей изначально одна и та же»¹⁹, ибо имеет априорный статус. *Критика чистого разума* «определила человеку в мире исключительно активное *существование*», согласно ко-

торому «Человек сам изначально является творцом всех своих представлений и понятий и должен быть единственным источником всех своих поступков»²⁰. Согласно Канту, моральный закон «совершенно вырывает нас из [оков] природы и возвышает нас над ней». Он обеспечивает «присущее только человеку и отличающее его от остальной природы качество — моральность, благодаря которой мы являемся независимыми и свободными существами...». И далее: «Именно эта моральность, а не рассудок есть, следовательно, то, что делает человека человеком»²¹. Поэтому Кант говорит о необходимости этической гимнастики²².

Мировоззрение и суеверия

Первоначально может показаться, что мировоззрение и здоровье связаны между собой весьма условно, но это только на первый взгляд. На деле, вглядываясь пристальнее, между ними обнаруживается безусловная причинно-следственная связь. Человек — существо культурное. Каждая эпоха определяет его образ, то или иное понимание здоровья и пути к нему.

Мировоззрение представляет собой системную совокупность взглядов человека на окружающий мир, общество и самого себя. Роль мировоззрения в жизнедеятельности человека огромна, без него невозможно осуществление целеполагающей деятельности. Оно всегда стоит между человеком и миром, связывает человека с ним, а иногда, если оно искаженное, способно дезориентировать его.

Исходя из мировоззрения, человек определяет смысл своей жизни, который является основным мировоззренческим вопросом, ядром мировоззрения, на его основе формируются ценности, идеалы и установки человека. Мировоззрение исторично, определяется эпохой и временем, в которых живет человек. Однако развитая личность может превосходить своим мировоззрением ту эпоху, в которой живет. Такое мировоззрение прогрессивно, ибо отражает потребности как общественного, так и личностно-духовного развития. В противоположном случае индивидуальное мировоззрение может деградировать к предшествовавшим эпохам, носить суеверный характер, быть деструктивным и антипрогрессивным. Таково суеверное мировоззрение.

По видовым различиям мировоззрение может быть философским, религиозным, научным, обыденным и суеверным. Именно последнее является необъективным и дезориентирует человека. Девизом философского мировоззрения могут стать слова И. Канта: «**Имейте мужество пользоваться собственным умом**». Обывателю может казаться, что он думает сам, на самом же деле его сознание заполнено штампами, стереотипами мышления, навязанными массовой культурой. Те, кто способен действительно мыслить самостоятельно, уже являются философами (не по диплому или виду профессиональной деятельности, а по складу ума).

Если первые виды мировоззрения являются позитивными, а последнее (обыденное) — терпимым, то **суеверное мировоззрение** искаженно воспринимает окружающий мир, оно — негативно. Его носитель извращает или вовсе отрицает как достижения науки, так и мировые религии вместе с философией. Субъективно он может причислять себя к какой-либо развитой религии, но подменять ее глубокое содержание своими или позаимствованными вымыслами (астрологией, колдовством, магией и т. п.). Суеверное мировоззрение опасно не только для индивида, но и для общества. Разрушить его может помочь приобщение к науке, философии и правильно понимаемой вере.

Вместе с тем необходимо отметить, что суеверия вполне могут присутствовать в любом мировоззрении, если оно не носит целостного характера. В целом же, в идеале, суеверия не совместимы только с философским и развито-религиозным мировоззрением, ибо только философия и религия способны своим методом объяснить весь окружающий мир: философия — на основе разума, а религия — на основе веры. Поэтому, строго говоря, может быть только два целостных мировоззрения, несовместимых ни с какими суевериями — это **философское** и **религиозное**. Однако на деле, в эмпирической жизни обычный верующий человек зачастую примешивает к вере еще и массу суеверий, не видя между ними разницы. Но вера и суеверия принципиально различны. Попробуем пояснить это.

Вера основывается на умозрительной идее и не носит натуралистического характера, в то время как суеверия — это своеобразная «суетная вера», вера во всякую чепуху. Суеверия все

гда натуралистичны, они дают буквальное толкование тому, что в вере толкуется духовно-символически. Вера дает простор свободе человека и утверждает ее, а суеверия всегда говорят о полной зависимости человека от каких-либо сил и духов. Суеверия, как и мистика, строят иные миры по образу и подобию, по аналогии с этим чувственным миром; по сути, они просто удваивают, утраивают этот мир. Вера говорит об ином мире как мире духовном, умозрительном, а не находящемся где-то в пространстве и времени. Вера говорит о вечности. Рай и ад — это духовные идеи, поэтому в этих понятиях бесполезно искать чудесные сады или чертей со сковородками. В религиозных преданиях эти символы могут присутствовать, но пониматься они должны не натуралистически. Суеверий всегда бесконечное множество, а вера — одна, хотя ее интерпретации могут быть различными.

Если суеверия не совместимы с философским и религиозным мировоззрением, то вполне совместимы с научным и обыденным. Да, наука противоречит суевериям, является их антиподом, но только с точки зрения методологии. Научная методология строится на причинно-следственных связях, проверенных экспериментально, а суеверия лишь на фантазиях и страхах. Но если мы говорим о мировоззрении, которое стремится организовать себя на научных началах, то в нем вполне могут соседствовать рядом с научными фактами самые абсурдные суеверия. Известно, что даже знаменитые ученые не лишены суеверий, когда начинают размышлять о том, что выходит за рамки их конкретной науки. Происходит это потому, что наука, в отличие от философии и религии, не способна объяснить абсолютно все, не способна заполнить все «пространство» сознания. Всегда остается нечто, что наука не может объяснить. Более того, с ростом научного знания растет и сфера непознанного. Только мудрец, который познал очень много, мог бы сказать, что он ничего не знает. Поэтому Сократ и говорил о себе: **«Я знаю, что я ничего не знаю»**. Знает «все» только невежда, который свои суеверия выдает за знания.

Исходя из того, что наука не все может объяснить, она, строго говоря, не может построить и целостного мировоззрения на собственных началах. В этом смысле можно сказать, что науч-

ное мировоззрение в принципе невозможно, возможно лишь мировоззрение, которое стремится использовать в объяснении мира те знания, которые может ему предоставить наука, но она может предоставить весьма немного. Поэтому в таком мировоззрении остается место или для философии, или для религии, или в конечном счете и что проще всего – для суеверий. Ведь для того, чтобы дополнить мировоззрение философией, ее необходимо знать. А это большой многолетний труд интеллекта. Философия не дается так просто, как чтение гороскопа. А для того, чтобы дополнить его развитой формой религии, мировой религией, необходимы тоже немалые познания, нужно приобщение к традиции, знание ее. Все это также является длительным и сложным процессом. А вот для восприятия суеверий нет необходимости ни в интеллектуальном развитии (не надо напрягать мышления), ни в познании духовных традиций и истории. Суеверия сразу дают ответы на все вопросы, иногда даже не нужно читать, достаточно включить телевизор и посмотреть очередные «глобальные прогнозы» или беседы с различными «магами» и экстрасенсами, излечивающими на 150% от всех болезней и с первого сеанса. Распространение суеверий в российском обществе можно назвать интеллектуальным геноцидом, так как это ведет к разрушению нации изнутри, ее духовного строя.

То, что философия выходит за рамки строго научного знания, отнюдь не означает, что к ней каким-либо образом могут относиться суеверия. Вненаучное знание также не тождественно им, ибо вненаучное еще не означает иррациональное, а суеверия таковы. Их можно охарактеризовать как заведомо искаженное представление человека о какой-либо действительности. К суевериям можно отнести все вымышленное, никак не подтвержденное, иллюзорное. Вместе с тем к ним нельзя отнести, например, художественный и творческий вымысел, сказки или фантастику. Они являются элементом культуры, предназначены для воспитания, развития воображения и мыслительной деятельности, в то время как суеверия ничего не развивают, напротив, сужают сознание человека, делают его фанатичным и трусливым, не несущим ответственность за свои поступки, все списывающим на какие-либо потусторонние

силы. Суеверия являются плодом не культуры, а бескультурия и невежества. Они не только не ушли в прошлое, но современная массовая культура и СМИ распространяют их денно и ночью, стремясь привлечь недалеких обывателей, слушателей и зрителей. К особо популярным суевериям современного «просвещенного» человека можно отнести такие «систематические» суеверия и псевдонауки, как астрологию, магию, парапсихологию, экстрасенсорнику, предсказания (типа Нострадамуса) и т.д.

Важно понять, что данные суеверия не безвредны, они способны гипнотизировать человека, внушать ему определенные идеи относительно себя и общества, деформировать в результате его личность, дезинформировать и дезориентировать. А если таких людей набирается достаточное количество, то они оказываются способными негативно влиять на общественное развитие, сеять в обществе панику и создавать психозы. Так время от времени ждут конца света, общаются с инопланетянами из НЛО, создают вечные двигатели, каждое новое событие вдруг вычитывают у Нострадамуса (правда, тогда, когда оно уже состоялось).

Философия не имеет ничего общего с названными и многими другими суевериями, как прошлого, так и настоящего. Одно из двух: или человек стремится познать себя и мир такими, какие они есть, или он подменяет реальное, хотя и труднодостижимое познание вымышленными и в конечном счете вредными иллюзиями. Это не значит, что нужно плохо относиться к сказкам или не читать научную фантастику, — это как раз полезно, а иногда даже необходимо, в зависимости от возраста. Названные жанры литературы не обманывают нас, они не понуждают верить в то, о чем повествуют, а развлекают и забавляют, приносят эстетическое, художественное удовлетворение. Суеверия же требуют жертв, фанатичной веры, порождают страх и неуверенность. При полном подавлении сознания суевериями человек совершенно теряет ориентацию в мире, перестает адекватно себя воспринимать, плохо относится к окружающим. Наступает духовная шизофрения, от которой сложнее излечиться, чем от физиологического или психического заболевания. Необходимо заново учиться мыслить и трезво воспринимать окружающий мир.

Особенно опасны для личности и общественной жизни такие суеверия, как предсказания определенного будущего, будь то на индивидуальном или социальном уровне. Опасность заключается в том, что человек, будучи чрезвычайно сложно психически устроенным существом, может подвергаться как гипнозу, так и самовнушению. Веря в некую предопределенность, о которой ему говорит какой-либо астролог или предсказатель, человек сам формирует ее, в то время как он свободен. Человек есть то, что он думает о себе, во что он верит. Он – единственное сущее, способное к самоопределению, самосозиданию. Любое суеверие уничтожает или, в лучшем случае, ограничивает человеческую свободу и альтернативность общественного развития. Философия и мировые религии утверждают эту свободу, поэтому они несовместимы с указанными суевериями. Согласно философии человек способен строить свою жизнь исходя из разума, а согласно развитой религии – из веры в абсолютное благое начало, которое превыше и могущественнее как звезд, так и земных прорицателей.

Глубокой критике подверг суеверия Гегель в «Энциклопедии философских наук», причем особо в ней досталось астрологии. Правда, современный человек иногда предпочитает читать о «предсказаниях» последней. Гегель доказывал, что «содержание астрологии следует отвергнуть как суеверие», ибо «индивидуальное вообще само создает для себя свое пространство и свое время»²³. Кант об астрологии пишет следующее: «...к астрономии примешалась мистика, которая поставила в зависимость не числа мировых эпох от событий, как того требует разум, а, наоборот, события от известных священных чисел, и таким образом превратила в сказку саму хронологию, столь необходимое условие всей истории»²⁴. Хронология должна соотноситься с историей, а не история с хронологией. Кант выступил против всякого злоупотребления числами, перенесения их внешних закономерностей в духовный мир человека.

Что касается астрологии и подобных ей лженаук, то дать их критику не составляет особого труда, тем более что это давно уже сделано в предшествовавшей духовной культуре. А вот относительно веры существует много заблуждений.

С верой мировых религий суеверия несовместимы потому, что они носят натуралистический, эмпирический, аморальный характер, в то время как вера — умозрительный и духовно-нравственный. Однако религиозная вера не всегда выдерживает этот критерий. В сознании верующего человека может заключаться масса суеверий, с самой верой несовместимых. Хотя если быть последовательным, то невозможно одновременно верить в умозрительную идею (Бога) и в астрологический прогноз или черную кошку. Но обыденное сознание почти всегда эклектично и противоречиво, человек сам себе может не отдавать отчет в том, во что он верит и как верит.

Идолопоклонство всех видов — вот суеверия современного человека. Вера же, как феномен умозрительный, не должна противоречить науке, а наука не может отрицать веру. Между тем суеверия несовместимы с научным методом познания.

Казалось бы, вера в пророчества объединяет веру с такими суевериями, как предсказания Нострадамуса. Но на самом деле это совершенно не так. Религия может говорить о конце света, но она не говорит, в каком году он произойдет, даже запрещает прогнозировать на этот счет. Религия не предсказывает пророчествуя. *Пророчество* в отличие от *предсказания* носит всецело умозрительный характер. В этом смысле конец света наступит тогда, когда люди на земле окончательно духовно-нравственно деградируют. С таким пониманием конца света может согласиться и разум. Между тем философия не предсказывает и не пророчествует, но способна делать прогнозы, которые могут, как сбыться, так и нет, ибо существует множество труднопредсказуемых факторов, влияющих на развитие личности и общества.

Мистика и вера, рациональное и иррациональное

Достоинство научного метода состоит в том, что он носит всеобщий, объективный и доказательный характер. Но есть у него и недостатки: не все можно подтвердить или опровергнуть экспериментально, ибо не все человеческое знание носит чувственный и эмпирический характер. Есть формы вненаучного познания, которые тоже являются познанием, но критерии ис-

тинности у них другие, нежели у науки. Это необходимо понимать, чтобы не распространять методы науки на то, что в принципе невозможно верифицировать экспериментально. К таким вненаучным формам познания можно отнести философию, религию, искусство, мораль. Они являются вненаучными, ибо их методы шире научных, не ограничены ими, но они не являются, вместе с тем, и антинаучными, иррациональными. Просто в них присутствует другой тип рациональности. Что касается мистики и иррационализма, то они не являются познанием вовсе, ибо строятся либо на вымысле или суеверии (мистика), либо на утверждении агностицизма. В связи со сказанным можно разграничить следующие понятия:

– *рациональное*, свойственное для науки;

– *внерациональное*, свойственное для философии, религии, искусства, морали, которые не ограничиваются рациональным познанием, выходят за его пределы, но не отрицают научные знания в пределах компетенции науки;

– *иррациональное*, к которому можно отнести мистику и все суеверия, гностическую псевдодуховность и др. Иррациональное не совместимо с рациональным и не входит во внерациональное. Оно способно порождать всевозможные гибридные формы, которые могут претендовать или на духовность (секты, экстрасенсорнику и парапсихологию, магию, некоторые новомодные «духовные» течения и методы лечения и т.д. и т.п.), или на научность, будучи по сути псевдонаукой, ибо несовместимы с ней по методу (уфология, астрология и многое другое);

– *сверхрациональное*, к познанию которого стремятся философия, религия и искусство и понятием которого злоупотребляет иррациональное. Сверхрациональное можно определить и как духовное, ибо последнее может входить в первое. Мистика и суеверия не сверхрациональны, а примитивно «рациональны» и эмпиричны. Они претендуют на статус сверхрационального знания, оставаясь в пределах рационального, но строят на его основе «иные миры», противореча тем самым эмпиризму и рационализму в собственном смысле слова. Иррациональное незаконно использует как рациональное, так и сверхрациональное, будучи по сути псевдорациональным и псевдосверхрациональным.

Чтобы понять сказанное, необходимо подробнее рассмотреть некоторые из форм как познания, так и псевдопознания.

В переводе с древнегреческого мистический означает «таинственный». Этот термин характеризует, видимо, тот факт, отражающий положение человека в мире, что любое познание последнего расширяет сферу непознанного. Сущность человека и бытие мира уходят своими корнями в таинственное как неведомое и даже непостижимое, и в этом нет ничего противоестественного. Мистика, в силу своей обращенности к таинственному, всегда относится со скепсисом к уже полученным знаниям, что стимулирует человека на поиски, открывает для его познания новые, ранее неведомые области. Новые типы культур и знания зарождаются первоначально в интуитивной сфере и мистическом обрамлении, а затем уже приобретают тип определенной рациональности и законченность форм. Гераклит и Пифагор были тесно связаны со жрецами и всякого рода прорицателями; первоначально архетип христианства разрабатывался в мистической философии Филона, Оригена, Григория Нисского и Максима Исповедника; мистика Майстера Экхарта и Якоба Бёме послужила катализатором мысли для немецкой классической философии. Таким образом, видно, что в мистической оболочке движется само духовное, хотя оно еще и не облечено в определенную форму (философскую, научную или религиозную). В конце концов, мистическое является корнем религиозных представлений. Философские метафизические категории тоже несут его в себе, ибо многие из них скорее постулируются, чем доказываются. Мистика в положительном смысле — это постоянная открытость человека неведомому, постоянное вопрошание и поиск. И здесь налицо присутствие и реализация духовного феномена и познавательного интереса. В таком виде мистика является основой религии.

Но мистика может иметь еще и другое значение: она может пониматься как экстрасенсорика и парапсихология или просто как некие взгляды, конструирующие иные уровни бытия. И дело не в том, что это все фантазии, а в том, что это уже не имеет никакого отношения к духовному, а зачастую и к объективному познанию. В данном случае мистика представляет собой лишь развертывание обычного способа человеческого по-

знания, только в нетрадиционные для современной культуры области. Дело в том, что духовное познание не характеризуется экспансией вширь, оно качественно отличается от всех иных способов познания тем, что идет вглубь. Если научное и экстрасенсорное познание любых видов распространяется по горизонтали, хотя и в разных направлениях, то духовное выступает по отношению к ним как познание вертикальное: не как познание относительно только способностей человека и его свойств, их развития, а как познание относительно обладателя их или познание сущности, самости, природы человека. Духовный человек озабочен не столько развитием своих способностей и расширением горизонта познания, сколько обнаружением своей сущности или улучшением своей природы, т.е. нравственным очищением. Его интересует прежде всего то, как правильно распорядиться тем, что он уже имеет.

Понятие веры чрезвычайно сложно и может трактоваться с различных сторон и в совершенно различных смыслах: как мировоззренческий принцип, психологическая и гносеологическая установка, как нечто присущее исключительно религии. Однако вера не сводится к религии и может рассматриваться в чистом виде.

В вере прежде всего выражается мировоззренческая позиция человека. Вера фактически определяет все мировоззрение человека, центрирует его. Бхагавадгита гласит по этому поводу: «Сообразно сущности каждого бывает его вера, Бхарат. Человек образуется верой, он таков, какова его вера»²⁵. И в этом смысле уничтожение веры грозит невозможностью осуществления человеком целеполагающей деятельности вообще, распадом духовного строя личности. Вера является важнейшим свойством сознания, определяющим духовное познание. Человека поэтому можно назвать существом верующим, ибо он не может ее избежать. Разница между людьми заключается не в факте существования или отсутствия веры, а в разнице ее содержания. В этом смысле атеизм тоже вера, только в небытие Бога, а теизм – вера в Его бытие. Как первое, так и второе одинаково недоказуемо, это явствует из более чем двухтысячелетних попыток философии доказать тезис или антитезис. Хотя доводы существуют и с одной, и с другой стороны.

Необходимость веры вытекает из положения человека в мире и наличия сознания как целостного феномена. Полностью быть заполненным знанием может лишь божественное сознание, человеческое же, по мере развертывания познания, увеличивает и горизонт непознанного. Но для действий человека в мире и обоснования нравственности ему необходима абсолютная установка, исходящая из предположения, будто бы он уже все познал, ему необходимо понятие конечной причины всего существующего и абсолютного блага. Как метафизические категории, так и духовные символы религии представляют собой духовный идеал человека. А идеал, будучи по природе идеальным, требует к себе отношения на основе веры, что не исключает и знания. Вера вообще выражает собой отношение самосознания человека к духовным образованиям внутри его же сознания. И в данном аспекте вера не противоречит разуму, но, как и он, коренится в способности человека к умозрительной деятельности, на основе которой возможно развитие философии и религии.

Глубокую разработку понятие веры получило в русской философии. Так С.Н.Булгаков определяет веру как «функцию человеческой свободы». Вера по своей сути и есть, пожалуй, один из крайне немногих, а то и единственный способ постижения непостижимого, гносис о запредельном. И как гносис она есть вместе с тем и знание. «В познании философском, — отмечал Бердяев, — познается целостное существо человека. И потому в познание неизбежно входит вера»²⁶.

В духовном плане вера определяется как чистое духовное ведение. Бог как объект веры является чистым глубочайшим духовным пониманием. Вера является трансценденцией к Нему. В полном смысле слова наличие абсолютной веры свидетельствует об обретении человеком своей сущности, ее развернутости и самоочевидности в духовном созерцании объекта веры. Предстоя Богу в молитве, верующий через трансцендирование обретает имманентное, свою сущность. Тогда уровень веры показывает и степень развернутости сущности человека.

Она есть также целостный личностный акт, объединяющий в себе как результат опытных данных, так и умозрительные представления человека, определяющие его мировоззрение и практическое поведение. Вера задает горизонт знания и по-

знания. Здесь раскрывается еще один, гносеологический аспект веры, который выделяют многие философы. Это данность внешнего мира, уверенность в его существовании. Вместе с тем «вера не есть преходящее, мимолетное состояние человеческой души, а постоянный определенный *tonos* ее, — **целостность**, или **целомудрие** духа»²⁷. Согласно Максиму Исповеднику, «вера есть недоказуемое знание», но, отметим, — все же знание. Однако если опытное и логическое знание принудительно, то основанное на вере избирается свободно. Вера поэтому всегда связана с риском.

Путь спасения от суеверий лежит в плоскости приобщения к истории философии, что наиболее предпочтительно, или к духовным традициям, которые прошли многотысячелетний искуc. Сектанство и новомодные «духовные» движения — это «отщепенцы» от магистральных путей духовного развития человечества. В них украденная у истинных традиций частичка истины раздувается до границ мировоззрения. Однако интеллектуальное обоснование и моральный облик таких движений и сект оставляет желать лучшего. Они предлагают новые виды суеверий, изобретенные уже современным человеком, ищущим обогащения или славы.

Задача современного общества и человека заключается в выработке гуманистического по содержанию мировоззрения, каким бы оно ни было по виду: философским или религиозным, научным или обыденным²⁸. Прогрессивное мировоззрение современного человека должно содержать в себе нравственные и правовые нормы, социальные приоритеты и гуманистические ценности. Современное общество, основанное на правовых и демократических принципах, утверждает свободу совести, а значит, и мировоззренческий плюрализм. Вместе с тем Конституция Российской Федерации запрещает «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (ст. 13.), недопустимы призывы к насилию.

Примечания

¹ *Капм И.* Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 174.

² *Капм И.* Соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 247.

- ³ **Кант И.** Спор факультетов. С. 228.
- ⁴ Там же. С. 224–269.
- ⁵ Там же. С. 226.
- ⁶ **Гулыга А.** Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) // **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. I. М., 1994. С. 6–7.
- ⁷ **Кант И.** Спор факультетов. С. 234.
- ⁸ Там же. С. 252.
- ⁹ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 8. С. 513.
- ¹⁰ Там же. С. 569.
- ¹¹ Там же. С. 584.
- ¹² **Кант И.** Спор факультетов. С. 226.
- ¹³ Там же. С. 216.
- ¹⁴ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 211.
- ¹⁵ Там же. С. 212.
- ¹⁶ **Кант И.** Спор факультетов. С. 136.
- ¹⁷ Там же. С. 146.
- ¹⁸ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 533.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 173–174.
- ²¹ Там же. С. 180.
- ²² Там же. С. 534.
- ²³ **Гегель Г.В.Ф.** Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 54–55.
- ²⁴ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 8. С. 213.
- ²⁵ Бхагавадгита. Ашхабад, 1951. С. 147.
- ²⁶ **Бердяев Н.А.** Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 236.
- ²⁷ **Флоровский Г.В.** Человеческая мудрость и премудрость Божия // Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 84.
- ²⁸ **Атеистическое** мировоззрение, как и **ненаучное** (терминологически), лишено, по определению, содержания, поэтому не может определяться через данный термин. Вместо атеистического следует говорить, например, материалистическое мировоззрение — в этом случае в понятии указывается то, на вере во что основывается данное мировоззрение (бытие материи также невозможно доказать, как и Бога).

Е.Н. Шульга

Здоровье в контексте философско-исторического анализа

Философия здоровья — важный элемент философско-мировоззренческой составляющей современной научной картины мира. Формирование полноценной *философии здоровья* подразумевает, в первую очередь, определение места этого нового формирующегося направления исследований в системе научного знания. Конечно, центральное место понятие здоровье занимает в медицинских дисциплинах, нацеленных не столько на исследование того, что составляет собственно здоровье человека, сколько на нездоровье, т.е. на определение (диагностику) болезней и их лечение. Поэтому я не буду рассматривать феномен здоровья как медицинский показатель и критерий состояния человеческого организма или определять место концепции здоровья в системе медицинского знания. В центре моего исследования — выявление философских аспектах понимания здоровья человека как оно складывалось исторически. Я буду рассматривать те наиболее интересные концепции человека, которые являются традиционными для тех или иных философских и культурно-исторических традиций и при этом оказываются важными для реализации целей обоснования современной философии здоровья.

Главным аргументом в пользу необходимости и своевременности обоснования философии здоровья является признание современной наукой целостности понятия *образа жизни*, а также отношение к образу жизни как к важному фактору сохране-

ния здоровья человека и нации в целом. При этом важно учитывать, что *образ жизни* – это также и философское понятие, восходящее еще к той отдаленной от нас исторической эпохе, когда так называемый европейский рационализм еще только складывался.

К слову замечу, что характерной особенностью начального этапа формирования европейского рационализма является становление такого понятийного аппарата, в котором нет строгого разграничения на философский, конкретно-научный и обыденный смысл используемых понятий и категорий. Напротив, уже самые первые опыты метафизического обобщения состоят в удержании вышеназванных смыслов как наиболее удобных для конструирования и обоснования того или иного философского положения или целой концепции. Так Платон, пытаясь придать метафизический смысл понятию *благо*, не мог обойти вниманием онтологический статус этого понятия. Поэтому «*Блага, – согласно Платону, – бывают тройкого рода – иными из них можно обладать, в иных соучаствовать, а иные существуют сами по себе. Первые – это те, которыми можно обладать, например, справедливость и здоровье*»¹.

Таким образом, «обладание, соучастие и существование само по себе» выдвигаются Платоном в качестве основных онтологических (бытийных) характеристик блага.

Для нас важно здесь обратить внимание на тот смысл, который Платон придает рассматриваемому нами понятию «здоровье». Итак, здоровье – это то, чем *можно обладать*, которому можно *соучаствовать* (т.е. способствовать сохранению и поддержанию) и которое может *существовать само по себе*. При этом, сравнивая здоровье со справедливостью, а точнее говоря, уравнивая значения этих разных по смыслу понятий, Платон явно указывает на степень их участия в понимании сущности того, чем является благо. И если *здоровье* сродни *справедливости* и оба эти понятия в равной степени важны для понимания того, что есть благо, то и здоровье, и справедливость (сами по себе) также являются благом.

Рассуждая дальше о том, что представляется благом, а что является злом для человека, Платон указывает на такие полезные, или как он их называет, дополнительные средства в

постижении правды, как сила, здоровье, здоровые чувства, т.е. все то, что составляет телесность. Философ подчеркивает, что без всей совокупности этих главных качеств даже мудрец не будет счастливым!

Изучая тексты мыслителей прошлого с целью выявления разнообразного смысла, придаваемого понятию здоровья, и уточняя характеристики всего комплекса условий, которые его предполагают, не трудно заметить следующие обстоятельства. В тех случаях, когда мы имеем дело с определенными концепциями и/или целыми философскими школами, то в этих концепциях само понятие здоровье (в его чистом виде) предстает как обладающее достаточно ясным смыслом; оно оказывается концептуально обоснованным, и ему отводится совершенно определенное место в ряду других понятий и категорий. Это актуальное понятие возрастает до уровня философски значимого и даже оказывается включенным в структуру всего философского учения, развиваемого в рамках той или иной конкретной философской школы. При этом на обыденном уровне здоровье каждого отдельного члена группы предстает (и рассматривается другими) как выражение адекватности воспринятого им философского учения в отношении утверждаемого и развиваемого образа жизни.

Например, пифагорейский союз (существовал в VI–VII вв. до н.э.) представлял собой одну из форм мистерий, главной тайной которого было учение о переселении душ, заимствованное из орфизма. Принадлежность к пифагорейскому союзу выражалась для его членов не только в постижении тайного смысла философского учения Пифагора и его последователей, но предполагало, прежде всего, участие в мистериях. Как и у орфиков, сакральной целью пифагорейцев было освобождение души путем очищения от круга рождений и возвращение ее к первоначально божественному состоянию. Однако новый смысл учения пифагорейцев состояло в том, что они ограничивались пониманием этого пути только как очищение души от влияния тела посредством участи в мистериях, как это было у орфиков. А надо отметить, что орфики допускали к участию в мистериях только тех адептов (посвященных), которые постигли истинный смысл и предназначение этих мистерий, а именно – как

пути к освобождению. Пифагорейцы же стали рассматривать путь в ином контексте — как **очищение души посредством занятий наукой и музыкой и очищение тела упражнениями и врачебным искусством**. Тем самым врачевание приравнивалось ими к искусству и овладение искусством врачевания представлялось важным этапом в постижении смысла философского учения через приобщение к нему посредством занятий музыкой и конкретной деятельностью в сфере науки. Врачевание являлось частью деятельности философов — самих приверженцев и последователей пифагорейской философии, как в отношении самих себя, так и по отношению к другим членам школы.

Что касается характеристики рассматриваемого понятия здоровье и тех первоначальных попыток придать ему статус философского понятия, то интересно обратить внимание на определение тех оснований, из которых исходит в своих рассуждениях сам Пифагор. Так о здоровье он рассуждает как о ценности непреходящей и безусловной, стоящей в одном ряду с другими природными качествами человека.

Согласно Пифагору, существуют вещи, обладание которыми и приобретение которых не подвластно человеку. Ценность их такова, что «одни похвальные качества, например силу, красоту, здоровье, храбрость, невозможно разделить с другим человеком, другие же, такие как богатство, власть и многое другое, чего мы не перечисляем, растрачивающий утрачивает сам, но образование можно и разделить с другим человеком и, дав его другому, самому не утратить его... Вообще именно образованием отличаются люди от животных, эллины — от варваров, свободнорожденные — от рабов, философы — от простых людей»².

Пифагор учитывает то обстоятельство, что даже самые умудренные из философов — это всего лишь люди, а природные данные у всех людей различны. Пифагор развивает эту идею, претворяя ее в практике обучения. Так, опираясь на принцип доступности изложения материала, он, тем не менее, предлагает использовать два разных метода, два разных подхода в обучении на том основании, что уровни восприятия знаний у людей различны и то, что приемлемо для одной группы учеников,

не годится для другой группы. Он выделяет в особую группу *пифагорейцев* (настоящих последователей), других же называет *пифагористами* — это те, которые проявляют внешнее рвение.

Природное различие людей — различие их природных склонностей и дарований — предполагает использование различных методов обучения. Но поскольку все ученики философской школы вольны собираться вместе для занятий, то тем самым сохраняется дух самой школы (сохраняется право владения совместной собственностью, сохраняется и развивается идея равенства и не нарушается принцип справедливости). Именно принцип справедливости следует рассматривать как важное (цементирующее) концептуальное положение в формировании философии данной школы. Справедливость, по Пифагору, — это то, что помогает определить место человека в сообществе и обучать, не унижая его человеческого достоинства.

Ямвлих в сочинении «О Пифагорейской жизни» (3 в. до н.э.) приводит сведения о существовании двух видов пифагорейской философии, потому что было два вида тех, кто ею занимался: это акусматик и математик. Философия акусматиков представляет собой изречения без доказательств и без объяснений, содержащие указания на то, *как* следует поступать. Все акузмы (т.е. устные предписания) делятся на три вида: одни отвечают на вопрос, что это такое, другие — что является лучшим, третьи — что следует делать или не делать. Акузма второго вида, приписываемая адептами и исследователями к высказываниям самого Пифагора, выглядит так:

«Что самое мудрое вокруг нас?» — «Искусство врачевания.»

«Что самое прекрасное?» — «Гармония.»

«Что самое могущественное?» — «Мысль.»

«Что самое лучшее?» — «Благополучие.»

Каждая из акузм отвечает на вопрос, что обладает наибольшим качеством в этой последовательности категорий.

Обращая внимание на искусство врачевания, следует иметь в виду, что под врачеванием здесь подразумевается не только лечение тела, но и врачевание души, поскольку согласно пифагорейцам именно проблемы души являются источником болезней тела. Более того, в данном контексте под искусством

врачевания подразумевается приведение в состояние гармонии любое нарушение системы, будь то здоровье, душа, государство, природа.

Кроме того, вся пифагорейская школа, как сообщает Ямвлих, «осуществляла то, что они называли «настройкой», «музыкальным сочетанием» и «прикосновением», соответствующими мелодиями с пользой сообщая душе эмоции, противоположные ее состоянию». «Были случаи, когда они излечивали чувства и некоторые болезни, как говорят, настоящим пением (то есть заклинанием), и, вероятно, отсюда и вошло в употребление это понятие «заклинание». Так Пифагор ввел в употребление исключительно полезный способ исправления человеческих нравов и образа жизни с помощью музыки³.

Приведу теперь фрагмент из «Пифагорейских Золотых стихов», где речь идет о здоровье вообще, и в первую очередь — о понимании здоровья, о значении здорового образа жизни для философа:

Должно оставить беспечность, коль дело пойдет о здоровье.

Меру важно во всем соблюдать — в еде и напитках

И в упражненьях для тела, и мера есть то, что не в тягость.

Гиерокл (V в. н.э.) комментирует этот фрагмент, предостерегая от чрезмерного чревоугодия; он призывает заботиться о теле и не пренебрегать им, если оно страдает от болезней. Мера же — это принцип, связывающий состояние тела с мыслительными способностями души и имеющий целью подобающее для философа здоровье.

«Поэтому, — пишет Гиерокл, — философ будет выбирать такие телесные упражнения и пищу, которые не сделают тело слишком тучным и не будут ставить его выше мыслительной деятельности. Его цель — не просто тело, но тело, которое служит разуму. Гимнастические упражнения стоят на третьем месте, потому что они исправляют насыщение и готовят к тому, чтобы вновь вести здоровый образ жизни. Таким образом, они поочередно сменяют друг друга — еда и упражнения, упражнения и еда. Правильный образ жизни дает возможность упражнять свое тело, а соответствующие занятия гимнастикой способствуют здоровому образу жизни. В каждом из них своя мера, поскольку забота о теле для каждого служит собственному образу жизни»⁴.

***Яства, сказал я, оставь те, что я указал в очищениях
И в избавление души...***

Стихи говорят о мере в еде и напитках, запрещая их избыток и недостаток и приветствуя среднее и соразмерное. Аналогичное требование касается умения управлять чревоугодием, сном, вожделением и гневом.

К слову замечу, что на эту тему рассуждал и Диоген. Его сердило, что люди при жертвоприношении молят богов о здоровье, а на пиру после жертвоприношения объедаются во вред своему здоровью.

Итак, все правила, касающиеся здорового образа жизни и сформулированные еще пифагорейцами, были обращены в первую очередь к тем, кто занимается философией, кто имеет склонность к философии. Соблюдение же этих пифагорейских заповедей призвано содействовать развитию любой души, идущей к добродетели через философствование.

Согласно пифагорейской концепции человека мудрый человек не относится пренебрежительно к здоровью; он не считает тело самым главным (или единственным) объектом внимания, но управляет им ради пользы души. В том числе тогда, когда соблюдает определенные запреты, на которых настаивают пифагорейцы. Например, не есть мясо, поскольку это сопряжено с пресечением жизни животного; не есть бобы. И в этом случае также есть свое объяснение. Дело в том, что боб, напоминая человеческий зародыш, ассоциируется с первородностью. Кроме того, и мясо, и бобы — это так называемая тяжелая пища, трудная для усвоения и затрудняющая очищение организма.

Но не будем забывать также, что для пифагорейца ***очищения разумной (части) души*** — это деятельность в области математических наук, а ***возвышающее избавление*** — это диалектическое созерцание существующего. Призыв Пифагора в равной мере заботиться и о теле, и о душе — это по сути дела призыв к самосовершенствованию. Отсюда — требования, выдвигаемые к становлению философа как особой личности (сначала развитие умозрительного начала в человеке — ума, а затем только следует допускать практическое начало — действие, т.е., по сути, творчество в сфере философии).

Целостную картину философской концепции и миропонимания пифагорейцев завершает принципиально новое отношение к изменяющемуся предмету философии: философия возрастает до уровня социально значимой (предтеча социальной философии!) и подразделяется на гражданскую философию, связанную с постижением общественных законов и философию, связанную с таинствами (городскими культами).

Вершиной развития философии (в сфере индивидуального становления адепта через приобщение к знаниям и погружение в совершенно определенный образ жизни) является созерцательный ум; **серединой** философии – гражданский ум и **третьим – ум, связанный с таинствами**. Развитием всех этих начал в человеке завершается пифагорейское обучение.

Не только сохранению здоровья как ценности, но и воспитанию здорового образа жизни уже в древности уделялось самое большое внимание. Например, Диоген, воспитывая сыновей Ксениада, обучал их кроме всех прочих наук ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращей, метать дротики. Он велел закалять их, но лишь настолько, чтобы дети отличались здоровьем и румянцем.

Придавая значение развитию ума и отдавая должное внимание гармоническому развитию ума и тела, направляя усилия на поддержание здоровья, греки, тем не менее, не рассматривали оба эти качества как единственно важные составляющие человеческой добродетели.

В частности, Зенон в трактате «О человеческой природе» подчеркивал мысль о том, что такие качества, как здоровье и мужество, встречаются даже у дурных людей. Однако он настаивает на том, что здоровье и силу следует рассматривать как сосуществующие с умом. А это делает категорию здоровья рядоположенной таким философским понятиям и категориям, как добродетель, как понимание и даже как справедливость.

Развивая идею блага и противопоставляя ее злу, некоторые греческие мыслители рассматривали блага как выражение добродетели, к которой относили: понимание, справедливость, мужество, здравомыслие. При этом они противопоставляли и оценивали как зло все то, что им противоположно: неразумение, несправедливость и т.д.

В особую понятийную сферу греческие мыслители и философы относили все, что, по их мнению, не приносит ни пользы, ни вреда. К такого рода понятиям они относили: жизнь, здоровье, наслаждение, красоту, силу, богатство, славу, знатность, равно как и их противоположности: смерть, болезнь, мучение, уродство, бессилие, бедность, бесславие и тому подобное. (Так пишут, в частности, Гекатон, Аполлодор в «Этике», а также Хрисипп).

Все эти философы разделяют указанные понятия и соответствующие им характеристики на то, что предпочтительно («предпочтительное»), и то, что следует избегать («избегаемое»), а также выделяя в особую сферу все то, что, не являясь ни тем ни другим, является тем, что они называют особым термином — «надлежащее» — сюда стоики относят и здоровье.

Надлежащее, по словам стоиков, — это то, что имеет разумное оправдание (например, жизнь). Поэтому, согласно грекам, **безусловно надлежит, например, заботиться о здоровье, об органах чувств и т.п.** Впрочем, многие не уверены, что для счастья довольно одной добродетели, но считают, что надобно и здоровье, и денежные траты, и сила⁵.

В целом, исходя из природных качеств человека, его личностных, индивидуальных предрасположенностей и предпочтений, наконец, учитывая изменчивость природы человека, греки приходят к убеждению, что саму категорию здоровья следует отнести к факторам, обладающим такого рода предрасположенностью и общей изменчивостью, какими предстают также болезнь, сон, бодрствование, радость, печали, молодость, старость, отвага, страх, недостаток, избыток, вражда, любовь, жар, озноб, дыхание — то есть все то, что не противоречит природе. Тем самым категория здоровья получает собственную характеристику, и ее смысл уточняется через участие других, близких по значению категорий. Определение одного понятия через другое и/или совокупность других или иных понятий свидетельствует о стремлении мыслителей к систематизации знания в этой области. При этом философское отношение к феномену здоровья, которое мы обнаруживаем уже в наиболее древних концепциях миропонимания, обращение к этим философским кон-

цепциям, может дать современным исследователям хорошие образцы встроенности концепции здоровья в предмет философии в целом.

Примечания

- ¹ *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 180.
- ² *Ямвлих*. О Пифагоровой жизни. М., 2002. С. 42.
- ³ Там же. С. 77–78.
- ⁴ «Пифагорейские Золотые стихи» с комментарием Гиерокла. М., 2000. С. 76–77.
- ⁵ *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. С. 307.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМА ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

А.Н. Арлычев

Роль философии в духовном оздоровлении российского общества

С известного времени российское общество повсеместно охвачено болезнетворным вирусом бездуховности. В определенном смысле оно расколосось на две части. Одна его часть, так сказать, «элитная» прослойка, как бы по велению волшебной палочки разом устремилась к одной-единственной цели – правдами и неправдами добиваться материального комфорта, – но, при этом, совершенно забыв о таких ценностях, как творческое призвание человека, духовные радости, порожденные бескорыстным отношением людей друг к другу, о духовном единодушии в решении общезначимых общественных задач. Подавляющее большинство другой его части (а именно широких слоев трудящихся), оказавшись, мягко говоря, в положении материальной неустроенности, все силы направило на то, чтобы как-то физически выжить при создавшихся условиях, и тут, конечно, не до духовных ценностей. Спрашивается, что может сделать философия на пути оздоровления духовного климата России?

Для решения этой непростой задачи требуется, прежде всего, вскрыть глубинные причины, породившие повсеместную бездуховность не только в России, но, что наиболее важно, во всем цивилизованном мире, и здесь решающую роль должна сыграть именно философия. Если с некоторых пор в российском обществе наступила полоса глобальной бездуховности, то причину этому надо искать не в отдельно взятых экономических, социальных или политических процессах и даже не в их-

совокупности, а в осуществлении социальной сущности общественной жизни как таковой. И, стало быть, ответ на этот вопрос должен дать не экономист, не историк, не социолог, не политолог и, вообще, не представитель какой бы то ни было частной общественной или гуманитарной науки, а философ.

Эвристическая значимость философского подхода заключается, прежде всего, в глубине постижения сущности, которую можно достигнуть только при соответствующей широте охвата изучаемого явления. Так исследование проблемы бездуховности современного российского общества необходимо начать, как бы это ни показалось на первый взгляд чересчур абстрактным, с выяснения проблемы сущности человеческого бытия вообще. В ходе анализа мы неизбежно выйдем на важнейшую, давно поставленную в мировой философии антропологическую проблему — проблему отчуждения сущности человека. Оказывается, что человечество на протяжении почти всей своей истории живет в условиях либо полной, либо частичной отчужденности от подлинной человеческой сущности, при этом со временем степень отчуждения не уменьшается, а, наоборот, все более усиливается. Можно со всей уверенностью сказать, что в эпоху капитализма, особенно в его последней, современной, стадии, когда в масштабах всей планеты фактически реализовалось абсолютное господство финансового капитала, отчужденность человеческой сущности достигла своего апогея и, как следствие этого, вызвала всеобщую бездуховность человеческого существования во всем мире.

Сущность человеческого бытия, вероятнее всего, можно будет понять, исходя из бинарной природы человека, из того непреложного факта, что он одновременно является и биологическим, и социальным существом. В отличие от животных, у которых любое проявление их жизнедеятельности обусловлено исключительно биологическими факторами, человеческая жизнедеятельность, в какой бы форме она ни проявлялась, никогда не бывает только биологической или, напротив, только социальной, она всегда есть выражение отношения между биологическими и социальными сторонами в человеке. Поэтому раскрытие сущности человеческого бытия должно заключаться, прежде всего, в рассмотрении названного отношения. Но

прежде необходимо четко определить, что представляют собой, с одной стороны, биологическая, а с другой – социальная формы в человеческой жизнедеятельности?

Биологическая сторона жизнедеятельности любого человека по сути тождественна биологическому существованию животного. Она, по существу, сводится, во-первых, к тому, чтобы обеспечить физическое существование собственного организма, и, во-вторых, чтобы передать биологическую жизнь потомству, по возможности продлевая физическое существование рода. Однако способ реализации этой биологической жизнедеятельности у человека принципиально иной, чем у животных. Животное приспособливает свой организм к окружающей среде, человек же, наоборот, окружающую среду приспособливает к своему организму. Животное по способу существования существо адаптирующее, человек же – существо деятельное.

Любое конкретное животное, осуществляя свой характерный для данного вида способ приспособления к среде, вместе с тем непосредственно проявляет и свою биологическую сущность, т.е. специфическую природную способность жить в той форме, какова предначертана ему самой природой. Например, заяц приспособливается к среде по-заячьи, и это его заячье приспособление и есть собственно его заячья сущность. Конкретная форма приспособления животного является, стало быть, не чем иным, как непосредственно его природной сущностью, т.е. форма жизнедеятельности животного и его природная сущность совпадают. При этом следует отметить, что и форма жизнедеятельности, и сущность животного как по происхождению, так и по своей природе носят сугубо биологический характер.

Не так все просто у человека. Форма его жизнедеятельности и его человеческая сущность далеко не всегда совпадают. Этот вопрос требует специального рассмотрения. Попытаемся хотя бы схематически очертить названную проблему.

Форма жизнедеятельности человека является проявлением не биологического, а социального, так как она выражает не биологический, а социальный способ существования. Форма жизнедеятельности человека – это по существу не что иное, как форма человеческой деятельности, которая и по происхождению, и по своей природе не имеет прямого отно-

шения к биологическому, она непосредственно является социальным феноменом. В этой связи встает вопрос, как, каким образом форма человеческой деятельности, будучи феноменом социальным, соотносится с биологической стороной человеческой жизнедеятельности? У животных как сугубо биологических существ этой проблемы в принципе не может быть, у человека же как биосоциального существа она не только существует, но и составляет, по всей видимости, суть всех остальных его проблем.

При подлинном человеческом существовании форма жизнедеятельности человека (в данном случае форма человеческой деятельности) должна, как и у животных, совпадать с проявлением его собственно человеческой сущности или, говоря по-другому, форма деятельности человека должна быть одновременно выражением его человеческой сущности. Однако, чтобы форма деятельности была действительно выражением сущности того человека, который ее осуществляет, необходимо, чтобы она была свободной сознательной деятельностью этого человека. Она должна быть проявлением внутреннего самовыражения физических и духовных потенций человеческой личности и в силу этого определяющей жизненной потребностью существования человека и именно поэтому выражением его подлинной человеческой сущности.

Между тем если под этим углом зрения посмотреть на реальную жизнедеятельность людей, как она протекала на протяжении всей истории и продолжает протекать теперь, то увидим, что в большинстве случаев она не соответствует критериям свободной сознательной деятельности человека. Напротив, она представляет собой нечто противоположное ей. Чтобы быть свободной, она должна быть, по крайней мере, добровольной, а в действительности часто бывает принудительной; вместо того, чтобы быть определяющей потребностью человека, она чаще всего бывает ему обузой и служит лишь средством для удовлетворения каких-либо других его потребностей. Эта противоположная свободному сознательному проявлению внутренних потенций человеческих качеств деятельность является не чем иным, как отчужденной деятельностью человека. Будучи отчужденной от человека, она тем не менее образует его со-

циальную сущность, которая, как и сама деятельность, является ему чуждой, а значит, как и сама деятельность, социальная сущность является для человека отчужденной.

Однако человек, находящийся в условиях отчужденной деятельности, вообще лишен не всякой сущности, а лишь присущей сугубо человеческому бытию собственно социальной сущности. Но, как мы знаем, человек не просто социальное, а социально-биологическое существо, и потому его жизнь связана также с отправлением всех тех биологических функций, которые определяют сущность физического существования его организма. Отсюда, естественно, человеческая жизнь, лишенная собственно социальной сущности, с необходимостью переключается если не полностью, то в основном в сферу биологического процесса. Для такого человека смыслом жизни часто становятся такие необходимо жизненные атрибуты, как пища, одежда, жилье, половая жизнь и т.д., короче, все то, что удовлетворяет человеческий организм. Обладание подобными благами составляет в данном случае сущность человеческого бытия, а весь комплекс отчужденной деятельности, связанный с их достижением, служит лишь социальным средством для осуществления этой сущности. Биологическое тем самым становится конечной целью жизнедеятельности человека, а социальное выступает в качестве необходимого средства ее реализации. Сущностное бытие человека фактически превращается если не полностью в животное существование, то, по крайней мере, в его подобие.

Жизненное предназначение живого организма — это обеспечение устойчивости своего субстрата, жизненное же предназначение человека — это обеспечение устойчивости своей социальной жизнедеятельности. В этом смысле человек противоположен животному, ибо он пользуется своим биологическим субстратом для достижения стабильной жизнедеятельности; животное же, наоборот, жизнедеятельность использует для получения стабильного субстрата; для человека цель жизни — его жизнедеятельность, а субстрат — средство жизни, для животного, наоборот, цель жизни — субстрат, жизнедеятельность — средство жизни. И если в человеческом обществе для многих людей соотношение цели и средства такое же, как у животных,

то это говорит лишь о несовершенстве человеческой жизни и о том, что общество пока еще не достигло уровня обеспечения человеку подлинно человеческого существования. Подобное общество имеет только одно преимущество перед животным миром: оно более изощренными способами обеспечивает стабилизацию человеческих субстратов и, конечно же, не всех людей одинаково, в основном оно направлено на реализацию потребностей представителей так называемой привилегированной прослойки.

В связи с этим возникает вопрос, при каких общественных условиях человеческая деятельность является по сути чуждой человеку и служит лишь средством его существования и соответственно он лишен своей социальной сущности, и что требуется для того, чтобы человек, наконец-то, эту социальную сущность приобрел?

Из всех видов деятельности ее изначальным, основополагающим и определяющим видом на протяжении всей истории человечества, безусловно, является трудовая деятельность, особенно та ее форма, которая непосредственно направлена на производство материальных благ, необходимых для поддержания физического существования человека. Поэтому вопрос о возникновении отчужденной деятельности, а вместе с тем и о появлении отчуждения социальной сущности человека предстает перед нами в первую очередь как вопрос о происхождении и развитии отчужденного труда.

На начальной стадии развития человечества (ее обычно называют периодом дикости) основным средством существования были охота и собирательство. Между тем продукта, который они доставляли, едва хватало для поддержания физического существования первобытной общины. Естественно, что при таком производстве не могло быть никаких излишков или, говоря экономическим языком, никакого прибавочного продукта. Все, что доставляли охота и собирательство, тут же и потреблялось, т.е. продукт, производимый дикарем, носил исключительно необходимый характер; такой же характер носил и сам труд дикаря. Но именно в силу исключительности необходимого труда или при полном отсутствии прибавочного труда этот труд не был отчужденным. Он был если не в полной мере со-

знательной, то во всяком случае свободной деятельностью. Труд дикаря в этом отношении ничем не отличался от приспособительного поведения животных. Точно так же, как животное сливается со своим способом жизнедеятельности, так и человек-дикарь сливался с процессом трудовой деятельности; его человеческая сущность, таким образом, полностью совпала с его трудовой деятельностью. Если исходить из того, что отчужденный труд для человека зло, а свободный труд, наоборот, благо, то правы те философы, которые утверждали, что в далекой древности существовал так называемый «золотой» век. В этом утверждении, безусловно, есть доля истины. Дикий человек просто жил как истинное дитя природы и именно в этом заключался его смысл жизни.

Однако из этого вовсе не следует, что современному человечеству необходимо вернуться в то первобытное состояние. К первобытному состоянию человечеству так же нельзя вернуться, как нельзя вернуться взрослому человеку в детство. Подобная идея – верх утопичности, и, несмотря на это, такого рода утопии не раз выдвигались и до сих пор появляются в той или иной форме. К этому, в частности, в Древней Греции призывала философская школа киников во главе с Диогеном; в XVIII в. такие идеи выдвигал Ж.Ж.Руссо. А разве в 60-е годы прошлого столетия такое молодежное движение на Западе, как хиппи, не являлось стихийной ностальгией по дикому состоянию человеческого бытия? Это только еще раз доказывает, что отсутствие отчужденной деятельности даже в том диком неразвитом обществе было большим благом для человека. Но, вступив на путь социального развития, человек с необходимостью должен был потерять это благо и, конечно же, потерял, причем на необозримо длительное время.

Отчужденный труд возник на следующей стадии развития человечества – в эпоху варварства, когда основными видами труда становятся скотоводство и земледелие, которые по существу являются первоначальными формами собственно материального производства. Именно в эту эпоху возникает такой новый общественный феномен, как собственность на скот и землю. В качестве основного субъекта собственности выступает родовая община, из которой позже вырастает племя, а затем и

союз племен. Известно, что в зависимости от характера основного вида труда племена делились на два типа: скотоводческие (кочевые) и земледельческие (оседлые); были и смешанные. Наличие племен, разнохарактерных по производству основного продукта, привело к возникновению обмена и товарного производства. Все это вместе обусловило появление прибавочного продукта. Непосредственной причиной его возникновения явились новые по сравнению с предшествующим периодом виды труда — скотоводство и земледелие, которые вызвали к жизни прибавочный продукт еще, по-видимому, до того, как возникли обмен и товарное производство, ибо они сами стали следствием существования прибавочного продукта в достаточно больших количествах. Однако после того как обмен и товарное производство закрепились в жизни общины, они существенно способствовали дальнейшему экономическому росту прибавочного продукта.

Возникновение прибавочного продукта, а затем процесс его накопления и есть те общественные факторы, которые непосредственно породили отчужденный труд. Ведь прибавочный продукт производится не для того, чтобы его непосредственно потреблять, а для того, чтобы накапливать производимые блага, чтобы если не обогатиться, то, по крайней мере, иметь запас потребляемых благ на будущее. В этих условиях прямой целью производства является не удовлетворение тех или иных жизненных потребностей человека, а потребность в приобретении материальных благ. Жизненные потребности человека как бы отодвигаются на второй план, а на первый план выдвигается потребность человека обладать материальным благом как полезной вещью. Обладание полезной вещью приобретает для человека абсолютное значение, оно становится для него главным смыслом жизни. Процесс же труда из способа обеспечения жизнедеятельности человека превращается в средство добывания как можно большего количества полезных вещей. Если для дикаря труд был одновременно и средством, и смыслом жизни, то для варвара смыслом жизни становится произведенная вещь, а сам процесс производства выступает лишь средством добывания вещи. Более того, вещь становится важнее самого человека, ибо здесь уже не вещь служит человеку, а, на-

оборот, человек — вещи. Для дикаря смыслом жизни была сама жизнь, а для варвара куда важнее обладать вещью, чем просто жить; для того, чтобы обладать вещью, он способен пожертвовать даже собственной жизнью; жертвуя своей жизнью, губит жизни многих других людей. Человеку кажется, что он как будто бы ради жизни борется за вещь, а на самом деле он ради вещи уничтожает собственную жизнь и жизни других людей.

Обобщая сказанное, можно однозначно заключить: вещиизм — вот истинный источник порождения и существования отчужденного труда, шире отчужденной человеческой деятельности как таковой, а вместе с тем и отчуждения подлинной человеческой сущности. Изначальные же истоки вещиизма заключены не в сознании человека, как принято иногда считать, а в условиях производства прибавочного продукта. Вещиизм — это жизнь человека, подчиненная вещи и не потому, что таково сознание у человека, а прежде всего потому, что таковы условия его материальной жизни. Человек мыслит по-обывательски (повещистски) главным образом потому, что он живет в условиях обывательщины (вещиизма), а не наоборот. Так как он живет ради вещей, то и его мыслью управляет вещь, человек в итоге становится рабом вещей и в жизни, и в мыслях; именно это и характеризует отчужденность человеческой жизни, деятельности и мысли.

Варварство, таким образом, покончило с «золотым» веком периода дикости и на необозримое время ввергло человечество в полосу отчужденной деятельности и отчуждения социальной сущности. Стремление как можно больше иметь вещей заставляет человека трудиться изо всех сил, и это в конечном счете приводит к тому, что сам человек труда превращается в вещь. С превращением человека труда в вещь наступает новая эпоха, которую обычно называют эпохой цивилизации.

Интенсивное накопление прибавочного продукта рано или поздно приводит к разложению родовой общины: происходит стихийный процесс образования имущественного неравенства, который внутри общины порождает размежевание между ее членами. В результате собственность, которая раньше принадлежала всей общине, сосредоточивается в руках отдельных частных лиц. На смену коллективной собственности пришла

собственность частно-индивидуальная. Но она распределялась с самого начала не равномерно, а так, что львиная доля досталась небольшой горстке бывших общинников, а подавляющее большинство ее членов попала в разряд средних, мелких, а то и вообще никаких собственников. С этого времени начинается совершенно новая жизнь, которая вызывает много новых общественных институтов, изменяет характер труда и т.д. Но самое главное — один человек попадает в экономическую зависимость к другому человеку, в итоге общество раскололось на два противоположных класса: эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и рабов, угнетателей и угнетенных. В этих условиях отчужденный труд не только не исчез, но приобрел много новых черт, и появились самые разнообразные формы отчуждения.

Если в эпоху варварства для всех без исключения людей отчужденный труд выражался в одной-единственной форме — форме вещиизма, то в эпоху цивилизации эта форма сохраняется только за представителями имущих классов, т.е. классов собственников. К ним относятся крупные и средние собственники, а точнее те, которые подвергают эксплуатации чужой труд, и, кроме того, мелкие собственники, производство которых основано на собственном труде. Между тем вещиизм в условиях эксплуатации приобрел новые черты. В том виде, как он проявлялся у варваров, сохраняется только у мелких собственников, ибо они так же, как и варвары, собственным трудом стремятся произвести как можно больше вещей и именно в этом усматривают основной смысл жизни. Что касается собственника-эксплуататора, то его вещиизм существенно отличается от вещиизма варвара. Он тоже стремится к тому, чтобы иметь как можно больше вещей, но в отличие от варвара и мелкого собственника не средствами собственного труда, а путем эксплуатации других людей. У него возникает весьма оригинальная форма отчужденного труда: он отчужден от труда просто потому, что сам непосредственно не производит материальных ценностей, но зато пользуется для этого другим человеком как живой вещью. Он становится собственником чужого производительного труда, но этот чужой труд для него самого уже не труд, а своего рода вещь, которая ему принадлежит так же, как и любая другая вещь, и он может ею распоряжаться, как и любой другой вещью.

Носителем же труда как специфической вещи является представитель того многочисленного класса, который лишен всякой собственности и который в цивилизованном обществе несет тяжелую ношу подневольного труда по производству жизненно необходимых материальных благ. Его труд является не просто отчужденным, а отчужденным в форме антагонизма, ибо он по своей сути носит подневольный характер, а его носитель функционирует в обществе не столько как человек, сколько как вещь, обеспечивающая жизнь другому человеку. Если в условиях вещизма человек становится рабом вещи, то в условиях подневольного труда сам человек превращается в вещь, а его отношение к собственнику его труда является отношением вещи к своему хозяину. Человек, превратившийся в вещь, отличается от остальных вещей только по форме проявления. Это понимал уже Аристотель, когда сравнивал древнего раба с рабочим скотом и искусственными орудиями труда. С точки зрения Аристотеля, они все трое по своей сути являются всего лишь орудиями труда, но только искусственное орудие — это мертвое орудие, рабочий скот — движущее орудие, а раб — говорящее орудие. Когда приводят это высказывание Аристотеля, то почему-то считают, что это якобы относится только к древнему рабу. В действительности же, может быть только в несколько меньшей степени, это относится и к крепостному крестьянину, и к наемному рабочему; не случайно, например, К.Маркс часто называл наемного рабочего капиталистического предприятия наемным рабом, а капиталистическую эксплуатацию — наемным рабством. Такого рода труд есть выражение еще одной формы отчужденного труда, но это уже не вещизм, а наряду с ним другая основная форма отчуждения, которую можно обозначить как принудительный труд, который для своего носителя выполняет жизненно важную функцию — обеспечивает его физическое существование.

В эпоху цивилизации кардинальные изменения отчужденного труда происходят не только в направлении модификации вещизма или появления такой новой формы отчуждения, как принудительный труд, но, самое главное, наметилась объективная тенденция преодоления социальной отчужденности как таковой и зарождения свободной сознательной деятельности

человека. Исходным основанием для этой тенденции послужило разделение умственного и физического труда. После того, как производительный труд по производству материальных благ превратился в принудительный труд эксплуатируемых классов, он в основном стал их прерогативой. В то же время цивилизация породила целый комплекс свойственных только ей видов труда, так сказать, умственного характера, напрямую не связанных с материальным производством, но без которых она не смогла бы существовать. Сюда относятся самые различные виды деятельности, включая общественно-политическую, управленческую, художественную, научную и т.д. и т.п. Освобожденный от производительного труда класс собственников фактически монополизировал всю эту сферу деятельности отчасти по причине жизненной необходимости, а отчасти потому, что она, в отличие от физического труда, не является изнурительной и самое главное — приносит человеку помимо всего прочего духовное удовлетворение. Именно духовная сущность, нашедшая свое проявление в умственном труде, как раз и является тем, что ставит общество перед испытанием: сможет ли оно продемонстрировать свою способность преодолеть все виды отчуждения и выйти на широкие просторы подлинного человеческого существования, или, наоборот, эта задача для него невыполнима.

Духовность составляет неотъемлемую черту человеческой деятельности как таковой. Деятельность в общем виде может быть определена как процесс взаимодействия между субъектом (отдельным человеком или каким-нибудь человеческим сообществом) и объектом (любым каким-либо предметом или явлением действительности), заключающийся в целенаправленном преобразовании тех или иных конкретных форм бытия. Из этого определения вытекает, что необходимым условием человеческой деятельности является целенаправленность преобразовательного процесса. Надо сказать, что целевой характер носит не только деятельность человека, но также и поведение животных и, более того, и у человека, и у животных в качестве цели выступает, выражаясь языком кибернетики, информационная программа. Однако природа этих программ у них принципиально разная. Поведение животного, каким бы сложным по структуре оно ни было, в конечном счете всегда обуслови-

вается уже готовой биологической программой – генотипом. Целевая направленность тем самым осуществляется у него по имеющемуся в его распоряжении информационному шаблону. Для реализации же человеческой деятельности такого изначально заданного информационного шаблона нет. Информационные программы, которые призваны предварять деятельный процесс, формируются человеком в ходе протекания самого этого процесса. Иначе говоря, человеческая деятельность в отличие от поведения животных является двусторонним процессом: с одной стороны, она включает акт создания информационной программы по осуществлению практического действия, с другой – непосредственно само практическое действие, сознательно направляемое человеком на основе созданной им информационной программы. Акт по созданию информационных программ и их целевая предваряющая роль в практических действиях есть ни что иное, как идеальная сторона человеческой деятельности. Отличительной чертой этой стороны является то, что она по своей сути носит произвольно конструктивный характер, и в этом смысле она есть ни что иное, как выражение собственно творческого начала в деятельном процессе. При этом важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о произвольной конструктивности, ибо непроизвольная конструктивность, обусловленная, например, генотипом, наблюдается у многих животных (например, бобры строят плотины, птицы выют гнезда и т.д.), но она к творчеству никакого отношения не имеет. Творчество, таким образом, составляет необходимый внутренний компонент человеческой деятельности, причем относящийся непосредственно к ее идеальной стороне.

Между тем реализация творчества требует от человека соответствующих интеллектуальных и эмоциональных действий. Сами по себе интеллектуальные и эмоциональные действия имеют место у высших животных и обеспечивают им целесообразный способ поведения во взаимодействии с внешней средой. У человека же они направлены на осуществление творческого процесса, в связи с чем приобретают характерную для последнего специфическую форму. Интеллектуальные действия у человека – это ни что иное, как проявление его разума, выра-

женное в способности мышления совершать информационные операции в свободной (произвольной) конструктивной форме. А эмоциональные действия — это проявление человеческой воли как произвольное выражение его внутренних психических побуждений и переживаний¹. И для разума, и для воли характерна произвольность: для разума произвольность мышления, для воли произвольность названных психических феноменов. Непроизвольное мышление, а также непроизвольные психические побуждения и переживания, наблюдающиеся в животном мире, а иногда проявляющиеся и у человека, не имеют отношения ни к разуму, ни к воле. Разум и воля — это по существу то, что составляет духовную основу творческого начала у человека, поскольку именно они являются собственно выражением его духовной сущности. В той мере, в какой они доставляют человеку удовлетворение или даже радость и наслаждение, они превращаются для него в духовную ценность. Если разумные и волевые действия, направленные на реализацию того или иного конкретного вида деятельности, становятся необходимой потребностью человека, последний их расценивает как высшее благо и главный смысл своей жизни. Тем самым он сливается со своей духовной сущностью и фактически реализует подлинное человеческое бытие.

Все без исключения формы деятельности, включая трудовую деятельность (в том числе и физический труд), с неизбежностью предполагают участие разума и воли, и это, безусловно, указывает на наличие у любого вида деятельности духовного компонента. Это означает, что любой человек, будучи по своей природе деятельным существом, фактически является носителем духовного начала, имеющего для него принципиальное значение и потому выступающего в качестве одной из важнейших его жизненных ценностей. Уникальность этой ценности состоит в том, что она — единственная из всех возможных у человека ценностей, являющаяся непосредственно проявлением его духовности. Поэтому в зависимости от того, какое место разум и воля занимают в системе ценностей того или иного конкретного человека, можно судить об уровне его духовности и той роли, которую она играет в его жизни. Это в свою очередь зависит от характера отношения духовной ценности ко всем другим, разнообразным, но в целом, так сказать, недуховным,

ценностям. В человеческом существовании принципиальное значение имеют два диаметрально противоположных типа отношений: либо духовная ценность выступает в качестве определяющей цели существования, а все остальные исполняют роль средства для ее достижения, либо, наоборот: она играет роль средства для достижения цели какой-либо одной или нескольких разнородных недуховных ценностей. Существование, определяемое духовной ценностью, является не чем иным, как проявлением непосредственно человеческой сущности; существование же, направленное на реализацию недуховных ценностей, отчуждает человеческую сущность и подменяет ее неким суррогатом. Иначе говоря, духовное существование человека сливается с его духовной сущностью, и тем самым он обретает подлинное человеческое существование, недуховное же существование отчуждает духовную сущность и одновременно порождает сущность недуховную, при которой человеческая жизнь становится отчужденной. В соответствии с этим необходимо различать два типа деятельности: свободную (неотчужденную) деятельность и отчужденную деятельность.

В зависимости от типа деятельности человеческая жизнедеятельность, таким образом, может быть осуществимой в двух диаметрально противоположных формах. Либо в форме свободной деятельности, когда ее духовное начало (разум и воля человека), не обусловленное никакими внешними факторами, является самодовлеющей, самоценной сущностью в проявлении человеческого бытия; либо, наоборот: в форме отчужденной деятельности, когда ее духовное начало служит лишь необходимым средством для достижения каких-то других ценностей, которые и определяют сущностный аспект жизни человека. В эпоху цивилизации свободная деятельность превращается в отчужденную форму как под действием объективных факторов, так и субъективных. Так появление принудительного физического труда было вызвано объективным процессом разложения родовой общины, а различные формы отчуждения умственного труда вызываются, как правило, такими субъективными устремлениями человека, как корысть, престиж, карьера и т.п., которые являются не чем иным, как субъективным выражением проявления различных форм вещиизма.

Между тем и объективные, и субъективные факторы отчуждения являются следствием порождения соответствующих социальных условий общественной жизни. Сами же эти условия определяются двумя взаимосвязанными векторами общественного устройства: прежде всего, социально-экономическим укладом и, кроме того, вектором культуры. Эти векторы в конечном счете определяют все стороны общественной жизни, в том числе и те, которые обуславливают наибольшую значимость одних и умаляют или придают забвению другие человеческие ценности. Так, например, история цивилизации продемонстрировала, по крайней мере, три основных социально-экономических уклада — рабовладение, феодализм и капитализм, — которые далеко не идентичны в отношении к ценностным ориентациям. Конечно, набор ценностей и их общий характер у них примерно один и тот же, кроме того, во всех трех укладах имеют место оба типа отчуждения — принудительный труд и вещизм, а также ни в одном из укладов духовная ценность не стала определяющей. Но в то же время каждый уклад выделяет в качестве главной, основополагающей только для него характерную ценность; по-разному в них функционирует принудительный труд, и вещизм у них тоже проявляется по-разному, играет различную роль в жизни общества. Так для рабовладельческого общества главной ценностью была личная свобода, затем — родовая знатность, и только потом — материальное богатство; для феодализма на передний план выступает родовая знатность и на втором месте богатство; при капитализме же материальное богатство постепенно вытесняет все другие ценности, а на его последней стадии — на стадии абсолютного господства финансового капитала — богатство, персонифицируясь во всеобщий эквивалент (деньги), превратилось чуть ли не в единственную жизненно необходимую ценность.

Отношение общества к духовным ценностям на протяжении всей истории цивилизации тоже не являлось однозначным. Оно изменялось, иногда весьма существенно, либо в сторону усиления, либо, наоборот, в сторону ослабления; причем в разные исторические эпохи одни виды духовности усиливались, а другие, наоборот, ослабевали. Так в условиях рабовладельческого уклада духовные ценности получили наибольшее призна-

ние в Древней Греции, и это, как известно, послужило мощным толчком для всестороннего развития духовной культуры на всем европейском континенте. В Средние века при господстве феодального уклада и идейной монополии церкви духовность была отождествлена с религиозностью, и из всех видов духовных ценностей по-настоящему признавалась только одна религиозная ценность; все остальные — если и признавались, то только в рамках религии. В переходный период от феодализма к капитализму (эпоха Возрождения) происходит отмежевание духовных ценностей от религии, и общество начинает придавать должное значение самым различным видам духовности. А такой вид духовной деятельности, как художественное творчество, достигает в это время наивысшего расцвета. В эпоху так называемого классического капитализма, начиная с XVII в., духовные ценности в жизни общества становятся все более и более значимыми, и в XIX в. их значимость, можно сказать, достигла пика, о чем красноречиво свидетельствует небывалый подъем в этот период всей духовной культуры. Однако в начале XX в. в капиталистическом мире наметился резкий спад духовного развития, который в итоге довольно быстрыми темпами приводит общество, прямо скажем, к повсеместной и глобальной бездуховности.

Факт всепоглощающей бездуховности в капиталистическом мире XX в. не мог быть не замечен; он, в частности, лег в основу философской рефлексии философов-экзистенциалистов, пытающихся понять его причину. Этой проблеме в основном посвящены труды немецкого философа М.Хайдеггера, который стремился ее решить посредством сопоставления якобы существующих, по его мнению, двух диаметрально противоположных способов человеческого мышления: предметного и бытийного, — из которых первое имеет дело с сущим, второе — с бытием. Под предметным мышлением он понимает не что иное, как логически определенное мышление, способное схватывать систему связей и отношений (т.е. структуру), существующую в мире, бытийное же мышление схватывает неопределенный процессуальный аспект (собственно экзистенцию) мира. Первое, с его точки зрения, касается лишь внешней, поверхностной стороны мира, второе же постигает непосредственно саму его сущ-

ность. Однако, начиная еще с античного времени (Парменид, Платон, Аристотель и т.д.), бытийное мышление настойчиво и последовательно вытеснялось из общества предметным мышлением, пока, наконец, оно не было полностью вытеснено в XVII в. Решающую роль на заключительном этапе, как считает Хайдеггер, сыграл французский философ-рационалист и математик Р.Декарт, который заложил основы классической науки. На базе науки был заложен фундамент, а затем построено само здание современной технической цивилизации. А так как предметное мышление совершенно не затрагивает сущности мира вообще, включая бытийную сущность самого человека, то человеческое существование, заключающееся в мышлении, оказалось полностью отчужденным от своей сущности и по сути дела стало бездуховным. Выход из создавшегося положения очень прост: человечеству необходимо во что бы то ни стало вернуться к бытийному мышлению и сделать его главным смыслом своей жизни. Только вот как это сделать, Хайдеггер определенного ответа не дает.

Любимый афоризм Хайдеггера: «Как человек мыслит, так он и живет!» — имеет, конечно, определенный смысл. Однако в решении проблемы бездуховности человеческого бытия он, как нам представляется, мало эффективен. Ядро этой проблемы заключается не в способе мышления (хотя полностью его нельзя отбрасывать), а в системе человеческих ценностей и, прежде всего, в функционировании той ценности, которая играет решающую роль в жизни того или иного конкретного общества. А ее решение надо искать не в бытийном мышлении (которого нет, ибо это всего лишь метафора, придуманная Хайдеггером), а на пути создания такого общества, в котором основополагающей ценностью стала бы духовная ценность.

К сожалению, в настоящее время человечество живет, как никогда, в условиях почти полной отчужденности и бездуховности. Объясняется это тем, что с начала XX в., т.е. с того момента, когда финансовый капитал начал поглощать и в итоге поглотил всю общественную жизнь, определяющим фактором в жизни отдельных людей и в функционировании всех без исключения государственных, общественных и культурных институтов становится стяжательство. Корыстный

интерес, стремление к наживе, к обогащению и другие характерные признаки стяжательства со все нарастающей силой окутывают цивилизацию на протяжении всей ее истории и, наконец, в XX в. при господстве финансового капитала они становятся главной уже не просто потребностью, а всепоглощающей страстью подавляющего большинства людей, а также определяющей стратегией деятельности государственной, социальной, экономической и культурной. Две мировые войны этого столетия – самые жестокие, циничные и невероятно бесчеловечные за всю историю цивилизации – явились чудовищным следствием подобной страсти. Но вместе с тем эта же самая страсть сыграла далеко не последнюю роль в осуществлении невиданного ранее гигантского технического прогресса, и здесь, как это не покажется странным, стяжательство проявило себя с положительной стороны. Однако из всех видов духовных ценностей в этот период оказались востребованными в основном только естественнонаучное и техническое творчество. Во многих других видах деятельности, особенно в художественной сфере, духовность быстро и очень заметно теряет свои позиции. В искусстве, например, под видом творчества выдаются суррогатные бездуховные подделки, преследующие только одну цель – наживу. Или, скажем, научная деятельность все в большей степени сводится к так называемым грантам, основная цель которых заключается не в реализации и развитии творческих потенциалов ученого, а в использовании его какой-нибудь коммерческой структурой в качестве интеллектуального пособника своего бизнеса.

Что касается России, то она с октября 1917 г. до начала 1990-х гг. жила особой специфической и весьма далекой от капиталистических стран жизнью. Она в это время фактически пыталась вступить на путь практического преодоления отчужденности человеческой сущности, а значит, и бездуховного существования. Но, как мы теперь хорошо знаем, из этого кое-что, конечно, получилось, но очень и очень немного, а в целом проблема не разрешилась, и прежде всего по причине внутренних социально-экономических и политических условий, которые в принципе исключали ее разрешение².

Общественный строй, который был создан в России и обозначен в 1936 г. И. Сталиным и его соратниками как социализм, на самом деле оказался, по определению К. Маркса, предвидевшего подобное общество, казарменным коммунизмом. Его суть свелась к тому, что все стороны общественной жизни – политика, идеология, экономика, социальная сфера, культура вплоть до личной жизни каждого отдельного человека – оказались под жестким контролем монолитной централизованной власти гигантской бюрократической машины, управляемой небольшой горсткой людей (членов Политбюро или Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии) во главе со своим лидером (Первым или Генеральным секретарем этой партии). Интересы, потребности и идейные устремления этой машины, а также установленный ею, так сказать, железный порядок стали главным, причем непререкаемым, смыслом жизни всего общества. В этих условиях человеческий разум и воля фактически были скованы и могли себя выражать только в рамках дозволенного и необходимого для решения тех задач, которые ставились государственной бюрократической машиной. В подобного рода обществе главной ценностью становится не стяжательство, а идейная преданность каждого отдельного человека служить и выполнять все требования, выдвигаемые этой машиной. Короче говоря, человек в этих условиях потерял свою самостоятельность и, попросту говоря, превратился в живой придаток бюрократической машины. Появилась, так сказать, весьма оригинальная новая форма человеческого отчуждения, которую нельзя отнести ни к вещизму, ни к принудительному труду и которую можно было бы условно назвать вынужденным служением бюрократической воле.

Эта форма отчуждения имеет ряд специфических особенностей. Одна из них заключается в том, что служение бюрократической воле, хотя и является неотъемлемой ценностной ориентацией общества казарменного коммунизма, по отношению непосредственно к самому человеку выступает чем-то внешним и даже чужеродным, и потому самопроизвольно не может стать его собственной ценностью. Это означает, что для подавляющего большинства людей служение бюрократии не стало их личной потребностью и потому вылилось для них в вынужден

ную форму существования. Определяющей же ценностью отдельного индивидуума в этом обществе могли стать либо одна (например, материальное благополучие) или несколько (благополучие, карьера, престиж и т.п.) ценностей, относящихся к различным видам вещизма, либо непосредственно духовная ценность. Одно из самых главных преимуществ России советского периода было то, что в ней отчужденное существование более или менее уживалось с духовностью. Можно сказать, что в советской России духовными ценностями жила довольно значительная часть населения, особенно среди представителей интеллигенции; в то время как на Западе людей, по-настоящему живущих ими, почти не осталось. Современный западный человек с этим свыкся настолько, что имеет весьма отдаленное представление о духовности вообще; ее, как правило, он отождествляет с религиозностью, что, в общем-то, далеко не одно и то же.

Другая особенность советского общества состояла в том, что в нем фактически отсутствовала такая форма отчуждения, как принудительный труд. Все без исключения слои общества, включая государственных служащих, являлись наемными работниками бюрократической машины, и потому здесь не было прямой эксплуатации человека человеком, а значит, не было и принудительного труда. В этом смысле труд был свободным, но вместе с тем он не был свободной деятельностью человека, ибо осуществлялся в рамках жесткого контроля со стороны бюрократической машины.

В 90-е годы прошлого столетия властные структуры России при молчаливом согласии народа стали сознательно проводить курс на установление, как об этом говорят все средства массовой информации, так называемой западной демократии. В действительности же речь идет об утверждении всеобщего господства финансового капитала в нашей стране по аналогии с тем, как он уже давно господствует в западных странах. Само собой разумеется, что по мере того, как финансовый капитал в России с молниеносной быстротой стал вступать в свои права, одновременно (и это совершенно естественно) его прислужники с усиленным рвением и беспрекословно стали навязывать российскому обществу его ценностные ориентации, главным направлением которых явилось повсеместное утверждение стя-

жательства. Но так как российские люди, по крайней мере старшее и среднее поколение, по своему личному опыту знают цену духовности, то какое-то слабое пассивное сопротивление бездуховному началу еще пока теплится в нашей стране. Однако есть опасность, что духовность может полностью исчезнуть. Встает вопрос, что необходимо сделать, чтобы этого не допустить, и в чем конкретно выражается роль философии?

Если исходить из того, что изначальной причиной бездуховности во всем современном мире, включая Россию, является всеобщее господство финансового капитала, то утверждение духовности состоит в создании активной альтернативы этому господству. Конечно, кардинальным решением этой проблемы может быть лишь смена господства финансового капитала и установление такого общества, которое основывалось бы на каких-то совершенно иных началах. Сразу же надо отметить, что человечество в своем развитии не может идти вспять, и потому было бы заблуждением предлагать какие-то старые образцы прошлых эпох. Поэтому остается либо надеяться на стихийный процесс перехода к более совершенному обществу (что, по всей вероятности, если и произойдет, то в неопределенно далеком будущем), либо на основе понимания общих принципов и знания социальных и экономических законов попытаться определить объективную тенденцию общественного развития и начертать характерные черты нового общества. Это позволило бы существенно ускорить процесс перехода от общества бездуховного к обществу духовному. Подобную теоретическую задачу и должна, по-видимому, решать собственно философия³.

Однако для утверждения духовности было бы наивным рассчитывать только на кардинальное переустройство современного общества. Наиболее реальным и вполне выполнимым видится использование всех возможных средств для достижения духовности в рамках ныне существующего социума. В этом отношении Россия, как никакая другая страна в мире, может успешно решать эту задачу, во-первых, потому, что в ней не совсем утрачены духовные традиции, и, во-вторых, исторически сложилось так, что менталитет российских людей более всего предрасположен к подлинной духовности. Но для этого необходимо, чтобы все слои российского общества были в этом за-

интересованы и по возможности проявляли активность в сохранении и упрочении духовных ценностей. В этот процесс, как нам представляется, должны, в частности, включиться политические партии, которые в свои программы могли бы внести в качестве одного из важнейших требований необходимость духовного оздоровления России. Было бы неплохо, если бы у нас в стране появились специальные общественные, а может быть даже и государственные, организации, которые на практике решали бы соответствующий комплекс задач по духовному оздоровлению российского общества. Однако для успешного решения подобных задач надо располагать четким и однозначным научным пониманием феномена духовности в противоположность, например, религиозным представлениям этого понятия, что также должно являться прерогативой философии.

Примечания

- ¹ Философы-экзистенциалисты волевой феномен обычно называют экзистенцией.
- ² О названной причине подробно говорится в моей монографии «Каким быть социализму?», изданной в г. Владивостоке в 1991 г.
- ³ Представление автора о возможном будущем обществе см.: *Арлычев А.Н.* Каким быть социализму? Владивосток, 1991. С. 93–184.

А.П. Огурцов

Подделки в науке

Почему я выбрал такую странную тему для сборника памяти А.Т.Шаталова? Я собирался написать статью о логических ошибках в геронтологии, когда статистический средний возраст принимается за фиксацию реальных возрастов, когда сугубо математические идеальные объекты онтологизируются и принимаются за реальность, анализируемую геронтологией. Но (увы) не хватает ни знаний, ни времени на то, чтобы изучить большое количество концепций в геронтологии. Поэтому я ограничился размышлениями об этике ученого, о его честности и о подделках в науке.

В современной биологии, обратившейся к биофизико-химическим методам и понятиям, наряду с великими достижениями возрастает и роль подделок и фальсификаций. Нельзя объяснить эти подделки только лишь отсутствием честности в ряде отраслей биологии или подчинением научных исследований погоне за грантами и за рекламой. Что-то изменилось в самой науке, в ее оценках со стороны научного сообщества и публики, если число подделок не уменьшается, а увеличивается. На это мало кто обращал внимание. Обычно анализировали литературные подделки и фальсификации, которые были особенно распространены в XIX в., хотя ни один век не обошелся без них¹. Однако после так называемого «холодного ядерного синтеза», вызванного ультразвуком и сообщенного Р.Талеярханом, после скандала с Хван У Соком, якобы выведшего

11 колоний на основе стволовых клеток и уволенного из Сеульского университета весной 2007 г., после разоблачения мнимого открытия Ляопином «архераптора» («пернатого динозавра»), которое пропагандировали журналы «Nature» и «National Geographic»², стало совершенно ясно, что число мнимых открытий и фальсификаций в науке в XX в. возросло. Только в медицинской биологии в 2001 г. Управлением по соблюдению честности в научных исследованиях Минздрава США было раскрыто 127 случаев фальсификаций. Если сопоставить с 1990 г., то количество фальсификаций выросло в 3 раза. За один год в онкологии были выявлены 94 работы с подтасовкой данных.

Причем надо отметить, что обвинения в плагиате и в фальсификации данных можно слышать от представителей конкурирующих исследовательских групп. Так креационисты нередко незаслуженно обвиняют эволюционистов в подделке данных и в ложных их интерпретациях, а эволюционисты, стремясь как можно быстрее «доказать» свои построения, апеллируют к непроверенным, а иногда и просто к ложным данным. Чему свидетельством может быть «открытие» архераптора — «пернатого динозавра», который якобы восстановил промежуточное звено между птицами и динозаврами. Осенью 1999 г. в китайской провинции археологом Ляопином были обнаружены несколько костей, который он приписал архераптору. И, несмотря на то, что в археологии и в палеонтологии уже был разоблачен ряд «открытий», например «питлдаунского человека», поначалу и это открытие было принято восторженно. «Нейчур» и «Нейшнл географик» вынесли сообщения об этом открытии на первые страницы журналов. Потребовались усилия ряда американских археологов и палеонтологов для разоблачения этой подделки (Симонса, С.Олсона, Л.Мартина).

Конечно, и в XIX, и в начале XX в. существовали подделки в науке. Известно, что Д.Врен-Люка ввел в заблуждение известного французского геометра М.Шаля, предоставив ему рукописи Б.Паскаля, якобы свидетельствовавшие о том, что он открыл закон всемирного тяготения до И.Ньютона. Не менее известно, что П.Каммерер, доказывая наследование благоприобретенных свойств, был уличен в фальсификации данных экспериментов и покончил с собой. А.Кестлер написал об этом остросюжетную

книгу «Дело жабы-повитухи». Как заметил П.Кемпбелл, «давно миновали дни, когда на фальсификацию научных результатов можно было не обращать внимания на том основании, что ею занимались только безумцы, не способные никому причинить зло. Прискорбно длинный список ложных исследований заставляет предположить, что фальсификаторы верят в сообщаемые им результаты, поэтому не видят никакой угрозы другим исследователям повторить их работы»³. Многие отмечают рост плагиата в молекулярной биологии⁴.

В США и в ряде европейских стран созданы различные комитеты борьбы за честность в науке и по разоблачению фальсификаций в научных исследованиях. Надо сказать, что для русского уха совершенно невозможно сочетание «научные фальсификации» (если не иметь в виду метод опровержения, выдвинутый К.Поппером в критическом рационализме, нередко, особенно в Интернете, отождествляемый с подделками в науке).

Я буду исходить из «презумпции честности» ученого, если он ученый. Я, само собой разумеется, осознаю то, что в наши дни пышным цветом расцвели псевдонаучные открытия, глобальные откровения и просто подделки в науке. Речь, конечно, должна идти сначала о типологии подделок в науке, к какому этапу научных исследований они относятся — к этапу формирования гипотез, к доказательствам, к изложению научных результатов и т.д. В соответствии с этим можно говорить и о честности: а) при подаче заявки на грант, б) при проведении экспериментального или эмпирического исследования, в) теоретической интерпретации, г) публикации научных результатов, е) пропаганде научного достижения, ф) во взаимоотношениях в научной группе, лаборатории и т.д. На всех этих этапах правила метода различны, как различны и этические правила, а тем самым и «честность» специфична, обнаруживается в различных феноменах.

Появление и разоблачение подделок в науке вряд ли можно свести к психологической уверенности в том, что ученый говорит только правду и не может не говорить ее. Поскольку «честность ученого» имеет непосредственное отношение к психологическому облику ученого и даже к психологической интерпретации этического поведения ученого, то имеет смысл, по-моему, добавить такие черты этического облика ученого, как

переживание ученым своей нечестности, которое находит свое выражение в преодолении травмирующего опыта, в муках совести и прочих психологических феноменах «изживания» дефектологического поведения. И все же, хотя по данным журнала «New scientist» (за октябрь 2006 г.) полагают, что генетики открыли в лобной доле участок мозга (DLPFC), ответственный за возникновение чувства справедливости (уж не подделка ли это?), честность ученого представляет собой психологическую характеристику, которая имеет и фундаментальное, сугубо объективное значение для судеб науки.

Этический кодекс ученого, о котором так много говорят, но который так и не создан, предполагает формулирование ряда моральных норм и правил. Однако патологическое состояние науки, ставшей ныне Большой институционализированной наукой, настоятельно требует выявления и описание анти-норм⁵ (по выражению А.Митрофф), т.е. психологических и социологических норм, деформирующих честность ученого и структуру науки.

Обычно, говоря об анти-нормах науки, ограничиваются описанием фабрикации результатов исследований, фальсификации данных и плагиатом. Если же исходить из реального поведения ученых, то патологические феномены науки гораздо шире, они включают в себя и деформацию этического облика ученого. Конечно, наиболее значимыми из них являются фабрикация, фальсификация и плагиат (так называемая «большая тройка»). Они вообще выводят ученого из сферы научности. Но не следует отбрасывать и те феномены, которые связаны с этическим (точнее, аморальным) поведением ученого.

Причем надо гораздо более осторожно относиться к «небольшим исправлениям» и корректировке данных исследований, особенно эмпирических, которые нередко называют проявлением нечестности и фабрикацией и даже фальсификациями. Дело в том, что существуют определенная «разрешающая способность» приборов и погрешность в измерениях, в том числе и в социальном знании. Известно, что математик Р.Фишер обнаружил то, что количественные данные, приводимые Менделем для подтверждения законов генетики, получить было невозможно, и упрекал его в исправлениях данных, полученных при наблюдениях. Однако вряд ли без такого рода исправ-

лений чешский монах смог бы открыть законы генетики. Постоянное совершенствование приборов измерения позволяет уточнять эмпирические данные, и без этого нет науки. Если принять классификацию А.Кона⁶, то можно выделить подлог (прямую фальсификацию результатов исследования), приукрашивание (искажение результатов в желаемом направлении) и стряпню (отбор данных, подтверждающих гипотезы исследователя). Думаю, что ни к одной из этих трех характеристик открытие Г.Менделя не имеет отношения. Статистические ошибки, возникающие при социологических опросах, также вряд ли могут быть отнесены к такого рода намеренным искажениям, если сообщается об уровне возможной статистической ошибки. Я бы относился к подобным «исправлениям» более спокойно и не отнесил бы их к проявлениям нечестности.

В России нет общенационального «Кодекса поведения ученого», хотя разговоры о его создании идут давно. Общее мнение: нечестный ученый — это лжеученый. Известен афоризм Л.Фейербаха: «Честность — основная добродетель ученого». Наука предполагает принятие ученым ряда этических норм, в том числе речь идет и о честности. Есть национальный комитет по биоэтике. Существуют, насколько мне известно, этические комитеты в больницах и медицинских НИИ, регулирующие отношения между врачами и пациентами, между коллегами и пр. Они специфичны для каждого НИИ и независимы друг от друга, хотя и составлены по одной форме. Не могу сказать, что они выполняются, но это уже другой вопрос.

Каких-либо организаций, отвечающих за выявление злоупотреблений в научных исследованиях, за расследование подобных случаев и за применение возможных наказаний, в России нет. При Президиуме РАН существует «Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований» (председатель — акад. Э.П.Кругляков).

Рассмотрение фактов злоупотреблений в науке является, по моему мнению, ее делом и делом руководства и Ученых Советов НИИ и научных организаций. Каких-либо уполномоченных по рассмотрению жалоб в России нет. Думаю, что в России, где до 1964 г. в биологии господствовали «гипотезы» Т.Д.Лысенко, где подвергался остракизму и полицейскому дав-

лению акад. А.Д.Сахаров, создание такого рода организаций — дело весьма значимое. И в наши дни злоупотребления в науке — далеко не новость. Известен случай, когда один физик (Д.Е.Бурланков) прислал в журнал «Успехи физических наук» статью о жизни и деятельности выдуманного им норвежского ученого, сделавшего удивительные открытия. Эта статья была опубликована на страницах журнала в августе 2004 г. (УФН. Т. 74, № 8). Лишь потом было обнаружено, что все это шутка, и главному редактору журнала В.Гинзбургу пришлось печатать письмо с извинениями перед читателями. Конечно, каждый понимает, что это мистификация, а не фальсификация, хотя грань между ними весьма и весьма тонка. Мистификация превратилась в фальсификацию.

Основная причина злоупотреблений в науке — ее политизация. Общая тенденция развития образа науки в общественном сознании почти всех европейских стран — ослабление доверия к науке. Поэтому реализация национальных проектов, направленных на укрепление честности в науке, подобных тому, который осуществляет Р.Коллинз (R.Collins) в Центре поддержки наук (Center for Science and the Public interest), можно только приветствовать. В рамках такого рода проектов можно было бы аккумулировать данные о научных подлогах, типологизировать их и найти пути избавления от них. Каталог научных обманов можно найти в Интернете. Он подготовлен главным редактором журнала Washington ProFil С.Григорьевым (№ 1921 от 24.03.2006)⁷. В редакциях научных журналов давно существует практика научного рецензирования. Научные редакторы выступают, по словам Р.Мертон, как «привратники науки». В России уже более 15 лет отсутствует предварительная цензура, в том числе и на публикации научных результатов, если только они не нарушают Закон о государственной тайне. Злоупотребления в науке придаются огласке после того, как они уже опубликованы и стали достоянием общественности. Можно сказать, что полемика с такого рода злоупотреблениями становится научной полемикой, т.е. полемикой с иной точкой зрения и с иными позициями (их трудно назвать научными). Так известно, что известный математик, специалист по топологии академик А.Т.Фоменко «переписывает» всю европейскую историю⁸. По

лемика с ним, в том числе и выявление фактов нарушений научной честности, ведется уже после выхода в свет его многочисленных трудов на страницах печати (назову, например, большую статью С.В.Илларионова против исторических реконструкций А.Т.Фоменко «К вопросу о достоверности и полноте исторического знания», опубликованная в журнале «Вопросы философии» за 2000 г. № 6). К сожалению, много злоупотреблений в научно-популярной литературе (например, в творениях известного офтальмолога Э.Р.Мулдашева таких, как «От кого мы произошли?» М., 1999, и др.), в креационистской критике теории эволюции Ч.Дарвина, в критике теории относительности и др. Так издательство УРСС издает целую серию книг «Relata Referata», критикующих теорию относительности, выявляющих мнимые ошибки и иллюзии А.Эйнштейна, возрождающие гипотезу эфира в физике, «строящих» новую физику без такой физической константы, как постоянство скорости света.

В нашей стране нет национального комитета по проблеме научной честности, хотя в Интернете создан портал обмена мнениями о честности в науке, но пока он пуст (Formit. Научные обманы). Наука сегодня весьма специализирована и вряд ли в одном комитете могут быть собраны специалисты-эксперты по всем отраслям знаний, а такой комитет выступать в функции апелляционной инстанции. Речь, очевидно, может идти о наблюдении и фиксации жалоб, а также об организации экспертиз этих жалоб, причем экспертиз независимых и из научных организаций, в которых не работают ни потерпевшие, ни ученый, относительно честности которого возникли сомнения. Для России весьма актуальным является проблема авторского права и авторства, особенно в связи с Интернетом. Авторское право и институты, ответственные за соблюдение авторского права, находятся в коматозном состоянии и не работают. Между тем нарушения авторского права (переиздания без разрешения автора, купюры, производимые без согласия автора, публикация в Интернете даже без извещения автора) весьма многочисленны.

Такой Кодекс должен быть, по крайней мере, европейским, а лучше международным, коль скоро нормы науки и сама наука — международное предприятие. Мне лично не известны

случаи злоупотреблений в международных проектах. Очевидно, потому, что их результаты публикуются за рубежом, но не в России. Хотя мне известно, что участие в исследованиях, финансируемых из-за рубежа, — довольно-таки распространенное явление в российской науке, в том числе и гуманитарной. Без них вряд ли она выжила бы в трудные годы ничтожного финансирования научных исследований. Но вместе с этим возникает и ряд проблем, в том числе этических. Цели и проблемы выбираются зарубежными заказчиками исследований, между тем как они могут не совпадать (и чаще всего не совпадают) с актуальными для России и ее регионов целями и проблемами исследований. Конечно, нельзя представлять себе ученых в качестве танцоров, исполняющих польку-бабочку под чужую музыку (это уж совсем цинично), но тем не менее существуют расхождения между целями заказчиков и российскими насущными проблемами. Если о злоупотреблениях в международных проектах становится известным (к сожалению, об этом редко, когда бывает известно), мы ведем себя так же, как и при злоупотреблениях, происходящих в отечественных исследованиях, — критические отзывы, неприятие со стороны коллег и т.д.

Национальный комитет мог бы сыграть в такой ситуации немалую роль в регистрации случаев злоупотреблений, их экспертизе и, наконец, в публикации о фактах мошенничества, обмана или прямой лжи. Правда, есть опасение, что такого рода национальный комитет превратится в некую цензурирующую или контролирующую инстанцию, приводящую к остракизму тех ученых, которые сделали такие злоупотребления. Известен случай «Балтиморского скандала» в США, когда двух исследователей (Т.Иманиши-Кари и нобелевского лауреата Д.Балтимора) обвинили в подлоге данных экспериментальных исследований работы иммунной системы. Их сначала уволили с работы. Но затем после десятилетнего разбирательства восстановили, а ту сотрудницу, которая их обвинила (М.О.Тул) перевели в другой институт⁹. Очевидно, нужно весьма корректно представить функции такого рода национального комитета. На этом сайте Интернета можно прочитать о ряде случаев научных подлогов. Так в январе 2006 г. норвежский онколог Й.Судбо был обвинен в создании фиктивных историй болезни

для того, чтобы доказать возможность лечения рака ротовой полости нестероидными противовоспалительными препаратами. В марте 2006 г. американский ученый-ядерщик Р.Талеярхан (R.Taleyarkhan) был обвинен в подделке данных об экспериментах о термоядерной реакции под действием звуковых ударных волн. Начато расследование руководством Университета Пердью (Perdu University). В июле 2005 г. более трети участников опроса, проведенного Университетом Миннесоты (University of Minnesota) биомедицинского профиля, заявили, что им случилось идти на нарушение научной этики. В 2004 г. Союз Обеспокоенных ученых (Union of Concerned Scientists) опубликовал доклад о том, что администрация президента Буша манипулирует научными данными. Под этим документом поставили свои подписи 12 лауреатов Нобелевской премии.

По моему мнению, в России (я подчеркиваю – в России) число такого рода злоупотреблений гораздо меньше, чем это было в СССР. Я уже упоминал о наиболее крупных аферах, характерных для десятилетий лжи и успокоения совести коммунистическими иллюзиями и победами «советской науки» (Т.Д.Лысенко, борьба с физическим идеализмом, а вернее, с квантовой механикой и теорией относительности, с теорией резонанса в химии и пр.). Как говорил Арсений Тарковский, «Клевета расстилала мне сети... Наилучшие люди на свете / С царской щедростью лгали в глаза». Злоупотребления при Советской власти поддерживались официальной идеологией, ею инициировались и организовывались. Многие этические проблемы науки стали обсуждаться благодаря историко-научным исследованиям Советского атомного проекта (руководитель – проф. В.П.Визгин, Институт истории естествознания и техники РАН): прежде всего, как относиться к тем данным, которые получены благодаря советской разведке, насколько этически заслуженными являются те награды и высокие оценки результатов советских физиков при взрыве первой атомной бомбы и т.д.

Проблема ответственности ученых встала и при обсуждении громадного проекта переброски вод северных рек на юг СССР. Она же возникла и при проектировании нефтепровода из России в Китай, которое могло бы нарушить экосистему озера Байкал.

Но такие злоупотребления существуют и в наши дни. Далеко не по всем из них Генпрокуратура должна заводить уголовные дела (хотя есть и такие: например, продажа на металлолом за гроши научно-исследовательских судов «Академик Константинов» и «Академик Андреев», о чем сообщила «Новая газета» № 46 от 25–27.06.2007). Заявлений о том, что тот или иной человек решил теорему Ферма, не мало (это сделал и такой ученый, как А.А.Зиновьев).

Такого рода амбициозным проектам немало способствуют особенности русского менталитета: прежде всего мечтательность, созерцательность, склонность к импульсивным реакциям, метания из одной крайности в другую, обращение к интуитивному схватыванию всего целого без рациональной проработки деталей и способов решения проблем, терпимость к неопределенности, находящая свое выражение в поиске некоего живого знания, лежащего по ту сторону формальной логики и рационального дискурса¹⁰. Если эти особенности менталитета соединяются с проработкой деталей и рациональными решениями, то мы имеем дело с выдающимися открытиями и выдающимися учеными (чему примерами могут быть В.И.Вернадский, П.Л.Капица и др.)¹¹.

Вместе с тем для менталитета русских и для науки в России присуща ценность альтруизма, которая была принята в качестве фундаментального принципа эволюции П.Кропоткиным и нашла свое развитие в принципах коадаптации и коэволюции в современном эволюционизме. Можно вспомнить о том, что при исследовании животного электричества Л.Гальвани использовал лягушачьи лапки, Г.Кавендиш воспользовался услугами своего слуги, русский физик В.В.Петров срезал кожу со своего пальца. Ученые России нередко использовали себя при проведении тех или иных биологических экспериментов, что нередко заканчивалось трагически. Это относится к медику и специалисту по переливанию крови А.А.Богданову, к физиологу Н.А.Бернштейну и др. Конечно, биологические и медицинские эксперименты без лабораторных животных невозможны. Как известно, существуют определенные этические нормы работы с лабораторными животными, в том числе и в России. Борцы против вивисекции животных проводят различные антимиохо-

вые акции (их описание см.¹²). Контроль за их соблюдением, очевидно, является делом администрации и руководства биологических и медицинских НИИ.

Мне не известны случаи подлогов в отечественной психологии, подобных тем, которые совершал английский психолог С. Барт (С. Burt), фальсифицируя размеры выборок, публикацию статей под вымышленными именами с данными, подтверждающими его выводы и т.д. К сожалению, такого рода критико-аналитическая оценка публикаций отечественных психологов мне неизвестна. Если такого рода злоупотребления были обнаружены, то оказало ли это влияние на карьеру ученого — мне также неизвестно. А.В.Юревич обратил внимание на то, что место работы советских психологов удивительным образом совпадало с их теоретическими воззрениями. Так сотрудники Института психологии АН СССР выступали сторонниками теории общения, разработанной директором этого института Б.Ф.Ломовым, а при А.В.Брушлинском — теорию его учителя С.Л.Рубинштейна. Почти все сотрудники психологического факультета МГУ разделяли теорию деятельности, предложенную деканом А.Н.Леонтьевым¹³. А.В.Брушлинский отметил некорректное использование Э.В.Ильенковым данных психолога А.Мещерякова о реабилитации слепоглухонемых детей. То, что фундаментальные принципы психологических исследований, проводимых в различных научных организациях страны, по сути дела были «профессиональными конвенциями», снижает доверие к результатам психологических исследований.

Думаю, что подлоги в геномной инженерии, сделанные южнокорейским ученым Хван Ву Соком и ставшие предметом международного скандала в декабре 2005 г.¹⁴, для отечественной науки не характерны. Прежде всего потому, что генетические исследования в России в целом существенно отстают от зарубежных (из-за долгого неприятия генетики при Лысенко и нынешнего недостаточного финансирования науки). Кроме того, этические ценности отечественных генетиков во многом сформированы такими выдающимися учеными, как Н.И.Вавилов, Б.Л.Астауров, В.П.Эфроимсон, В.А.Энгельгардт. Эти ценности стали не просто ценностными ориентациями генетиков, но и ведущими традициями в этике биологии.

Надо сказать, что два фактора могут привести к нарушениям этики ученого. Во-первых, тот факт, что современные исследования (в том числе и в генетике) сопровождаются большой пиар-кампанией ради получения заказов, поддержки со стороны фармацевтических фирм, государства и пр., рекламы тех результатов, которые еще не получены и могут быть вообще не получены. Во-вторых, система грантов, которая принята в России уже с 90-х гг. прошлого века. Заявка на грант нередко выражает непомерные амбициозные претензии ее автора, содержит ради того, чтобы заявка была принята, широковещательные и глобальные утверждения, не поддающиеся проверке и т.д. Результат же, если заявка принята, нередко оказывается далеким от исходных заявлений. Я сам проработал экспертом в РФФИ и РГНФ и изнутри знаю, сколь много заявок (по философии, социологии, психологии) отклонялись именно по причинам широковещательных и в принципе не подтверждаемых проектов. При всей перспективности системы грантов для российской науки пришла пора осознать и ее изъяны для того, чтобы преодолеть их и усовершенствовать работу государственных фондов. К сожалению, в России отсутствует разветвленная система частных фондов, оказывающих поддержку науке по разным ее направлениям.

И, наконец, еще одна методологическая проблема. Биологические науки, в том числе молекулярная биология, имеют дело с индивидуализированными объектами, с индивидами, которые не поддаются простому сведению к физико-химическим процессам из-за индивидуального сочетания их индикаторов и констант. Минимальное медикаментозное вмешательство в это удивительное сочетание различных показателей (давления, пульса, кислотности и пр.) нередко приводит к заболеваниям и даже к смерти организма. Тот факт, что медико-биологический объект — это живой организм, нередко забывается медиками. Они рассматривают его аналогично специфическому техническому объекту, обладающему определенными показателями, на который можно воздействовать самым решительным образом. Тем самым медицина превращается в инженерию, а живой организм — в поставщика органов для медицинских операций. Возникает и проблема воспроизводи-

мости результатов, полученных на определенном индивидуальном организме или на множестве такого рода организмов. Нередко такого рода воспроизводимость не реализуется именно из-за индивидуальной природы живых организмов.

Примечания

- ¹ Работ о литературных мистификациях много. Назову некоторые из них: *Лани В.* Литературные мистификации. М.—Л., 1930; *Смирнов И.П.* О подделках Сулакадзева древнерусских памятников // ТОДРЛ. Л., 1979. Вып. 34. С. 200—219; *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических памятников XVIII—XIX вв. М., 1996, и большое число файлов в Интернете.
- ² См.: <http://www.crimea.com/> - creation; www.answersingenesis.org/russian
- ³ *Campbell P.* Reflections on scientific fraud // Nature. 2002. Vol. 417.
- ⁴ *Dewitt N., Turner R.* Bad peer reviewers // Nature. 2001. Vol. 413. P. 93.
- ⁵ *Mitroff I.I.* The subjective side of science. A psychological inquiry into the psychology of the Apollo Moon scientists. Amsterdam, 1974.
- ⁶ *Kohn A.* False prophets. Oxford, 1986.
- ⁷ См. Также: <http://www.biometrica.tomsk.ru/misconduct-1.htm>; *Куренной В.* Академические утки // Полит. журн. от 28 июня 2007 г.
- ⁸ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Введение в новую хронологию. М., 1999; *Фоменко А.Т.* Методы математического анализа исторических текстов. Т. 1. М., 1996; Т. 2. М., 1999; *Фоменко А.Т.* Глобальная хронология. М., 1993; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Реконструкция всеобщей истории. М., 1999.
- ⁹ См.: Научные обманы <http://www/bcetyt.ru/science/inventions/nauchnie-obmany.html>
- ¹⁰ Г.Г.Шпет писал в свое время о таких чертах национальной психологии русских, как ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, светливое беспокойство о вечном и др. (*Шпет Г.Г.* Соч. М., 1989. С. 53). С.Булгаков писал об исторической нетерпеливости, отсутствии исторической трезвости, о постоянном желании видеть чудо (*Булгаков С.* Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991). И.А.Ильин противопоставлял российскую и западную науку: «Русская наука не призвана подражать западной учености ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследовательство» (*Ильин И.А.* О русской душе // Русская идея. М., 1992. С. 442). Как ни парадоксально, такая трактовка этнопсихологии русских и формирующегося на ней духа научных исканий, хотя и была движима неприятием большевизма, во многом

смыкалась со строительством особой «советской науки» – мичуринской биологии, советской интерпретации квантовой химии и квантовой физики и т.д.

¹¹ И.А.Ильин писал о «живой ответственности совести», присущей русским ученым (*Ильин И.А.* О русской душе. С. 442). Эта претенциозная идея о некоем «живом знании», характерном для философии и науки в России возродилась в работах К.И.Шилина, в частности, в его «Живой метаформальной логике творчества» (М., 2004).

¹² [http:// www. aeliberation.net/archive/2006.htm](http://www.aeliberation.net/archive/2006.htm)

¹³ *Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб., 2001. С. 247–248.

¹⁴ См.: [http:// www/bcetyt.ru/science/inventions/nauchnie-obmany.html](http://www/bcetyt.ru/science/inventions/nauchnie-obmany.html)

Е.В. Петрова

Здоровье и проблема адаптации человека*

В современной литературе по биологии, медицине, философии можно найти множество определений понятия «здоровье». Вот, например, определение здоровья, данное И.А.Гундаровым: «Здоровье – это способность – а) дожить до необходимого возраста, б) быть достаточно удовлетворенным собой в физическом, душевном и социальном аспектах, в) адекватно соответствовать запросам семьи и общества»¹.

Таким образом, при рассмотрении различных аспектов проблемы здоровья следует исходить из того, что здоровье является конкретным состоянием человека, которое определяется нормальным течением физиологических процессов, обеспечивающим его оптимальную жизнедеятельность. Здоровье как оптимальное функционирование организма определяется соответствующими внутренними и внешними условиями, причинами, факторами (возраст, пол, профессия, наследственность, социальные, природные и производственные факторы). В уставе ВОЗ здоровье определяется как состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только как отсутствие болезни или физических недостатков. Следовательно, в понятие «здоровье» в качестве обяза-

---

* Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям совместно с Советом по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (грант № МК-3343.2006.6).

тельного критерия должна входить возможность полноценной трудовой и общественной деятельности. Болезнь не только препятствует, но и нередко значительно ограничивает либо совсем лишает человека этой возможности. Движение от здоровья к болезни можно рассматривать как процесс постепенного ослабления способностей организма приспосабливаться к изменениям социальной и производственной среды, окружающих условий, что в итоге ведет к снижению общественных, социальных и трудовых функций. Здоровье является необходимой предпосылкой для полной реализации биосоциальных возможностей человека.

Наступившее XXI столетие не позволяет рассматривать здоровье как нечто независимое, связанное только с индивидуальными особенностями организма. Оно является результатом воздействия совокупности тесно переплетенных социальных и природных факторов. Всевозрастающие темпы индустриализации и урбанизации могут привести и уже приводят к нарушению экологического равновесия и способны вызывать деградацию не только среды, но и здоровья людей. Все это дает основание считать здоровье и болезнь производными окружающей среды.

Такие реалии современности, как ускорение технического прогресса, прогрессирующее загрязнение окружающей среды, значительный рост числа стрессов при современном образе жизни увеличивают риск развития различных заболеваний и делают каждого человека потенциальным или реальным пациентом медицинских учреждений.

Степень риска болезни зависит от сопротивляемости организма вредным влияниям, от его устойчивости при воздействии разнообразных стрессовых факторов, от запаса жизненных сил (функциональных резервов организма). Все эти свойства определяют способность организма приспосабливаться (адаптироваться) к изменениям условий окружающей среды. Нельзя не согласиться с рядом исследователей в том, что «так называемые «адаптационные возможности организма» могут рассматриваться как мера здоровья, как мера защиты от болезни»².

Понятия «адаптация», «адаптационные возможности» в последнее время употребляются очень часто и в совершенно различных контекстах. Поэтому прежде, чем переходить к взаимосвязи проблемы адаптации и здоровья человека, необходимо немного более подробно рассмотреть само понятие адаптации.

Собственно, адаптация — это форма освоения системами воздействий внешней и внутренней среды, заключающаяся в тенденции к установлению с ними гармонического равновесия. В процессе адаптации человека можно выделить два аспекта — биологический и социальный. Биологическая адаптация человека — это эволюционно возникшее приспособление организма человека к условиям среды, выражающееся в изменении внешних и внутренних особенностей органа, функции или всего организма под влиянием изменившихся условий среды. Социальная адаптация — процесс становления личности, обучения индивида и усвоения им ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе. Оба этих процесса, и биологическая, и социальная адаптация, разносторонне связаны с проблемой здоровья индивида и проблемой общественного здоровья.

Для каждого вида организмов существует своя определенная амплитуда приспособительных возможностей, выход за пределы которой губителен для их существования. Адаптивные границы могут быть расширены направленным воздействием на организмы путем тренировок, но все же в сравнительно узких пределах, задаваемых наследственными свойствами, присущими тому или иному виду. (Например, сенсорная адаптация — это приспособительное изменение чувствительности (ее повышение либо понижение) к интенсивности действующего на орган чувств адаптирующего раздражителя. Слуховая адаптация — изменение в характере восприятия звуков во время и после действия звукового раздражителя. Чаще всего она проявляется в падении слуховой чувствительности. Слуховая адаптация в виде повышения порогов слуха зависит от интенсивности, частоты и длительности действующего тона, а также от времени, прошедшего после начала или прекращения дейст-

вия звука. В виде снижения порогов такая адаптация происходит при действии звуков слабой громкости, особенно в начале процесса их восприятия.

Важность успешной адаптации к окружающей среде наглядно показана в работе В.А.Лисичкина, Л.А.Шелепина и Б.В.Боева: «В процессе эволюции непрерывно происходит приспособление организмов к той среде, где они обитают. Различные особи, популяции, биоценозы обладают высокой степенью пластичности и способностью адаптироваться к значительным изменениям в окружающей среде. Живые организмы заселяют пустыни и ледники Антарктиды, горы и глубины океанов, выдерживают огромные перепады температур, экстремальные уровни давлений, радиации, физических полей. Они приспособились к суточным, приливным, лунным, годовым режимам, связанным с ними изменениями внешних условий.

Вместе с тем необходимое условие жизни – определенное постоянство внутренней среды организма, физиологических процессов. Это постоянство в изменяющихся внешних условиях поддерживается сложной системой гомеостаза, для которого в ходе эволюции выработались механизмы с большим запасом прочности. Существуют системы защиты организмов, популяций, биоценозов от различных видов воздействий, включая экстремальные. Поведение, психическая деятельность сильно зависят от относительного постоянства внутренней среды мозга. Причем, как правило, чем выше организована нервная система, тем жестче должно быть это постоянство»³.

Значение проблемы адаптации в современных условиях определяется прежде всего тем, что природа человека и его физиологические свойства, формировавшиеся в течение многих веков, не могут изменяться с такой же быстротой и такими темпами, как новые реалии, новые экологические и социальные обстоятельства.

В последние десятилетия происходит интенсивное изменение окружающей среды за счет резкого расширения промышленного производства, роста количества отходов, загрязняющих окружающую среду. Все это непосредственно влияет на здоровье людей, наносит огромный ущерб экономике, резко

уменьшает трудовые ресурсы, а также потенциально создает канцерогенную и мутагенную опасность для здоровья не только настоящих, но и будущих поколений.

Нельзя также забывать и о том, что уже проявились и все более набирают силу негативные тенденции информационного общества. Начавшееся в последней трети XX в. и продолжающееся в настоящее время бурное развитие информационных технологий (так называемый «информационный взрыв») принесло с собой некоторые весьма существенные проблемы, связанные со здоровьем человека. Д.И. Дубровский пишет об этом: «Мы вступаем в новый этап цивилизации – информационное общество, и это обязывает во многом по-новому осмыслить столь значимые для каждого из нас вопросы здоровья и болезни»⁴.

Существует целый комплекс проблем, прямо или опосредованно связанных с проблемой здоровья человека в современной городской информационной среде. Это проблема видеоэкологии (влияние окружающей среды на человека через органы зрения), связанная с ней проблема компьютерного зрительного синдрома и общего воздействия информационных технологий на организм и психику человека, а также проблема информационного стресса.

На проблеме информационного стресса хотелось бы остановиться немного подробнее. Она приобретает повышенную научную и практическую актуальность в связи с непрерывным ростом социальной, экономической, экологической, техногенной, личностной напряженности нашей жизни и значительными изменениями содержания и условий труда у представителей многих профессий. Автоматизация производства, широкое применение вычислительной техники, использование информационных моделей, интенсификация труда приводят к возрастанию количества проблемных ситуаций, повышению темпа работы и увеличению профессиональной и личностной значимости и ответственности за результаты и последствия деятельности. В отечественной и зарубежной литературе получили довольно широкое освещение вопросы влияния информационных факторов на деятельность человека и его состояние. В частности, в работе В.А. Бодрова «Информационный стресс» представлены материалы экспериментально-теоретического

изучения информационного стресса человека-оператора, как одного из видов профессионального стресса психологической природы. В.А.Бодров считает, что стресс «является реакцией не столько на физические свойства ситуации, сколько на особенности взаимодействия между личностью и окружающим миром. Это в большей степени продукт наших когнитивных процессов, образа мыслей и оценки ситуации, знания собственных возможностей (ресурсов), степени обученности способам управления и стратегии поведения, их адекватному выбору»⁵. Примером источника информационного стресса могут служить телефонные звонки и другие средства коммуникации. Необходимость выделения информационного стресса в качестве отдельной формы стресса обуславливается как особенностями его происхождения и развития, так и специфичностью средств и способов профилактики и преодоления данного вида стресса (проектирование информационных моделей и способов деятельности, эргономичность условий и организации труда, психологический отбор и подготовка операторов).

С точки зрения теории адаптации под здоровьем понимают возможность организма активно адаптироваться к условиям окружающей среды, взаимодействуя с ней свободно, на основе биологической, психологической и социальной сущности человека. Поэтому здоровье можно определить не как состояние, а как процесс. По В.П.Казначееву, здоровье — это процесс сохранения и развития физиологических, биологических и психических функций, оптимальной трудовой и социальной активности при максимальной продолжительности активной творческой жизни.

В.П.Казначеев различает адекватные и неадекватные условия среды. Адекватные условия — это те, которые соответствуют генофенотипическим конституционным свойствам организма в определенный момент его существования. Механизмы биологической адаптации к таким условиям есть результат длительной эволюции и онтогенеза. Неадекватные условия — это условия, не соответствующие в данный момент основным свойствам организма, и тогда жизнедеятельность человека возможна только при включении резервных механизмов адаптации. Неадекватное воздействие в течение длительного време-

ни может вызывать адаптивные перестройки в организме человека, являющиеся универсальным механизмом адаптации к длительным напряжениям. Установлено существенное влияние этого механизма на биохимические и биофизические процессы в клетках.

Организм человека, испытывающий в условиях современного научно-технического прогресса непрерывные стрессовые воздействия (производственные, психоэмоциональные и др.), необходимо рассматривать как динамическую систему, которая непрерывно приспосабливается к условиям окружающей среды путем изменения уровня функционирования отдельных систем и соответствующего напряжения регуляторных механизмов. Приспособление или адаптация к новым условиям достигается ценой затраты функциональных ресурсов организма, за счет определенной «биосоциальной платы» (термин А.Н.Авцина). И.В.Давыдовский предложил термин «цена адаптации». Им же была выдвинута концепция «болезнь-адаптация»: «По своей биологической сущности всякая болезнь есть приспособительное явление»⁶.

Соотношение здоровья и болезни как особых состояний человека выражается через понятие «адаптация»: чем лучше человек приспосабливается к природным и социальным факторам, тем выше показатель общественного здоровья. Недостаточная логико-гносеологическая и общеметодологическая разработка проблемы «болезнь-адаптация» требует дальнейшего теоретического исследования самого понятия «адаптация». Не все клиницисты разделяют мнение И.В.Давыдовского о болезни как о приспособительном процессе, справедливо указывая на такие заболевания, как рак, при котором рост опухоли не является приспособительной реакцией. Однако сложно отрицать, что на этапе перехода от здоровья к болезни защитно-приспособительные реакции организма играют ведущую роль.

Адаптация как одно из фундаментальных свойств живой материи является результатом и средством разрешения внутренних и внешних противоречий, она существует и формируется на грани жизни и смерти, здоровья и болезни, за счет их столкновения и взаимоперехода. По словам Т.Г.Дичева, «с эко-

логической адаптацией и ее нарушениями могут быть связаны не только различные патологические процессы и состояния, но и сама причина той или иной болезни и ее последствия».

«Все это убедительно говорит о необходимости более глубокого исследования сложной, своеобразной в каждом конкретном случае связи патологии и адаптации, здоровья и болезни. Это имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для медицины. Так как неверное представление о значении механизмов адаптации в том или ином патологическом процессе, его этиологии или исходе ведет к неадекватным вторжениям лечащего врача в эти механизмы, порой препятствующим, а не способствующим процессу выздоровления и выживания». Т.Г. Дичев отмечает и еще один очень важный социально-философский аспект: «Ведь и лечебно-профилактические действия относятся к особому виду социальной адаптации человека и требуют серьезного изучения их реального адаптивного значения в диалектической связи с другими предпосылками и свойствами жизни»⁷.

Теория общего адаптационного синдрома, основы которой сформулированы в 1936 г. Г.Селье, привлекла внимание исследователей к проблеме соотношения специфического и неспецифического в адаптации человека. Селье обосновал и показал наличие общих, неспецифических реакций организма при действии любых раздражителей, превышающих физиологическую норму адаптации. Также была выделена особая группа болезней, получившая название «болезней адаптации».

Дело в том, что под влиянием сильных воздействий на организм срабатывает защитный механизм. Возникает состояние напряжения, которое дает возможность адаптироваться в сложившейся ситуации. Это состояние имеет неспецифический характер и получило название стресса. С помощью реакции стресса повышается устойчивость организма к различным воздействиям. В организме возникают однотипные биохимические изменения при действии самых разнообразных факторов. Совокупность этих изменений получила название адаптационного синдрома. К возникновению стресса могут приводить различные факторы: жара, холод, физические нагрузки, боль, эмоциональное напряжение и т.д. Существует общий адаптацион-

ный синдром, который независимо от вызвавших его причин имеет единый механизм развития. Он проявляется стадией тревоги, в течение которой в ответ на стрессовое воздействие мобилизуются защитные силы организма, усиливается приток к тканям энергетических веществ, в частности глюкозы. В ходе второй стадии адаптационного синдрома (стадии резистентности) организм обычно приобретает устойчивость не только к воздействию, но и к другим факторам (иногда резистентность организма по отношению к одному фактору сопровождается повышением чувствительности к другим). При слишком интенсивном или длительном воздействии, или при изначальной слабости организма может наступить третья стадия – истощение. Наступает изменение поведения и становится возможной даже гибель организма. Повторные стрессовые воздействия, с одной стороны, могут давать эффект тренировки, с другой – способны истощить защитные силы организма, что может привести к тому, что даже слабые раздражители будут приводить к тяжелым последствиям. При неадекватном характере стрессовых реакций возникают болезни адаптации: гипертоническая болезнь, воспалительные заболевания суставов, поражения желудочно-кишечного тракта, нервно-психические расстройства⁸.

Подводя итоги, можно отметить, что адаптационные возможности организма представляют собой одно из фундаментальных его свойств. Чем выше адаптационные возможности организма, тем меньше риск болезни, поскольку более надежна защита от болезни.

Таким образом, на современном этапе осмысления и, возможно, переосмысления проблем философии здоровья подход к оценке здоровья должен в значительной степени основываться на представлениях теории адаптации и рассматривать болезнь как нарушение сложившегося равновесия между организмом и средой в результате повреждающего воздействия неблагоприятных факторов среды. Для здорового организма эти реакции служат средством уравнивания со средой, а для больного целям восстановления нарушенного равновесия со средой.

Не вызывает сомнений необходимость всестороннего изучения общих закономерностей взаимоотношений организма человека с факторами окружающей среды различной природы

(физическими, химическими, биологическими), адапционно-приспособительных процессов, механизмов взаимодействия организма с комплексом благоприятных и неблагоприятных факторов среды антропогенного происхождения, а также с комплексом социально обусловленных факторов.

Примечания

- ¹ *Гундаров И.А.* Закон духовной детерминации здоровья // *Философия здоровья*. М., 2001. С. 158.
- ² *Баевский Р.М., Берсенева А.П.* Оценка адаптационных возможностей организма и риска развития заболеваний. М., 1997. С. 5.
- ³ *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А., Боев Б.В.* Закат цивилизации или движение к ноосфере (экология с разных сторон). М., 1997. С. 272.
- ⁴ *Дубровский Д.И.* Здоровье и болезнь – проблемы самопознания и самоорганизации // *Философия здоровья*. М., 2001. С. 86.
- ⁵ *Бодров В.А.* Информационный стресс. М., 2000. С. 5.
- ⁶ *Давыдовский И.В.* Ответ моим критикам // *Клиническая медицина*. 1957. Т. 35. № 1. С. 136.
- ⁷ *Дичев Т.Г.* Адаптация и здоровье, выживание и экология человека. М., 1994. С. 51–53.
- ⁸ См.: *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А., Боев Б.В.* Закат цивилизации или движение к ноосфере (экология с разных сторон). С. 271–273.

Ю.В. Хен

Вырождение человечества – реальность или иллюзия?

Творцом теории вырождения считается французский психиатр О.Морель (1809–1872), утверждавший, что люди, подорвавшие свое здоровье неправильной жизнью, отравлением и т.п., дают потомство духовно неуравновешенное, истеричное; во втором поколении появляется умственная отсталость, эпилепсия и алкоголизм; в третьем – душевные болезни и самоубийства и, наконец, в четвертом – идиотизм, всякие уродства, бездетность и, следовательно, – смерть рода, вымирание¹. Современникам Мореля, наблюдавшим вокруг себя расцвет сифилиса и туберкулеза, алкоголизма и проституции, рост психических заболеваний и преступности, вырождение представлялось совершенно реальной проблемой. Вывести человечество из тупика общей дегенерации была призвана евгеника – наука о наследственном здоровье, – основателем которой считается английский естественный экспериментатор, антрополог и врач Ф.Гальтон (1822-1911).

Научным фундаментом евгеники послужило положение дарвиновской теории эволюции, согласно которому для выживания и развития биологического вида первостепенное значение имеет естественный отбор, в процессе которого наименее приспособленные особи погибают, не успев передать потомству своих негативных качеств. Это положение было использовано евгенистами для объяснения причин вырождения человечества: дело в том, что давление естественного отбора в куль-

турной среде снизилось примерно в десять раз по сравнению с природой, что неизбежно повлекло за собой ухудшение физической и психической конституции человека.

В свете «адаптированного» дарвинизма факт вырождения наконец-то обрел свое естественнонаучное объяснение. Одновременно стало понятно, что сам образ жизни человечества, его драгоценная культура является главной причиной дегенерации. Евгенист Г. Г. Штехер выразил общую обеспокоенность проблемами вырождения следующим образом: «Всякий человек, которому дороги не только личные интересы близких людей, но кому дороги интересы и судьбы всего человечества, должен задуматься над явлениями ухудшения человеческого рода, над явлениями вырождения, и должен стремиться к их устранению»².

Многие видные ученые-естествоиспытатели с энтузиазмом взялись примерять «дарвинизм» к решению социальных проблем, усилив своим авторитетом евгеническое давление на менталитет эпохи. Так, например, председатель питерского отделения Русского евгенического общества Ю. А. Филипченко для обоснования своевременности проведения евгенических мероприятий приводит следующее соображение. В своем размножении все виды животных проходят две стадии:

- 1 — стадное или массовое размножение;
- 2 — индивидуальное разведение и подбор.

«Законы размножения, как и законы наследственности, являются общими для всех живых существ, почему те же два периода размножения свойственны не только различным домашним животным, но и человеку»³. Наши деды и прадеды, пишет Ю. А. Филипченко, размножались еще массовым способом (то есть имели 8–10 детей, из которых только половина достигала возраста половой зрелости). Сегодня же в большинстве культурных стран время массового размножения безвозвратно миновало. «Само по себе, однако, это падение рождаемости и отказ от массового размножения не были бы особенно страшны, если бы и в человеческом обществе место естественного подбора занял бы искусственный, который с таким успехом применяется человеком к его домашним животным и растениям, которые, конечно, гораздо менее ценны, чем сам че-

людей. Тем не менее, ничего подобного нет: человечество перешло от массового размножения к индивидуальному, но условия подбора сохранились прежние, и только культура направила этот фактор в еще менее выгодную для нас сторону... Надо ли удивляться, что в результате всего этого мы стоим на пороге, быть может, близкого вырождения?»⁴.

Рассуждения на тему вырождения человечества – любимый конёк всякого последовательного дарвиниста. Так Н.К.Кольцов пишет, что «благодаря подъему культуры и распространению идеи равенства борьба за существование в человеческом обществе утратила свою остроту и благодетельный естественный отбор практически прекратился»⁵. Ю.А.Филипченко, перечисляя конкретные признаки ухудшения здоровья населения, пишет следующее: «...в настоящее время благодаря изменению культурой нормального хода подбора замечается безусловное ухудшение многих качеств современного человека... Одним из симптомов подобного ухудшения является уменьшение способности сопротивляться различным неблагоприятным условиям вроде холода, голода, а также многим болезням. Люди, живущие в культурных условиях, гораздо хуже переносят всевозможные лишения, гораздо тяжелее реагируют на простуду и некоторые другие заболевания, которые раньше были практически неизвестны, между тем за последнее время число недугов, которым подвержено человечество, становится все больше и больше. Несомненно, все это является следствием известного наследственного ослабления конституции, произошедшего благодаря тому, что подбором в настоящее время устраняются далеко не все слабые элементы, которые передают эту слабость потомству»⁶. Л.Вольтман выступает в этом же ключе. Он пишет, что многочисленные гигиенические и санитарные мероприятия цивилизованных государств приобретают особое звучание с точки зрения теории естественного отбора. Например, искусственное уменьшение острых инфекционных болезней увеличивает органические и инфекционные заболевания, так как при эпидемиях истребляются большей частью те индивиды, которые страдают этими пороками. «В особенности мы должны указать на ограничение детской смертности как на явление, способное

причинить подобное ухудшение расы... Поучительный пример отрицательного действия гигиенического отбора представляет еврейская раса»⁷.

Ослабление давления естественного отбора отражается также в многочисленных более мелких изменениях к худшему, например в снижении остроты слуха, зрения (даже среди молодежи появились люди в очках — с сожалением отмечает Ю.А.Филипченко) и обоняния. То же можно сказать о состоянии зубов и женского полового аппарата. Все это хотя и не представляет непосредственной угрозы жизни, но свидетельствует о том, что «нормальное развитие органов чувств потеряло в современных условиях свою высокую подборную ценность, и благодаря этому близорукость и многие другие дефекты того же рода, не сдерживаемые более подбором, начинают широко распространяться среди населения»⁸.

Ю.А.Филипченко подчеркивает, что ухудшение здоровья населения отмечено во всех развитых странах, и это означает, что вырождение стало «мировым процессом». Поэтому нужно, чтобы и в человеческом обществе место естественного подбора занял искусственный, который постепенно приведет к улучшению будущих поколений. А так как это и является задачей евгеники, то насущная необходимость ее в настоящее время может считаться совершенно доказанной.

Л.Вольгман указывает на христианскую мораль как на основной источник идей, чреватых вырождением человечества: «У цивилизованных народов, развивших свои социальные чувства и представления под влиянием христианской морали и гуманных идей, возникают мотивы и для индивидуальных действий и общественных учреждений, которые способны ограничить или даже совсем отменить гигиенический отбор. Филантропические чувства могут здесь достигнуть такой власти над умами, что сострадание к слабым, больным и менее способным оценивается в таких обществах прямо как высочайшая добродетель»⁹.

Мода на дарвинизм усугубила путаницу в вопросе о вырождении, поскольку, не подвергнув критическому отбору имеющиеся факты и не определившись с понятиями, авторы евгенических проектов ограничились интуитивным убеждением в

том, что свидетельства вырождения имеются, и в дальнейшем заботились только о непротиворечивом описании процесса. При всем уважении к выдающимся достижениям в области биологии, которыми мировая наука обязана Н.К.Кольцову и Ю.А.Филипченко, очевидно, что их евгенические рассуждения не отличались оригинальностью: они только зафиксировали расхожее представление о вырождении вследствие ослабления естественного отбора. Профессор мюнхенского университета О.Бумке (врач-психиатр) в своем критическом очерке «Культура и вырождение» указывает на фактическую бездоказательность столь популярной в то время теории вырождения, которая основывается не столько на фактах, сколько на интуитивном убеждении в том, что здоровье людей подвержено негативной динамике. И дело даже не в том, что фактического материала недостаточно, а в том, что, рассуждая о вырождении мы попадаем во власть терминологической неразберихи. «Когда Морель начал писать о дегенерации, слово это уже давным-давно существовало и употреблялось (и раньше и в дальнейшем) самым различным образом и по самым разным поводам»¹⁰. Неопределенность понятия психического заболевания (безумие, алкоголизм, эпилепсия, самоубийство) и физических пороков (бездетность, уродства) ведет к тому, что всякий волен трактовать известные факты в зависимости от своего видения картины вырождения. Таким образом получается, что одни авторы констатируют рост психических заболеваний и их отягчение из поколения в поколение (Ч.Ломброзо), а другие, напротив, отмечают, что ничего подобного не происходит и что, более того, в ряде семейств имеет место не дегенерация, а регенерация (О.Бумке). «В настоящее время нет ни одной эндогенной или нервной болезни, нет вообще такого нервного симптома, которых не пытались бы относить к дегенерации, а так как наследственный генез этих расстройств принимается – верно ли, нет ли – за какую-то аксиому, то в психиатрии понятие вырождения совпадает с понятием *психопатической конституции*»¹¹. О наследственном же вырождении, подчеркивает О.Бумке, можно говорить только тогда, когда каждое последующее поколение слабее предыдущего, а если этого нет, то мы имеем дело с простым случаем плохой наследственности.

По окончании второй мировой войны проблему вырождения постигла та же участь, что и евгенику в целом: говорить о вырождении стало невозможно без того, чтобы немедленно не быть заподозренным в евгенических намерениях. Такой исход представляется закономерным, учитывая, что представление о дегенерации (некоторых рас и этнических групп – в большей степени, чем других) составляет основу евгенических теорий и расово-гигиенических рекомендаций. С другой стороны, факт дегенерации как бы объективным образом вытекал из теоретических положений дарвинизма – признанной естественнонаучной доктрины, от которой никто не собирався отказываться. Поэтому официального запрета на разговоры о вырождении не было, хотя, конечно, она не обсуждалась так активно, как в 20–30-е годы.

Кроме того, в послевоенном мире продолжала развиваться статистика, оказались востребованными такие дисциплины, как демография и социология, опиравшиеся на ту же фактологическую базу, что и евгеника. Таким образом, хотя говорить о вырождении было не принято, но материалы, необходимые для оценки человечества с этой точки зрения, продолжали копиться, причем еще более интенсивно, чем в период расцвета «дегенеративной» тематики, разрабатывались новые методы анализа, информация о человеке и человечестве становилась все более полной. Другими словами, внутренняя логика развития научных методов способствовала тому, что факт дегенерации человечества оставался предметом исследований, невзирая на негласный общественный запрет изучать социальную *ценность* человеческих индивидов. Косвенным образом развитие статистических методов способствовало смещению акцентов в изучении дегенерации: если в довоенный период евгенисты концентрировали внимание на физическом вырождении, то сегодня больше говорят о динамике когнитивных способностей, а место расистского подхода заняла оценка социального статуса и «успешности», которая в современных исследованиях нередко ассоциируется с интеллектом.

Значение статистического анализа увеличивается также в связи с ростом населения на земном шаре, и здесь представление о «неравноценности» человеческих индивидов (евгеничес-

кое по своей сути) также играет большую роль, становясь основой многочисленных экологических теорий типа «золотого миллиарда», исходящих из положения, что раз уж всем людям на земле явно не хватает места и ресурсов, то надо ограничить размножение нежелательных элементов, чтобы более ценные индивиды могли сохранить высокий стандарт жизни.

Многие популярные сегодня дисциплины – генная инженерия, медицинская генетика и разнородный блок экологических теорий (глубинная экология, теория золотого миллиарда, неомальтузианство (всё еще!)) – в скрытой или явной форме опираются на представление об ослаблении здоровья населения, ухудшении его качественного состава (перевес малоценных индивидов над более ценными), росте демографического дисбаланса (старение населения, перевес смертности над рождаемостью), возрастании генетического груза вследствие загрязнения окружающей среды, развития биотехнологий и употребления в пищу генномодифицированных продуктов. Благодаря развитию информационных технологий, делающих результаты различных статистических обследований и экологического мониторинга достоянием гласности, растут эсхатологические настроения среди населения. Таким образом, представление о вырождении проникает в менталитет, где не может быть оценено критически. Для оценки действительного состояния вырождения человечества предстоит проанализировать четыре группы аргументов: экологические теории, медицинскую статистику, данные об изменении когнитивных способностей и влияние на генофонд биотехнологий (внедрение генномодифицированных продуктов).

Тема перенаселения неожиданным образом высветила старые мальтузианские представления. В частности, оказалось, что многие из наших современников по-прежнему считают, что формула Мальтуса о геометрической прогрессии в размножении живых организмов соответствует действительности и, таким образом, биологический вид как бы запрограммирован на самоуничтожение в результате полного истощения ресурсов. Создается впечатление, что критика расчетов Мальтуса (довольно обширная) осталась незамеченной. Между тем, как отмечает Ю.В. Чайковский, уже первый переводчик Мальтуса на рус-

ский язык П.А.Бибиков писал в предисловии, что все животные и растительные породы ведут борьбу двоякого рода: обусловленную конкуренцией и нисколько от нее не зависящую, и чем сильнее борьба, не зависящая от конкуренции, тем слабее борьба, вызываемая ею (1865 г.). В подтверждение своего тезиса он привел много примеров, и среди них такой: катастрофическое размножение сусликов на юге России прекратилось не потому, что был съеден весь хлеб, а от повального их заражения глистами¹². Еще Мальтуса пугали многолетние семьи, но П.А.Бибиков предложил простейшую процедуру — исследовать их в течение нескольких поколений. По его наблюдениям получилось, что феномен многолетности наследуется не более чем на 1–2 поколения.

Современный физик и демограф С.П.Капица пишет, что рост населения в ходе истории шел гораздо быстрее, чем полагал Мальтус, но при этом рост ограничивается не только пищевыми ресурсами, а всем комплексом свойств самого человечества и его связей с природой; в настоящее время в развитых странах рост сменился тенденцией к стабилизации и в течение XXI в. численность должна стабилизироваться во всем мире на уровне около 12 млрд человек, что по некоторым оценкам считается экологически приемлемым¹³.

В свое время из труда Мальтуса был сделан необоснованный вывод — что всякая популяция сама по себе стремится к неограниченному росту, пресекаемому лишь нехваткой ресурсов (прежде всего, пищи). И мнение это до сих пор весьма распространено. В исследовании биофизика В.Л.Воейкова утверждается, однако, что в природе такой рост наблюдается только в патологических популяциях вроде раковой опухоли или нашествия саранчи. Оказывается, «мальтузианская» схема безудержного размножения, ограниченного только борьбой за внешний ресурс, точно описывает не эволюцию, а редкие патологии вроде нашествия саранчи, кончающиеся гибелью популяции, размножающейся по мальтузианской схеме. В остальной эволюции, как и в онтогенезе, всякий рост численности (молекул, клеток, организмов) строго подчинен той системе, частью которой объект является. Обилие семян и спермиев обычно, а обилие потомков, друг с другом конкурирующих, — редкость.

«Все виды, не только животные, но и растительные и даже бактериальные, обладают эффективными средствами регулирования своего размножения, ослабляющими и даже сводящими на нет конкуренцию внутри вида. Все нормальные популяции, начиная с молекулярного уровня, обладают жесткими механизмами регуляции своей численности, а все «мальтузианские» быстро гибнут»¹⁴.

Контекстуальный смысл приведенных рассуждений таков, что расчеты Мальтуса неверны, и человечество не должно размножаться в геометрической прогрессии, ибо это противно его природе. С другой стороны, основной довод евгеники классического образца (о необходимости применения к человечеству мер искусственного отбора) строился на утверждении, что человечество, в силу действия культурных факторов (сострадание к слабым, социальные программы защиты малоценных слоев населения, медицинская помощь больным и т.д.), вырвалось из-под давления естественных законов, и его размножение уже не подчиняется ограничениям, действующим в природе. Таким образом, доводы анти-Мальтуса нельзя отнести к человечеству, если только не рассматривать его в качестве примера патологической популяции, вроде саранчи или раковой опухоли. Фактически мальтузианские расчеты, на которых, кстати, основывались дарвиновские представления о механизме борьбы за существование, относятся *только* к человечеству (и другим патологическим популяциям). Биологически человек не запрограммирован на безудержное размножение, но по мере развития культуры и цивилизации он научается все лучше уклоняться от действия механизмов «внутрисистемной регуляции», задачей которых является удерживать размеры популяций в рамках, допустимых для дальнейшего существования данной системы. В недалеком прошлом чума и грипп еще могли ощутимо повлиять на численность населения, но при сегодняшнем развитии медицины и гигиенического просвещения убыль населения от любой эпидемии ничтожна по сравнению с его общей численностью. И если проводить аналогию между человечеством и раковой опухолью, то можно сказать, что «заболевание» достигло той стадии, когда любое вмешательство хирурга только подстегивает размножение патологических клеток. Это

соображение следует учитывать, анализируя причины живучести (если не сказать актуальности) евгенических представлений: основная задача «качественной демографии» состоит именно в том, чтобы ограничить темпы роста человечества.

В скрытой форме (без ссылок на разработки евгенистов) это представление содержится в популярной нынче концепции устойчивого развития, которая предполагает, что стабильность мирового сообщества требует поддержания оптимальной численности населения. А.П.Назаретян пишет, что «по канонической версии устойчивого развития население Земли должно быть сокращено в 6–10 раз (концепция «золотого миллиарда»». В «патриотической» прессе уже появились сообщения о расплывчатой зарубежными глобалистами квоте по странам, согласно которой России предлагается к 2020 г. снизить численность населения до 50 млн. человек. Возможно, это очередная газетная «утка». Но ей поверили и некоторые исследователи, решившие, что идея «золотого миллиарда» рано или поздно потребует конкретизации»¹⁵. Автор анализирует доводы сторонников указанной концепции и приходит к выводу, что существующие способы подсчета «квот» несостоятельны, поскольку основаны на абсолютизации настоящего положения дел и произвольно выбирают группы, подлежащие сокращению.

Следует заметить, что все существующие футуристические сценарии (к их числу относятся и экологические теории) несут на себе отпечаток старых евгенических традиций. Во-первых, они преследуют ту же цель, что и классическая евгеника — создание более совершенного человечества (в экологической редакции — совершенного человеческого общества, живущего в гармонии с окружающей средой). Во-вторых, этим теориям присущи структурные элементы, характерные именно для евгенического дискурса: идея вырождения, отсылки к объективному знанию как основе прогнозов и апелляция к государственному контролю как основному механизму осуществления прогрессивных преобразований. С другой стороны, поскольку евгеника успела себя скомпрометировать, названные доктрины не признают своего родства с ней. Под влиянием этого обстоятельства изменяется формулировка и акценты в традиционной евгенической проблематике. Например, тема вырожде-

ния мутирует в проблему демографического кризиса, имеющего тройное выражение. Во-первых, абсолютное количество людей на земле растет слишком быстро, угрожая равновесию экосистемы. Во-вторых, изменяется расовый баланс, поскольку рождаемость в странах третьего мира выше, чем в западных странах. И, в-третьих, повышается средняя продолжительность жизни, население стареет вследствие развития медицины и геронтологических техник. Политические последствия этих процессов отражены в различных демографических сценариях будущего, суть которых Ф.Фукуяма суммировал следующим образом: «В то время как некоторые развитые страны подошли к барьеру рождаемости, не обеспечивающей воспроизводство населения, или даже перешли его, и их население стало уменьшаться, многие бедные страны, в том числе ближневосточные и страны околосахарской области, поддерживают высокие темпы роста населения. Это означает, что разделительная линия между первым и третьим миром начинает разделять не только доходы и культуру, но и возраст: в Европе, Японии и частично Северной Америке средний возраст будет около 60, а у их менее развитых соседей – между 20 и 30 годами... И много есть вопросов, не имеющих ответа, на тему о том, какова может быть жизнь в подобном будущем, поскольку никогда в истории человечества не было общества, где средний возраст равнялся 60, 70 или больше лет»¹⁶. Негативные последствия этого процесса уже сегодня достаточно очевидны.

«Демографический кризис» – другое название для проблемы вырождения. Косвенным указанием на это является то, что евгеника в период своего расцвета именовала себя «качественной демографией», то есть видела одной из своих задач оптимизацию социальной структуры населения. Кроме того, «объективные» данные демографии могут быть использованы различным образом, например для оправдания активной демографической (или евгенической) политики, поощряющей размножение одних групп населения и сдерживающей размножение других. Считается, что крах практических программ расовой гигиены доказал, что людей нельзя делить на ценных и малоценных, достойных участия в воспроизводстве населения и нет. Но реально провал евгеники показал только, что на этом

пути невозможно найти приемлемого политического решения (по крайней мере, средствами «науки») и что существовавшие в прошлом веке методики выявления лиц, подлежащих отстранению от процесса размножения, несовершенно и научно не обоснованы. Однако это нельзя считать доказательством того, что все люди равноценны в духовном и физическом смысле (да это и не так). Тем не менее тема вырождения была изъята из открытого обсуждения и загнана в подсознание, где трансформировалась в представление о низком уровне развития отдельных индивидов, социальных групп, народов и т.д., и о том, что эти категории (судя по представленным выше демографическим сценариям) угрожают благополучию человечества не в меньшей степени, чем «волна идиотизма», захлестнувшая Европу накануне второй мировой войны (выражение доктора Мьюена).

Изменение статуса евгеники выразилось также в том, что современные продолжатели ее дела не занимаются разработкой «практических программ» и открыто не дают «рекомендаций правительствам». Но прогнозируемое ими будущее настолько мало соответствует футуристическому идеалу западной цивилизации (молодое здоровое население, приверженное прогрессу, но хранящее вековые культурные традиции), что подспудно подводят к мысли о необходимости начать проведение активной и грамотной демографической политики. Концепции типа «глубинной экологии» делают это менее явно, но все равно делают (невозможно «думать как гора» в условиях перенаселенного мегаполиса). А концепции «золотого миллиарда» делают это более прямо. Чтобы понять это, достаточно, например, представить, как можно сократить население России до 50 млрд человек. Видимо, придется, в соответствии со старой евгенической практикой, отделять более достойных от достойных в меньшей степени. Причем, поскольку речь идет о 2020 г. (срок менее жизни одного поколения), простым сокращением рождаемости ограничиться не удастся, кого-то придется физически уничтожить. А это выводит из зоны умолчания традиционную евгеническую триаду проблем: как отделить одних людей от других, кто вправе решать этот вопрос и что делать с выбракованными особями.

Разработчики «квот» ничего об этом не говорят, предоставляя решение этих проблем (опять же в соответствии с традицией старой евгеники) государству.

Идея вырождения представлена сегодня и в более традиционной форме, в виде медицинской статистики, которая со времен Н.К.Кольцова и Ю.А.Филипченко стала гораздо более изощренной, но не изменилась по сути. Не подвергая сомнению данные статистики, попробуем выяснить, в какой степени оные являются доказательством процесса вырождения (т.е. наследственного ухудшения здоровья из поколения в поколение).

На первый взгляд ухудшение несомненно имеется. По современным данным сегодня 30% детей страдают близорукостью, 65% школьников имеют существенные отклонения в состоянии здоровья, более 80% призывников не могут выполнять элементарные нормы физической подготовки, более 70% трудового населения на пороге пенсионного возраста страдают от различных органических заболеваний¹⁷. Существенно выросло количество сердечно-сосудистых заболеваний, каждые 15 лет удваивается количество больных сахарным диабетом, выросло число инфекционных заболеваний, вновь заявил о себе туберкулез. Президент РАМН академик В.И.Покровский пишет, например, что «Угрожающие для безопасности государства масштабы начинает приобретать эпидемия ВИЧ/СПИД. На 1 декабря 2003 г. число инфицированных вирусом зарегистрированных лиц достигло 260 тыс. человек. Фактически их около 1 млн 90% из них – молодые люди в возрасте до 30 лет. Учитывая, что от момента заражения до смерти проходит в среднем 11 лет, даже оптимистический прогноз предполагает значительный подъем уровня смертности среди молодых людей в ближайшие годы.... Огромную социальную опасность представляют также вирусные гепатиты, особенно В, С, туберкулез и ряд природно-очаговых заболеваний»¹⁸. Впечатляющая статистика, даже если принимать во внимание, что в большинстве развитых стран мира дело обстоит несколько лучше. Однако, чтобы использовать эти данные для оправдания евгенического вмешательства (генной инженерии), требуется доказать что они являются свидетельством именно вырождения, т.е. генетически обусловленного, прогрессирующего в поколениях ухудшения конституции.

Согласно современным оценкам к наследственным относятся только 2–5% заболеваний (о наследственном характере болезни говорят при четкой зависимости между дефектом одного гена и развитием патологии), остальные связаны с нарушением целого ансамбля генов, а значит, проявление их (или не проявление) зависит от множества индивидуальных факторов¹⁹. Таким образом, хотя ухудшение здоровья населения действительно имеет место, в подавляющем большинстве случаев оно является следствием неправильного образа жизни (снижение физической нагрузки, курение, калорийное питание и т.д.), не передается по наследству и не может рассматриваться как свидетельство вырождения. В.И.Покровский замечает в этой связи: «Как ни парадоксально, существенный вред здоровью и детей и взрослых наносят сами люди, ведя неправильный образ жизни, прежде всего, неправильно питаясь. Структура питания населения страны, которую мы изучаем на основе регулярных эпидемиологических исследований, характеризуется, с одной стороны, избыточной энергоемкостью, избыточным потреблением животных жиров и легко усвояемых углеводов, с другой – глубоким и повсеместным дефицитом микронутриентов: витаминов, минеральных веществ (кальций, железо), микроэлементов (селен, йод, цинк), а также крайне низким потреблением овощей и фруктов, недостаточным уровнем обеспеченности такими жизненно важными биологически активными веществами антиоксидантной природы, как флавоноиды, индолы и др. Важно подчеркнуть, что характер и степень нарушений питания в значительной степени зависят от уровня доходов и существенно различаются у бедных (менее 50% потребительского минимума) и обеспеченных (более 500% потребительского минимума). Выявленные «нарушения» отнимают здоровье и у тех, и у других»²⁰.

К выводу о негенетическом характере сердечно-сосудистых заболеваний приходит академик Д.С.Львов, открыватель феномена «сверхсмертности» среди населения России. Он пишет, что «причина смертности от сердечно-сосудистых заболеваний «лежит не внутри, а вовне человека», т.е. в значительной степени определяется экзогенными факторами, стоящими на стороне социальной нестабильности в экономике и обществе. Иначе

говоря, решающий «вклад» в летальный исход от сердечно-сосудистых заболеваний вносит не внутренний генный фактор, а социально-психологический феномен»²¹. Косвенным подтверждением вывода об ухудшении социальных условий является и рост инфекционных заболеваний.

Отдельной темой, муссируемой сторонниками теории вырождения, является рост психических патологий и снижение умственных способностей подрастающего поколения. Как показывает современная статистика, количество интернатов для детей с синдромом Дауна удваивается каждые несколько лет, а данные по олигофрении (психическое отклонение с более размытой симптоматикой) пугают еще больше (по некоторым оценкам – 30% населения сегодня и 60% – в ближайшем будущем). Можно ли рассматривать эти данные как доказательство вырождения человечества, учитывая, что по современным представлениям от 60% до 70% дисперсии интеллекта вызвано генами (Р.Левонтин указывает цифру 80%). Представление о росте числа лиц со сниженным интеллектом в значительной мере обязано своим существованием популяризации тестов IQ, благодаря чему в поле зрения статистики попадают отклонения от нормы, на которые ранее не обращали внимания, вследствие того, что большинство олигофренов, например, удовлетворительно или даже хорошо адаптируется в обществе. Тест IQ впервые был разработан во Франции в 1903 г. Альфредом Бине. Сегодня его значение (и применение) возросло стократно, поскольку во многих странах от места индивида на кривой нормального распределения интеллекта реально зависит его жизнь – от дошкольного учреждения до приема на работу. Между тем, как замечает Р.Левонтин, «мы фактически не знаем, существует ли нормальное распределение врожденного «интеллекта», потому что неизвестно, как это таинственное качество можно определить»²². Дело доходит до курьезов, например, некий педагог пишет, что интеллект это то, что измеряется тестом IQ. В свете данной неопределенности удивляют существующие оценки генетической обусловленности дисперсии интеллекта (они были приведены выше). поголовное ген-скринирование населения (которое могло бы дать материал для оценки вырождения, в том числе и когнитивного) остается проектом, далеким от заверше-

ния даже в наиболее развитых странах мира. Кроме того, как замечает Ф.Фукуяма, «Просто идентифицировать гены в геноме — еще не значит знать, что они делают. За последние 20 лет достигнут большой прогресс в поиске генов, связанных с муковисцидозом, серповидноклеточной анемией, хореей Гентингтона, болезнью Тея-Сакса и так далее. Но это все в некотором смысле простые нарушения, в которых патологию можно проследить до неверной аллели... Когда же дело доходит до состояний и поведения более высокого порядка, таких как интеллект, агрессия, сексуальность и прочее, то сегодня мы знаем лишь по исследованиям генетики поведения, что какие-то генетические причины здесь действуют. Но мы понятия не имеем, какие гены в конечном счете за что отвечают, и подозреваем, что причинно-следственные связи здесь невероятно сложны»²³.

Источником представлений о вырождении человечества являются также данные экологических мониторингов, показывающие возросшее давление не только человеческого фактора на окружающую среду, но и обратное воздействие изменившейся среды на суммарный генофонд человечества. Радиационное и химическое загрязнение способны непосредственно воздействовать на формирующийся организм. Под давлением этих факторов возрастает генетический груз. Этот факт можно считать доказанным не только на интуитивном уровне (количество новорожденных с дефектами за последние десятилетия возросло в несколько раз), хотя точность оценки именно генетического груза опять же вызывает сомнения: не проводя поголового скриннинга младенцев, невозможно отделить тератогенные патологии от врожденных, генетически обусловленных.

Генетическая опасность факторов окружающей среды возрастает в результате человеческой деятельности, что порождает совершенно новый круг проблем, с которыми людям прошлого не приходилось иметь дела. С точки зрения проблемы вырождения суть их сводится к тому, что развитие новых технологий, необходимых для обеспечения выживания все возрастающего населения земного шара, одновременно разрушает ту среду обитания, которая является наиболее органичной для человечества как биологического вида. Иначе дилемму можно сформулировать так: либо мы выживаем, но вырождаемся, либо

сохраняем прежний стандарт здоровья, но при этом жертвуем значительной частью населения земли, обрекая его на голод и низкий уровень жизни вследствие нехватки энергии (теории «золотого миллиарда» ориентированы на второй сценарий).

Норвежский эколог П.Офтедал указывает также на противоречие в мотивации и интересах представителей различных слоев общества, возникающих при оценке данной проблемы: «В настоящее время предмет нашего рассмотрения представляет очень большой интерес и включает ряд фундаментальных областей науки. Однако следует иметь в виду, что его значение определяется целым рядом привходящих моментов. К числу основных относятся следующие: как получать энергию без сопутствующих вредных выбросов, как уничтожить вредителей, не уничтожая людей, как создавать приемлемые условия жизни для всех, не используя при этом различные потенциально опасные материалы. Значение этих проблем определяется их социальными, экономическими и политическими аспектами... На уровне перехода от фактов к мероприятиям происходит смена критериев, применяемых для оценки научной деятельности, на совокупность критериев, пригодных для оценки деятельности общества. Оба набора критериев равноценны, их взаимосвязь полностью не исключается, однако различия между ними очень велики. Научные результаты оцениваются по таким критериям, как новизна и воспроизводимость. Они носят положительный и конкретный характер в противоположность критериям, приложимым к юридическим законам, которые определяются скорее традицией, чем стремлением к новизне, носят общий, а не конкретный характер. Возраст имеет большое значение: науку делают молодые, законы устанавливают старики»²⁴. Эти противоречия дают о себе знать во время принятия решений относительно допустимости разработки и внедрения новейших технологий, в том числе геномных.

В последнее время весьма привлекательной стала тема геномодифицированных продуктов, видимо способных влиять на человеческий геном, непосредственно встраивая в него инородные элементы (по крайней мере, таков подтекст многочисленных панических заявлений). В частности, группа врачей, в число которых вошли и российские, обратилась к правительствам

с требованием запретить «пищу Франкенштейна». Возможно, генетически модифицированная пища действительно вредит здоровью, но в данном случае группа врачей выступила выразителем обыденных представлений, отмеченных *безотчетным* страхом и брезгливостью в отношении новой пищи (например, помидоров с генами свиньи или земляники с генами рыбы северных пород). Не следует забывать, однако, что все живое на земле состоит из весьма ограниченного набора стандартных элементов (20 аминокислот, 4 (+1) нуклеотида), помимо этого пища в организме подвергается сложной обработке, ферментации, разложению на составляющие элементы, и далеко не всякому образованию удастся преодолеть кишечный и клеточный барьер. И совсем мало вероятно, что модифицированный ген в неизменном виде достигнет клеток зародышевого пути и будет встроен в ДНК организма (барьер Вейсмана). Современных данных совершенно недостаточно для того, чтобы делать на их основе выводы о влиянии модифицированных продуктов на генофонд и о вырождении, грозящем человечеству с этой стороны. Результаты негативного влияния, если они реально имеют место быть, можно будет выявить только через поколение, посредством сложного анализа, позволяющего отделить действие других факторов изменившейся среды обитания. Например, рост заболеваемости раком молочной железы может быть следствием не употребления в пищу соевых продуктов, а возросшего курения, алкоголизма, обычая проводить отпуск в жарких странах, увеличения возраста «первородок» и т.д.

Подводя итог, можно сказать, что перечисленные примеры ухудшения здоровья и вырождения (данные демографии, отмечающие перенаселенность, старение населения в развитых странах, медицинская статистика, когнитивные исследования, результаты экологического мониторинга) дают серьезный повод для продвижения евгенической политики. Но одновременно нельзя не заметить, что, хотя эти процессы чреваты многочисленными социальными проблемами, причины их носят явно негенетический характер, поэтому они не могут рассматриваться как результат вырождения человечества в целом. Что же касается опасений западных футурологов относительно разруше-

ния традиционной структуры общества, то они вполне оправданы, но опять же не являются свидетельством вырождения. Скорее следует говорить о смене «исторических» народов, но этот процесс шел всегда, обуславливая смену цивилизаций (общественно-исторический прогресс). Кроме того, продление человеческой жизни (одна из главных задач, декларируемых как генной инженерией, так и обычной медициной), учитывая конечность сырьевых ресурсов земли и ограниченность ее площади, должно усугубить перенаселенность, повысить потребление генномодифицированных продуктов, привести к сокращению природных биоценозов и т.п. Таким образом, получается, что голод, многократное повышение плотности населения (эпидемии) со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями имплицитно включены во всякий евгенический проект либералистского толка.

Перечисленные соображения позволяют заключить, что современные представления о вырождении человечества в значительной мере остаются интуитивными и являются следствием совершенствования статистических методов. Это не означает, что вырождения нет, просто на сегодняшний день оно не может считаться безусловно доказанным. С другой стороны, сами евгенические мероприятия способны спровоцировать вырождение (сокращение генетического разнообразия) и в любом случае приведут к ухудшению демографического профиля человечества и обострению социальных конфликтов.

Примечания

- ¹ *Штхер Г.Г.* Вырождение и евгеника. М.–Л., 1927. С. 10.
- ² Там же. С. 5.
- ³ *Филипченко Ю.А.* Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924. С. 149.
- ⁴ Там же. С. 153.
- ⁵ *Кольцов Н.К.* Улучшение человеческой породы (речь в годичном заседании Русского Евгенического об-ва от 20 окт. 1921 г.) // Русский евгенический журнал. Т. 1. Вып. 1. 1922. С. 20.
- ⁶ *Филипченко Ю.А.* Цит. соч. С. 145.

- 7 **Вольтман Л.** Политическая антропология: исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. М., 2002 (Репринтное изд. СПб., 1905). С. 239.
- 8 **Филипченко Ю.А.** Цит. соч. С. 146.
- 9 **Вольтман Л.** Цит. соч. С. 238.
- 10 **Бумке О.** Культура и вырождение. Л., 1926. С. 8–9.
- 11 Там же. С. 17.
- 12 **Чайковский Ю.В.** Эволюция. М., 2003. С. 82.
- 13 **Капица С.П.** Российский анти-Мальтус // Вестн. РАН. 2000. № 6.
- 14 **Чайковский Ю.В.** Цит. соч. С. 83.
- 15 **Назаретян А.П.** Демографическая утопия «устойчивого развития» // Экология и жизнь. 2002. № 4 (27). С. 15.
- 16 **Фукуяма Ф.** Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 93, 105.
- 17 **Шевченко Ю.А.** Здоровье населения России // Наука – здоровью человека. М., 2005. С. 16.
- 18 **Покровский В.И.** Медицинская наука – здоровью человека и общества // Там же. С. 27.
- 19 **Арчаков А.И.** Постгеномные технологии и молекулярная медицина // Там же. С. 70.
- 20 **Покровский В.И.** Медицинская наука – здоровью человека и общества. С. 27.
- 21 **Львов Д.С.** Феномен сверхсмертности, неизвестный современной науке // Наука – здоровью человека. М., 2005. С. 140.
- 22 **Левонтин Р.** Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М., 1993. С. 118.
- 23 **Фукуяма Ф.** Цит. соч. С. 110–111.
- 24 **Оффедал П.** Проблема генетической опасности факторов окружающей среды // Генетика и благосостояние человечества. Труды XIX Междунар. генет. конгр. М., 1981. С. 93–94.

Е.Н. Гнатик

Проблемы ценности жизни и здоровья человека в свете перспектив генетической инженерии

Проблема человека и его здоровья на рубеже третьего тысячелетия приобрела особую научную и аксиологическую актуальность. Здоровье является гуманитарной ценностью само по себе, кроме того, оно представляет собой необходимое условие для возможности реализации ценностей более высокого порядка.

В настоящее время проблему здорового человека следует рассматривать как глобальную проблему. Как известно, тысячелетнее развитие практики и познания широко раздвинуло горизонты человеческого воздействия на природу. Но оказалось, что такие горизонты не безбрежны, и существуют границы, выход за которые ставит цивилизацию на грань существования. Становление и развитие техногенного мира характеризуется не только глобализацией социума, но и столь существенной трансформацией биосферы и человека, что это приводит к деформации и уничтожению прежних биосферных форм жизни, природы и человека. Речь идет в первую очередь о глубинных экотехнологических переменах в мире под воздействием достижений научно-технической революции, а также многих других факторах, вызывающих негативные социальные и экологические последствия. Повышение уровня радиации, экологические яды, мутагены и канцерогены в окружающей среде — все эти и другие факторы способствуют накоплению вредных мутаций и, как следствие, ухудшению здоровья, раз-

личным психическим отклонениям, патологиям. Развитие радио- и телекоммуникаций, улучшение инфраструктуры мест обитания человека (например, развитие сети дорог), связанные с научно-техническим прогрессом, приводят к изменению брачной практики, распадам ранее изолированных популяций, существенным изменениям миграционных тенденций населения, что обуславливает значительное перераспределение генов (в том числе и патологических) и, следовательно, приводит к существенному изменению частоты наследственных и ненаследственных заболеваний в популяциях человека¹. Полноценное существование человека, обеспечение его здоровья и максимальной продолжительности жизни оказываются под угрозой.

С особенной остротой данная проблема звучит в нашей стране. Выдвижение проблемы здоровья в ряд приоритетных задач общественного развития обуславливает актуальность теоретической и практической разработки данной проблемы, необходимость развертывания соответствующих научных исследований и выработку методических и организационных подходов к сохранению здоровья, его формированию и развитию. Наряду с тематикой индивидуального и общественного здоровья на одно из центральных мест в повестке дня современного человечества выходит проблема сохранения человеческой личности, сохранения человека как биосоциальной структуры. Эту глобальную проблему иногда обозначают как современный антропологический кризис.

На рубеже третьего тысячелетия научные исследования все интенсивнее направляются на познание возможностей человека и разработку самых разных способов воздействия на него. Особая роль здесь принадлежит молекулярной антропогенетике. Именно благодаря развитию молекулярной антропогенетики и генетической инженерии проблема человека, его сущности и существования, его природы и предназначения, его настоящего и исторического будущего становится особенно актуальной. А задача всестороннего развития человека, совершенствования его духовных и физических качеств, его нравственности и культуры приобретает практический характер. Успешное решение этой задачи становится одним из главных условий дальнейшего развития человечества, его выхода из глобального кризиса.

Человек — творец истории и сам является продуктом социально-исторического процесса. До сих пор создание человека историей осуществлялось в границах духовных черт личности. Но, похоже, в начале XXI в. перед историей открываются иные перспективы — создание новой биологической основы субъекта исторического процесса. Такие перспективы открываются в связи с выдающимися достижениями современной молекулярной биологии, антропогенетики, генетической инженерии и особенно с возможностями модификации биологических основ человека. Таким образом, впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности; той основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом биоэволюции, насчитывающей миллионы лет, и которую начинает активно трансформировать современный техногенный мир.

Генетические технологии в применении к человеку породили весьма непростые и пока далекие от приемлемого всеми решения вопросы, главный из которых звучит так: к чему может привести бурное развитие геной инженерии и, в особенности, бесконтрольные манипуляции с генами? Существует множество реальных и гипотетических факторов, представляющих опасность развитию человечества. Актуальной задачей на современном этапе является установление реальных пределов использования научно-технических возможностей генетической инженерии. Причем такие решения должны быть всесторонне взвешенными, а любые возражения против научного прогресса должны учитывать неоспоримый факт его положительных перспектив.

Необходимо подчеркнуть, что значение достижений антропогенетики и генетической инженерии выходит далеко за рамки лишь области научно-познавательной деятельности. Благодаря постоянно усиливающейся социальной ориентации биологии антропогенетика выходит в область практической дея-

тельности людей, интенсифицируется процесс превращения ее в непосредственную производительную силу общества. Связи и отношения антропогенетики с практической деятельностью становятся все более тесными и многосторонними. Более того, реальная возможность практической модификации генетических основ человека может привести к изменению самого способа бытия человека в мире.

И, действительно, есть достаточные основания для утверждения о том, что по сути может измениться способ бытия человека в мире. Становится вполне реальным наступление эры покорения человеком самого себя. Если неолитическая революция, определившая возникновение цивилизации, привела к переходу от присваивающей экономики к производящей и поставила человека в позицию активного отношения к природной среде, оставляя при этом биологическую природу самого человека за границами такой активности, то в настоящее время наступает такой переломный период в развитии общества, когда предметом преобразующей активности человека становится его собственная природа. Другими словами, объектом целенаправленного преобразования становится не внешняя человеку природа, а его собственная природа, природно-биологические основания его жизнедеятельности. Или, что то же самое, по отношению к самому человеку складывается тот тип управления, который ранее применялся только по отношению к природным вещам, предметам, системам.

Это конкретно проявляется в целом ряде новых направлений генетической инженерии. Например, применение преимплантационной диагностики и проведение исследований эмбриональных стволовых клеток прокладывают прямой путь к превращению в привычные и обыденные манипуляции, связанные с корректировкой и овеществлением жизни человека до его рождения. Ведь после проведенной преимплантационной диагностики родители оказываются перед выбором: принять решение либо о дальнейшем развитии, либо об элиминировании эмбриона. Здесь явно просматривается «интенция к улучшению», а именно преднамеренная селекция с целью генетического оптимизирования: ребенок может родиться на свет лишь в том случае, если он соответствует определенным удов-

летворяющим родителей параметрам качества. В случае проектирования ребенка не только те или иные черты, но и сам ребенок как таковой уже является сотворенным, «сделанным» родителями не просто в генетическом или социопсихологическом, но и в технологическом смысле. В данном случае будущий человек может восприниматься другими как достаточно произвольно конструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько реализацией человеческого замысла. Иначе говоря, родители, желающие иметь ребенка «в улучшенном варианте», на самом деле получают не просто своего собственного уникального ребенка, а некоторый продукт биотехнологических манипуляций.

Преимплантационная диагностика направлена на искусственный отбор более здорового эмбриона, а потому очевидным является то, что она руководствуется теми же мотивами, что и евгеническая практика. Ученый, превращаясь если не в Демиурга, то в соавтора чужой жизни, принимает селекционное решение, ориентирующееся на желательное с его точки зрения строение генома. В данном случае можно говорить об исходном подчинении эмбриона власти другого человека. В какой степени это согласуется с достоинством человеческой жизни? Субъект становится объектом и по сути вещью, которая создается в самом непосредственном смысле («овеществление эмбриона») другим субъектом. Кардинально изменяется тип межличностного общения, что с неизбежностью приведет и к кардинальному изменению типа общественных отношений, включая сюда экономические, социально-политические, культурные отношения.

Более того, манипуляции с генетическим материалом связаны с появлением новых рычагов управления и власти над человеческой жизнью и, следовательно, с новым набором средств ограничения человеческой свободы. Однако очевидным представляется то, что биологическое ограничение свободы — это наиболее эффективное ее ограничение, связанное с возможностью ее необратимой утраты². Особый драматизм (а скорее — трагизм) ситуации придает то обстоятельство, что зависимость программируемого субъекта от своих «проектировщиков» и «заказчиков» носит необратимый характер. В данном случае вза-

имные отношения между врачом и пациентом напоминают модель сакрального типа (термин Р.Н. Вильсона)³, т.е. патерналистскую модель: моральный авторитет врача осуществляет мощный прессинг на пациента, подавляя его свободу и достоинство. Эта модель полностью освобождает пациента от моральной ответственности. В ходе биотехнологического программирования ученый, планирующий наследственную программу, выступает в роли «генетического дизайнера» и «в одностороннем порядке распоряжается генофондом другого человека, по-патерналистски задавая в отношении зависимой от него личности направление развития, релевантное на протяжении всей истории ее жизни»⁴. Последствия необратимы, поскольку вмешательство осуществляется в генетическую программу, изменить которую будет нереально.

Таким образом, попытка решения проблемы физического и психического здоровья человека биоинженерными методами может спровоцировать новые, весьма серьезные проблемы, проблемы деформации способа бытия человека в мире. Представляется вполне реальным, что смена способа бытия человека в мире неизбежно повлечет за собой качественные изменения в системе сознания. Другими словами, геновая инженерия человека, создавая средства, позволяющие вторгаться извне в человеческую природу и господствовать над ней, кардинально меняет фундаментальное отношение субъекта и объекта, которое задают основополагающие установки и ценности сознания. Фактически может исчезнуть представление о субъекте, обладающем свободой воли, свободой самому определять свою судьбу. Попробуем более конкретно охарактеризовать возможные качественные изменения сознания, вызванные достижениями генетической инженерии.

Как известно, в настоящее время существует несколько фундаментальных, различающихся между собой концепций сознания⁵. Мы подойдем к этой проблеме с позиций того, что сознание является формой отражения действительности активно действующим исторически развивающимся субъектом; носителем сознания является высокоорганизованная материя мозга; сознание всегда есть некий образ действительности. При этом любой образ как продукт сознания включает в себе двой

ственное отношение: 1) к отображаемому предмету; 2) к субъекту и условиям отражения. Первое отношение представлено знанием (объективированные в словах, знаках, навыках, схемах и других формах обобщенные элементы сознания, благодаря которым различаются предметы материального мира, сам человек, объекты культуры). Знание — основа, стержень сознания. Но сознание не сводится только к знанию. Кроме знания, сознание содержит еще и отношение к субъекту и условиям отражения, к потребностям, интересам, мотивам и целям деятельности. Оно выражается через эмоционально-волевою, аффективную сферу переживания и воплощается в системе смыслов, ценностей, оценок, самооценок, самоощущения и др. Таким образом, сознание наряду с познавательной сферой (знания) содержит и сферу ценностей с ее аффективно-эмоциональной составляющей. Когнитивное и ценностное в сознании теснейшим образом связаны и взаимно определяют друг друга. При этом следует иметь в виду, что свой духовный мир человек ощущает в первую очередь через аффективно-эмоциональную, ценностную сторону сознания, а затем уже через когнитивную сферу сознания. Но именно аффективно-чувственная, эмоциональная сторона в большей степени может быть трансформирована в постцивилизационном сознании.

Какие же качественные изменения в когнитивной и ценностной сферах сознания могут произойти (или неизбежно произойдут) в постцивилизационном сознании? Сначала об изменениях в когнитивной сфере сознания. Эти изменения связаны прежде всего с достижениями антропогенетики и генетической инженерии. Они состоят в познании глубинных закономерных связей между генами и структурными особенностями мозга человека, которые пока еще исследованы крайне недостаточно, а также в разработке средств целенаправленного воздействия на эти закономерные связи. Пока еще этот объект (закономерные связи «гены—мозг») изучается преимущественно эмпирически, а значит, часто стихийно, на основе случайных поисковых ассоциаций, временных обобщений и др. Перспективы активного вмешательства в деятельность мозга с целью его реконструкции и создания «сверхчеловека» представляются пока весьма отдаленными.

Вместе с тем вся система антропогенетических знаний и средств генетической инженерии существует не сама по себе, а в свою очередь включена в широкий смысловой контекст, который формируется во взаимодействии когнитивных и ценностных функционалов сознания в конкретной социально-культурной обстановке. На наш взгляд, главным смыслом здесь должно являться сохранение человеческой индивидуальности, свободы и прав человека. Это касается не только различных манипуляций с эмбрионами, но и воздействия на мозг и психику человека, его сознание и поведение, что может привести к «кризису идентичности»⁶, утрате человеком представления о своем месте в мире, в обществе, о самоценности собственной личности. Более того, как остроумно заметил Ж.Лежен, «чтобы создать более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем мы можем быть»⁷. По его мнению, невозможно «с помощью трюков геной инженерии» создать «суперчеловечество». Вместе с тем, безусловно, нельзя абсолютно отбрасывать саму идею воздействия на мозг и психику человека в благотворном для него направлении. Отрицание ее также недопустимо, как и отсутствие социальной ответственности в данном вопросе. Однако научные возможности и, главное, последствия генетического вмешательства на сегодняшний день окончательно не ясны. А потому представляется, что подобные манипуляции допустимы только в исключительных случаях, при особых хронических заболеваниях, когда риск терапии меньше риска последствий самой болезни.

Есть еще один аспект во взаимосвязи проблемы здоровья и перспектив генетической инженерии. Вне всякого сомнения, в иерархии ценностей весьма высокий ранг занимает ценность индивидуальной человеческой жизни и человеческого здоровья. Здоровье человека выступает как одна из важнейших составляющих человеческого потенциала, сохранение, развитие и реализация которого должны рассматриваться как главный ориентир и вместе с тем как важнейший показатель развития общества⁸. Значительный акцент на здоровом образе жизни указывает на то, что сегодня, как никогда ранее, человек приближается к тому, чтобы стать властелином своего здоровья. Возможность контролировать свое здоровье позволяет людям

все в большей степени воспринимать себя как существ автономных, самодостаточных и свободных. Вместе с тем открывающиеся сегодня человеку широкие перспективы стать хозяином своего здоровья могут обернуться и своей противоположностью, когда забота о собственном здоровье может существенно изменить, если не поработить, индивидуума, то есть может оказаться не «здоровье для человека», а наоборот — «человек для здоровья»⁹. Возможно, это — один из нежелательных моментов, которые несет с собой тенденция восприятия здоровья как высшей ценности. Так уже сегодня намечается тенденция сводить цели биомедицины к «чисто утилитарным», т.е. сужать сложное разнообразие природы человека до нескольких простых категорий, таких как самостоятельность, боль или удовольствие¹⁰.

В настоящее время становится все более бесспорным, что вопросы здоровья человека не могут рассматриваться вне пути его духовного становления. Существует органическая связь физического здоровья со здоровьем духовно-психическим, а последнего — с ценностно-целевым и ценностно-смысловыми характеристиками. Психическое здоровье человека связано с его духовной самореализацией, которая в свою очередь невозможна вне ценностных ориентаций, мировоззрения, смысла жизни. Духовное богатство личности и ее нравственное совершенство существенно влияют на физическое и психическое здоровье человека.

Сегодня необходим акцент на здоровье как целостной научно-естественной и гуманитарной ценности; здоровье — не просто нормальное биофизиологическое состояние, но и проявление высокой духовности. Это сознательное соотнесение природных условий жизни с ее гуманитарным фактором, раскрывающим и развивающим творческие способности личности и побуждающим ее к саморазвитию и самосовершенствованию, к активной интеллектуальной, творческой и созидательной жизнедеятельности.

К задаче минимизации страданий вряд ли можно относиться однозначно. Вследствие биотехнологической экспансии, основной мишенью которой как раз и является сведение боли и страданий человека к минимуму, а в идеале — полное избавление от них, сложность и индивидуальность человеческой на

туры могут оказаться под угрозой деформации. С одной стороны, бесспорно: боль, немощность, страдания являются серьезной проблемой, требующей своего решения. Однако в видении целью только лишь освобождение от физических недугов и мучений, в стремлении к этой цели как к высшей (оставляя позади все остальные) усматривается упрощение высокого предназначения человека. Наш эмоциональный мир станет куда более бедным, примитивным, если мы перестанем испытывать такие эмоции, как милосердие, терпимость, сострадание, сочувствие, солидарность и т.п. Кроме того, преодоление собственного психического или физического недостатка силой духа всегда имеет большое положительное значение для самой личности и для всего окружающего мира. Д. фон Энгельгардт справедливо замечает: «Существуют разумные основания считать, что здоровье может рассматриваться и как способность переносить травмы, физические недостатки и приближение смерти и успешно интегрировать все это в свою жизнь»¹¹. Таким образом, изменение способа бытия человека в мире является одной из важнейших проблем, становящихся преградой на пути практического применения методов генетической инженерии человека.

Прогресс биологии и медицины не может не оказывать существенное влияние на мироощущение, самоидентификацию и моральное самосознание. В медицине XXI в., активно использующей достижения антропогенетики, речь идет уже не только о помощи больному, но и о возможностях управления процессами патологии, зачатия и умирания с весьма проблематичными «физическими» и духовными, нравственными последствиями. Размах биотехнологического вмешательства не только поднимает непростые и неоднозначные этические проблемы, наподобие тех, что возникали ранее с другими технологиями, но ставит вопросы иные, гораздо более глубокие. Ответы на них касаются мировоззренческого и этического представления человечества о себе самом. Наибольшую тревогу вызывают нынешние и грядущие достижения биотехнологий, главным образом в таких областях, как преимплантационная и пренатальная диагностика, лекарственная терапия и искусственное воспроизводство человеческих существ (клонирование индивидуальных копий).

Широкое практическое применение методов генетической инженерии может привести к тому, что процессы самоидентификации личности, включающие в себя представления о моральном статусе человека, могут существенно измениться, причем именно в худшую сторону. Прежде всего это может проявиться в том, что генетически спроектированные индивидуумы будут ограничены в своей свободе: возможно, они уже не будут в состоянии рассматривать себя как абсолютных и единственных авторов своей судьбы. Как известно, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, но вместе с тем человек должен иметь возможность быть свободным от отдельных лиц или их групп. Однако генетическая инженерия человека приводит к тому, что власть над жизнью и судьбой человека будет принадлежать не ему самому, а совсем другому лицу (группе лиц), которые волевым образом односторонне распорядились его генофондом. В работах ряда современных западных философов (Ю.Хабермаса, Ф.Фукуямы и др.) высказывается серьезная озабоченность тем, что наряду с возникновением биологически запрограммированного неравенства людей, возникает принципиальное и необратимое ограничение их свободы. Тем самым генетическая инженерия человека становится решающим средством ограничения человеческой свободы, ведя к принципиальной утрате человеком даже иллюзий свободы. Ведь «запрограммированная личность» необратимо зависит от «генетического дизайнера». На этом лице (этих лицах) лежит колоссальная ответственность за судьбу человека. Развитие биотехнологии может привести к тому, что у «запрограммированной личности» будут отсутствовать даже самые минимальные возможности влияния на направленность развития своей личности, в конце концов на свою жизненную судьбу.

Из этого, в свою очередь, следует возможность возникновения совершенно новых, по сути беспрецедентных моральных отношений. В частности, в отношениях между поколениями может исчезнуть та грань, за которой человек, становясь взрослым, становится независимым от своих родителей. Но без этой независимости не может появиться взаимное признание, уважение и взаимная ответственность. Таким образом, вполне реально возникновение проблемы обесценивания личности че-

рез вмешательство в геном оплодотворенной клетки. Человек, подвергшийся такой манипуляции, может ощущать свою определенную ущербность, ущербность «морального самопонимания»¹². Ребенок, изначально лишенный альтернативы и заключенный в спроектированной кем-то телесной оболочке, когда станет взрослым, потребует отчета от создателей своего генома и перенесет на них ответственность за свою судьбу. Как справедливо считает Ю.Хабермас, «нельзя исключить то, что знание о евгеническом программировании своего генофонда ограничит автономную организацию отдельным человеком своей жизни, подорвет принципиально симметричные отношения между свободными и равными личностями»¹³.

Современные биотехнологии, с одной стороны, обещают колоссальные потенциальные выгоды для здоровья, но, с другой стороны, представляют собой угрозу в виде возможности модификации природы человека, его эмоционального мира. Необходимо давать себе отчет в том, что вмешательство в человеческую телесность вообще и попытки целенаправленного изменения сферы эмоций в особенности, даже при самых слабых изменениях могут привести к абсолютно непредсказуемым последствиям. Поэтому общество должно своевременно и адекватно реагировать на разработку подобных технологических новшеств. Предыдущий опыт человечества показывает, что к новым достижениям нужно относиться с осторожностью и внедрять их постепенно, учитывая все возможные последствия.

Безусловно, цели, стоящие перед генетической инженерией человека, благородны. Это стремление создать все условия для более качественного здравоохранения, продления активной жизни, освобождения человека от тяжких недугов, в том числе нейродегенеративных, и даже попытка создания более высокого уровня интеллекта. Вместе с тем современные генетические технологии позволяют манипулировать началом человеческой жизни, превращать это начало из естественного события в событие преднамеренно организуемое, реконструируемое¹⁴. Если к этому добавить существующую уже в определенной степени «социальную конструируемость» границ между здоровьем и болезнью, то таким образом получается, что научно-технический прогресс способствует тому, что не только процессы

прихода в этот мир и ухода из него, но и вся человеческая жизнь в существенной мере может быть представлена как социальная конструкция. Технологии направленного вмешательства создают потенциальную возможность формировать и модифицировать человеческую жизнь по чьему-либо усмотрению, в котором не могут быть учтены все возможные в будущем конфигурации жизненных обстоятельств индивида.

Таким образом современные подходы в оценке перспектив генетической инженерии обычно делают акцент на конкретных телесных «деталях» индивида, оставляя в стороне более глубокие уровни человеческого существования, всю противоречивость, сложность и индивидуальность внутреннего эмоционального мира человека. Здесь просматривается стремление разрешить инженерными средствами такие проблемы человека, которые не имеют технологического, инженерного решения. В связи с этим особую важность приобретает вопрос об этическом кодексе ученых-исследователей, врачей, а также о моральной ответственности пациентов за согласие по поводу принятия той или иной методики лечения. Прогресс медицины подчас ведет к возникновению таких ситуаций, когда становится весьма непросто провести грань между тем, что действительно направлено на сохранение или восстановление здоровья, и тем, что диктуется экстремедицинскими соображениями. Нравственные убеждения людей остаются сегодня одним из основных способов защиты общества от потенциальных разрушительных последствий использования новых биомедицинских технологий.

Еще раз подчеркнем, что в случае успешной разработки технологии вмешательства в человеческий геном общество может столкнуться с проблемой самотрансформации человека как вида. Может подвергнуться деформации эмоциональный мир человека и вся человеческая природа, то есть то, что «дает нам чувство морали, обеспечивает нам социальные навыки, необходимые для жизни в обществе, и служит основой более изощренных философских дискуссий о правах, справедливости и морали»¹⁵.

Это значит, что в современном техногенном мире проблема сохранения личности, эмоционального мира человека приобретает совершенно новое измерение. Генетические технологии, ориентированные на разработку терапии болезней чело-

века на молекулярном уровне, а также нацеленные на изменение характерных признаков человеческой телесности, могут привести к трансформации базовых человеческих ценностей. Вмешательство в геном означает обретение власти человеком над собственной природой. А это, в свою очередь, может привести к ухудшению духовного здоровья, а именно к изменениям основ нравственности и морали. Тенденции развития генетических технологий существенно деформируют процесс самоидентификации (и личности, и коллективов, и социальных групп, и всего общества), образ, созданный нами о самих себе, о том, чем именно мы отличаемся от других живых существ. Надо отдавать себе отчет в том, что с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован, глубоко связана вся человеческая культура. Это значит, что внедрение методов генетической инженерии человека окажет существенное влияние в том числе и на представления о человеческом достоинстве, на личностную и социальную самоидентификацию, на право на частную жизнь и автономию личности, вызовет деформацию родственных отношений, представлений о справедливости и др.

Уже сейчас достаточно остро звучит проблема применения для терапии различных болезней лекарств, воздействующих на психоэмоциональное состояние человека. Иначе говоря, проблемы модификации психики и социального поведения становятся весьма актуальными. Первые методы модификации сознания с помощью токсико-наркотических составляющих растительного происхождения (мухоморы, курение) и употребления различных содержащих алкоголь субстратов появились еще в глубокой древности. Эти способы временной психостимуляции оказались столь «удачными», что подавляющая часть человечества, как известно, в настоящее время подвержена тем или иным типам «маний» (алкоголь, кофе, табак, наркотики и пр.). Усиливающиеся психические нагрузки, с которыми все чаще сталкивается человек в современном сложном мире, вызывают накопление отрицательных эмоций и порой становятся поводом для применения искусственных средств снятия напряжения и изменения психоэмоционального состояния человека. Сегодня мы являемся сви-

детелями процесса интенсивного распространения как традиционных (транквилизаторы, наркотики), так и новаторских средств модификации психики.

Современные исследования мозга обнаруживают структуры, воздействие на которые может изменять эмоциональные состояния человека, порождать галлюцинации, вызвать отчетливые картины прошлого, которые переживаются как настоящие, и т.п. Не заставили себя долго ждать добровольцы, практикующие методику экспериментов в этой области: вживляют, например, в мозг десятки электродов, которые позволяют слабым электрическим раздражением вызывать необычные психические состояния, устранять сонливость, получать ощущения бодрости и т.п. Однако возникает вопрос: следует ли преодолевать агрессию человека средствами «электронного умиротворения» определенных частей мозга? Следует ли создавать ощущение счастья или, по крайней мере, удовольствия путем стимулирования центров наслаждения? Перечень вопросов можно продолжать, но главный из них, как представляется, может звучать так: нужно ли изменять внутренний эмоциональный мир человека и что за этим может последовать?

Генетическая инженерия открывает новые возможности манипуляций психикой человека путем воздействия на его мозг. Смешение благотворных и чреватых опасностью возможностей в этой области очевидно. Вместе с тем провести между ними четкую грань не так-то легко. Освобождение душевнобольных от мучительных для них симптомов — дело благотворное. Однако от помощи, приносимой отдельному больному, может быть сделан незаметный переход к облегчению общества от тягот, связанных с нежелательным поведением его членов. Иначе говоря, очень легко может быть сделан переход от медицинских к общественным (и не обязательно гуманным) приложениям. А это открывает возможности, внушающие различного рода опасения.

Возможно, что биотехнологи будут стремиться «улучшить природу человека», подавляя «плохие» эмоции (агрессивность, угнетенность, несговорчивость и т.п.), считая, что ученые знают точно и безоговорочно, какие эмоции «хорошие», а какие «плохие». Помимо деформации личности возможно возникно-

вание и других проблем. Достаточно реалистичной представляется, например, ситуация, когда предприятия могут проявить интерес к таким технологиям для повышения производительности труда своих работников. А отсюда уже не далеко до постановки целей социальной манипуляции. Таким образом, существует опасность сделать шаг в направлении от ответственного, обладающего свободой воли субъекта к системам запрограммированного извне поведения личности. Например, если специалисты научатся корректировать поведение человека при наследственно обусловленном слабоумии, то, очевидно, в их руках могут оказаться методы, с помощью которых можно изменять поведение и здоровых людей в неограниченных и непредсказуемых масштабах, вплоть до полного его программирования.

В связи с возникновением подобных возможностей особого внимания заслуживает вопрос о строгом регулировании доступа к генетическим тестам и вмешательствам, направленным на изменение поведения. Лекарственная терапия, лежащая в основе лечения большинства заболеваний, требует особого внимания современного общества. Дело в том, что свободная продажа лекарств в аптеках, бесконтрольный прием препаратов или ошибки при назначении препаратов уже привели к тому, что около четверти заболеваний в мире так или иначе связаны с приемом лекарств¹⁶. Может оказаться, что исследования по психогенетике усилят наблюдающуюся ныне тенденцию к медикализации. Ведь не исключено, что людей могут подталкивать к тому, чтобы с помощью препаратов изменять поведение, которое прежде считалось нормальным¹⁷. Представляется, что необходим строжайший контроль за выдачей рецептов на лекарства. Безусловно, если сегодня будут приняты необходимые меры предосторожности, то в будущем будет возможно предотвратить потенциальные злоупотребления.

Особую опасность представляют препараты, направленные на супрессию или стимулирование генетических механизмов. Несмотря на то, что психотропные средства не изменяют герментативные клетки с перспективой передачи новых наследственных признаков, возможность их бесконтрольного применения ставит весьма серьезные вопросы, в том числе касающиеся представлений о

человеческой индивидуальности. В качестве примера можно привести созданный генными инженерами антидепрессант прозак, увеличивающий уровень серотонина в мозге.

Особенность этого лекарства в том, что оно действует на весьма важные эмоции человека, а именно — на самоуважение и самооценку¹⁸. Традиционными способами преодоления низкой самооценки является воспитание человеком силы воли, упорства в достижении целей, чувства ответственности, добросовестности, жертвенности и т.п. Биотехнология же дает реальную возможность повысить самооценку не собственными волевыми усилиями, а с помощью лекарственного препарата. Использование прозака открывает путь к тому, что сегодня уже называют «косметической фармакологией» (лекарство не ради его терапевтического действия, а просто для улучшения собственной самооценки)¹⁹. Таким образом мы являемся свидетелями первого акта исторического процесса девальвации оценки человеком самого себя, своих деяний, поступков и помыслов.

А с помощью препарата под названием риталин²⁰, созданного для лечения синдрома дефицита внимания — гиперактивности (СДВГ), можно повысить внимание, сосредоточенность, а также существенно снизить уровень усталости и повысить уровень работоспособности. Таким образом, без особых усилий, совершаемых в работе над собой, без лишних умственных и физических затрат, без воспитания воли можно достичь желаемых результатов. Иначе говоря, риталин — лекарство, позволяющее «без труда вынуть рыбку из пруда». Это средство, по сути, делает ненужным самостоятельное преодоление человеком трудностей, т.е. того, что именно и делает индивидуума личностью.

Проблемы нейрофармакологии, возможно, являются лишь «буревестниками» других проблем, вызываемых развитием генетической инженерии человека. Возникновение пренатальной и преимплантационной диагностики, а также постоянное увеличение числа недугов, подлежащих выявлению (с определенной степенью вероятности) еще до рождения человека, создают беспрецедентную по своей остроте ситуацию, когда зачатие ребенка и его рождение перестают являться событиями, происходящими без постороннего вмешательства. Сам этот факт «неподчинения вмешательству извне» имеет весьма существен-

ное значение для человеческого самосознания. Наше отношение к человеческой жизни до момента рождения (или к человеку после его смерти) характеризует нас как людей, как вид и выделяет среди других живых существ. Как полагает Ю.Хабермас, с этим самосознанием тесно связаны наши представления о себе самих как моральных личностях, интуитивные самоописания, на основании которых мы идентифицируем себя антропологически²¹.

Наука активно пытается расширить возможности контролировать причины и факторы патологии и смертности. Активное обсуждение в настоящее время проблемы эвтаназии демонстрирует, что ныне событие человеческой смерти и обстоятельства, при которых оно происходит, нередко носят не естественный характер, а являются следствием определенных технических манипуляций (например, отключения жизнеподдерживающих аппаратов). Отличительная особенность современного биотехнологического подхода видится в его довольно четко проявляющемся конструктивизме. Намечается тенденция восприятия каждого человеческого существа как в определенном смысле «сконструированного», порожденного генами. На этой основе формируется идеология технологического реконструирования организма человека. Согласно этой идеологии в будущем методы генетической инженерии могут использоваться для корректировки не только врожденных, но и приобретенных дефектов, а также могут позволить создавать детей «улучшенной породы». Таким образом возникает допущение (явное или завуалированное), согласно которому человека можно понимать всего лишь как набор отдельных признаков²². Такой по сути механистический подход умаляет значение системной природы функционирования и выражения отдельных генов в рамках генома как целого.

Развитие биотехнологии приводит к тому, что на современном этапе вопросом социальных взаимодействий и принятия согласованных решений становится не только смерть, но и рождение, т.е. начальный, отправной «пункт» человеческой жизни. Однако в этом случае выработка консенсуса является гораздо более сложной задачей. Так трудности с определением момента начала человеческой жизни делают еще более очевид-

ным социально сконструированный (конвенциональный) характер самого определения такого начала²³. Как отмечает Ю.Хабермас, «наше видение доличной человеческой жизни и наше обращение с ней образуют стабилизирующее этиковидовое окружение разумной морали субъектов прав человека, создают своеобразный контекст укорененности, который нельзя разрушить, если мы не хотим, чтобы мораль начала пробуксовывать»²⁴.

Ведь если одни люди будут проводить в отношении других различие между «ценной» и «неценной» жизнью, то это вызывает серьезное беспокойство. Например, в случае обнаружения тяжелой болезни у зародыша ему может быть хладнокровно отказано в праве на существование. Такое решение является, безусловно, односторонним и «не имеющим обратной силы». В этом случае генетическая инженерия используется не как средство для мобилизации медицинской помощи, а как основание для инфантицида, как орудие по сути человеконенавистнической политики «очищения расы» от неполноценных людей. Тем самым общество вступает на путь, ведущий к суждению о том, что «больной – паразит общества». Именно это суждение является определяющим в той «морали для врачей», которую предлагал Ф.Ницше: «...создать новую ответственность, ответственность для врача, для всех случаев, где высший интерес к жизни, восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни – например, для права на зачатие, для права быть рожденным, для права жить»²⁵. Такая позиция находится «по ту сторону морали». На той стороне морали ценности «милосердия», «любви», «заботы», «сострадания» лишаются самодостаточности и начинают рассматриваться как более или менее удачно используемые средства удовлетворения чьих-либо интересов.

Итак, представляется недопустимым использование человеческой жизни с селекционными целями. При таком использовании может исчезнуть различие между человеком и вещью, произойти изменение самосознания. Причем самосознание изменится и у тех, кто непосредственно участвует в этом процессе, и тех, кто взирает на происходящее со стороны, выражая безмолвное согласие. Таким образом, значимость человеческой жизни девальвируется, в результате чего она может и вовсе по

терять свои позиции на шкале ценностей. Кроме того, «надежды некоторых генетиков на то, что эволюция вскоре может оказаться в их руках, сотрясают категориальное различие между субъективным и объективным, естественно вырастающим и искусственно сделанным в тех областях, которые прежде были недоступны вмешательству человека. Речь идет о биотехнологической редифференциации глубоко укорененных категориальных различий, которые прежде мы инвариантно закладывали в основу наших самоописаний»²⁶.

Человечество уже достаточно ошибалось в прошлом, пора научиться осторожности. Основной принцип осторожности таков: предвидеть последствия, действовать так, чтобы причинить минимум вреда, и так, чтобы любой шаг был обратим. В любом случае не следует принимать важных, судьбоносных решений, пока не будут тщательно рассмотрены все стороны и грани проекта. Если биотехнологический прогресс не служит гуманным целям, а является угрозой целостности духовного мира человека, его правам, свободе и достоинству, общество должно остановиться и задуматься. И либо отказаться от применения достижений науки, либо создать все условия, гарантирующие защиту человека от подобного рода посягательств.

На наш взгляд, можно согласиться с мнением о том, что искусственное проектирование человека «с заданными параметрами», возможно, будет способно создать полноценного, с точки зрения телесного здоровья, индивидуума, но при этом оно может лишить человечество великих эпилептиков, таких, как например, Ф.М.Достоевский, не говоря уже о «гениальных безумцах», таких как Р.Шуман, Ван Гог, Н.В.Гоголь и многие другие. Представляется, что определять, какое именно генетическое наследие будет для потомков «наилучшим», пока является для человека задачей непосильной. Устремления науки должны быть направлены на сохранение бесценной природы человека с ее уникальным духовным миром.

Как уже отмечалось, перед антропогенетикой, генетической инженерией открывается перспектива прямого воздействия на биологическую природу человека, а значит, изменения способа бытия человека в мире, что влечет за собой самые неожиданные и подчас совершенно непредвиденные последствия.

Другими словами, антропогенетика стоит на пороге радикального роста возможностей ее программирующего влияния на человеческую практику, непосредственного изменения биологической природы человека. В настоящее время возникает необходимость социо-нормативного регулирования процесса и результата антропогенетических, генетико-инженерных исследований. Такое регулирование осуществляется как через этические, так и правовые механизмы влияния общества на науку. Причем такое регулирование должно носить не национальный, а международный характер.

В конце XX в. человечество вплотную столкнулось с глобальными проблемами, которые не могут быть решены какой-либо страной в одиночку, они требуют объединений усилий всех государств и народов. В силу процессов глобализации современной науки, межнационального характера производства, интенсивного обмена технологиями не подлежит сомнению, что решение социокультурных задач, возникающих в связи с развитием генной инженерии человека, может быть осуществлено только при действенном всестороннем международном сотрудничестве. Положение здесь двойственное. С одной стороны, настоящие, а также будущие открытия и успехи антропогенетики могут явиться эффективными инструментами, стабилизирующими человеческую цивилизацию, взаимопонимание между народами, а с другой — эти же достижения в ближайшие годы вместо ожидаемых благ могут принести огорчения и страдания, поставить перед человечеством еще более сложные, трудноразрешимые проблемы. Как отмечал академик С.П.Капица, «проект «Геном человека» является международным, и поэтому он порождает общую ответственность за возможные отрицательные социальные последствия»²⁷.

Речь здесь, прежде всего, идет о пренатальной и преимплантационной диагностике, лекарственной терапии и искусственном воспроизводстве человеческих существ (методы клонирования и генетической коррекции клеток зародыша). Опасность генной терапии, пока делающей только первые шаги, связана с не вполне еще ясными последствиями внешней экспансии в геном человека, особенно, если речь идет о герментативных клетках с возможностью передачи новых наследственных признаков. С этических

позиций представляются абсолютно неприемлемыми неоевгенические методы селекции на основе данных о геноме и создание «улучшенных пород людей». Очень трудно представить социальные последствия решения проблемы долголетия. Увеличение продолжительности жизни людей до 120—150 лет может коренным образом изменить весь строй и образ жизни человечества и, кто знает, будет ли это истинным благом (проблемы пищевых ресурсов, регуляции рождаемости, сдвиг демографического равновесия в сторону «поседения» и др.). Также представляется, что наблюдающаяся ныне тенденция лекарственного «насыщения» человечества не может оказаться бесследной. Несмотря на все предпринимаемые попытки ужесточения контроля за новыми препаратами, при их введении в организм велик риск появления реакционно-активных соединений, образующих аутоаллергены, мутагены или токсины. Кроме того, представляется неприемлемым искусственное изменение психоэмоционального состояния человека (за исключением, конечно, случаев, связанных с наличием тяжкого недуга). Несомненным является то, что всякое вмешательство в жизнь и наследственность человека допустимо только по медицинским показателям в целях улучшения здоровья пациентов или их детей²⁸. При этом профессионалы, выполняющие соответствующие процедуры, обязаны обеспечить пациентов полной и доступной информацией о риске нежелательных осложнений, как для самих пациентов, так и для их потомства, чтобы получить добровольное согласие на генно-инженерные манипуляции. От профессионалов требуются также соблюдение должной конфиденциальности и принятие мер охраны интересов всех лиц (родственников, потомков и др.).

Биотехнология человека поднимает массу этических вопросов о правах и о достоинстве человека. Необходимо осознать, что безоглядное развертывание исследовательской антропогенетической программы и ее практическое внедрение чревато серьезнейшими изменениями многих современных представлений. В частности, оно угрожает ломкой устоявшихся ценностей, обосновывающих современные социально-политические организации (понимание демократии, равенства, свободы и т.д.). Настало время учиться бережному и почтительному отношению к человеческой природе, как, впрочем, и к природе в целом.

Отрадно отметить, что международное сообщество уже делает первые шаги в направлении решения соционормативных проблем, возникающих в связи с развитием антропогенетики и генетической инженерии. Постепенно широкое распространение приобретает взаимный обмен медико-биологической информацией через систему Интернет, проводятся международные консультации с участием виднейших специалистов разных стран при решении сложных ситуаций глобального либо регионального характера, а также интернациональные врачебные консилиумы через системы спутникового телевидения. В некоторых странах общественное обсуждение биоэтических проблем медицинской генетики приводит к разработке и принятию этических кодексов, регулирующих взаимоотношения врачей, пациентов и общества в системе медико-генетической службы. Принципиальное значение по предупреждению существующих и ожидаемых негативных последствий применения достижений геномной инженерии, по исключению (или ослаблению) их дестабилизирующего влияния на мировое сообщество имеет принятая в 1997 г. Европейская конвенция по биоэтике²⁹. В ней подчеркнута необходимость предоставления всем людям равных возможностей сохранения своего здоровья, расширения прав и повышения достоинства, соблюдение приоритета интересов пациентов перед интересами общества и науки.

Однако этика науки «в одиночку» не в силах выполнять функции главного регулятора научного познания. Ведь этические регулятивы опираются на различные социально-культурные установки и подчас весьма релятивны. В таких условиях будет справедливо поставить вопрос о правовой регуляции рамок чужого вмешательства в генофонд человека, индивида. Причем такая правовая регуляция должна носить международный характер. Социальная ответственность ученых должна регулироваться правовыми нормами, быть законодательно оформленной в национальном и международном масштабах, в нормах международного права. На этом пути, в частности, необходима разработка правовых документов, касающихся неподвластности чужому влиянию биологических основ личной идентичности, а также создания многоуровневой защиты жизни (включая период эмбриогенеза). Видимо, настало время чет-

ко определить, что любая стадия человеческой жизни (будь то «ооцит», «бластоциста», «эмбрион» и т.п.) должна иметь все степени защиты. Недопустимо отношение к человеческому зародышу как к «сгустку тканей», а не к человеку.

Актуальность этих мер диктуется тем, что антропогенетика сегодня непрестанно расширяет технологические возможности контроля и вмешательства в естественные процессы зарождения, протекания и завершения человеческой жизни. Как уже отмечалось, стали обыденной практикой различные методы искусственной репродукции человека, замены органов и тканей, нейтрализации действия вредоносных или замещения поврежденных генов, продления жизни, воздействия на процесс умирания и др. Во всех подобных случаях исследователи сталкиваются с пограничными ситуациями, когда трудно сказать, имеют ли они дело уже (или еще) с живым человеческим существом или только с конгломератом клеток, тканей и органов. Пределы вмешательства ученых в жизненные процессы и функции определяются не только расширяющимися научно-техническими возможностями, но и нашими представлениями о том, что есть человек, а следовательно, и о том, какие действия и процедуры по отношению к нему допустимы, а какие — неприемлемы.

Таким образом, перспектива дальнейших генетических исследований человека со всей очевидностью демонстрирует необходимость не только философски, но и юридически определить такие понятия, как «человек» и «человеческое существо». Представляется, что такое разграничение оказалось бы очень важным не только для тех, кто подвергается генетическим и биомедицинским воздействиям, но и для всех людей в целом. Ведь тем самым мы, люди, не просто словесными формулировками, но и своими решениями и действиями даем определение самих себя как допускающих или не допускающих те или иные вмешательства в жизнь человека, в нашу жизнь.

Достижения наук о природе в основном способствовали колоссальному возрастанию человеческого благополучия. Когда же новые технологии порождали вполне правомерные морально-этические, правовые и философские вопросы, человеческое сообщество в целом демонстрировало готовность

обсуждать эти вопросы открыто и искать такие ответы, которые направлены на общее благо. Хотелось бы надеяться, что так будет и впредь.

Весьма важно видеть социальные аспекты антропогенетических исследований, их гуманистическую направленность, исключаящую манипуляторские подходы к человеку и исходящую из уважения его свободы и уникальности. Уберечь генофонд человечества, всячески защищая его от рискованных вмешательств, и при этом извлечь максимальную выгоду из уже полученной бесценной информации в плане диагностики, профилактики и лечения многих тысяч наследственно обусловленных недугов — вот главная задача антропогенетики и медицины, которую необходимо решать уже сегодня.

Примечания

- ¹ *Асанов А.Ю., Демикова Н.С., Морозов С.А.* Основы генетики и наследственные нарушения у детей. М., 2003. С. 11.
- ² *Силуянова И.В.* Биоэтика в России: ценности и проблемы. М., 2001. С. 102.
- ³ *Рич В.* Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Биоэтика. Проблемы и перспективы. М., 1992. С. 36–45.
- ⁴ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 78.
- ⁵ *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 163–167.
- ⁶ *Энгельгардт В.А.* Наука, техника, гуманизм // Вопр. философии. 1980. № 7.
- ⁷ *Лежен Ж.* Генетика и психическое здоровье // Генетика и благосостояние человечества. М., 1981. С. 92.
- ⁸ *Юдин Б.Г.* Здоровье человека как проблема гуманитарного знания // Философия здоровья. М., 2001. С. 67.
Там же. С. 83.
- ¹⁰ *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 245.
- ¹¹ *Engelhardt D. von.* Health and Disease: 1. History of the Concepts // Encyclopedia of Bioethics. N. Y., 1995. V. 2. P. 1091.
- ¹² *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 87.
Там же. С. 34.
- ¹⁴ *Юдин Б.Г.* Биотехнологическое конструирование человека // Биология и культура. М., 2004. С. 488.
- ¹⁵ *Фукуяма Ф.* Цит. соч. С. 148.

-
- ¹⁶ *Лопухин Ю.М.* Биозтика в России // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 9. С. 774.
- ¹⁷ *Борисов Ю.* Генетика и поведение человека: этический контекст // Человек. 2003. № 2.
- ¹⁸ *Фукуяма Ф.* Цит. соч. С. 72.
- ¹⁹ *Kramer P.D.* Listening to Prozac. N. Y., 1993. P. 44.
- ²⁰ *Diller L.D.* Running on Ritalin. N. Y., 1998.
- ²¹ *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 81.
- ²² *Юдин Б.Г.* Биотехнологическое конструирование человека. С. 486–487.
- ²³ Там же. С. 488.
- ²⁴ *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 81.
- ²⁵ *Ницше Ф.* Сумерки кумиров // *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 611.
- ²⁶ *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 55.
- ²⁷ *Капица С.П.* Главная проблема человечества // Вестн. РАН. 1998. Т. 68. № 3. С. 240.
- ²⁸ *Иванов В.И., Ижевская В.Л.* Генетика человека: этические проблемы настоящего и будущего. Проблемы евгеники // Биомедицинская этика. М., 1997. С. 108.
- ²⁹ Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. Oviedo, 4/1 Y-1997, Europ. Treaty Series/ I 64.

О.Е. Баксанский

Наномедицина: современные технологии здоровья

Для понятия нанотехнология, пожалуй, не существует исчерпывающего определения, но по аналогии с существующими ныне микротехнологиями следует, что нанотехнологии — это технологии, оперирующие величинами порядка нанометра. Поэтому переход от «микро» к «нано» — это качественный переход от манипуляции веществом к манипуляции отдельными атомами.

Будем в дальнейшем исходить из следующего понимания ***нанотехнологии: любые технологии создания объектов, потребительские свойства которых определяются необходимостью контроля и манипулирования отдельными наноразмерными объектами.***

Дадим пояснения использованному в определении термину.

«Любые» — данный термин призван примирить специалистов разных научно-технологических направлений. С другой стороны, этот термин обязывает контролирующие бюджет развития нанотехнологий организации заботиться о финансировании широкого круга направлений. Включая, конечно, и молекулярные биотехнологии.

«Потребительские свойства» — создание объектов с использованием таких передовых методов, как контроль и манипулирование веществом на наноуровне, должно придавать какие-либо новые потребительские свойства, либо влиять на цену объектов, в противном случае оно становится бессмысленным. Например, нанотрубки, у которых один из линейных размеров лежит в области традиционной размерности,

также попадают под это определение. При этом сами создаваемые объекты могут иметь любые размеры — от «нано» до традиционных.

«Отдельные» — наличие этого термина уводит определение от традиционной химии и однозначно требует наличия самого передового научного, метрологического и технологического инструментария, способного обеспечить контроль за отдельными, а при необходимости даже за конкретными нанообъектами.

«Наноразмерный объект» — атом, молекула, надмолекулярное образование.

Когда речь идет о развитии нанотехнологий, имеются в виду три направления:

— изготовление электронных схем (в том числе и объемных) с активными элементами, размерами, сравнимыми с размерами молекул и атомов;

— разработка и изготовление наномашин;

— манипуляция отдельными атомами и молекулами и сборка из них макрообъектов.

Разработки по этим направлениям ведутся уже давно. В 1981 г. был создан туннельный микроскоп, позволяющий переносить отдельные атомы. С тех пор технология была значительно усовершенствована. Сегодня эти достижения мы используем в повседневной жизни: производство любых лазерных дисков, а тем более DVD невозможно без использования нанотехнических методов контроля.

На данный момент возможно наметить следующие перспективы нанотехнологий.

1. **Медицина.** Создание молекулярных роботов-врачей, которые «жили» бы внутри человеческого организма, устраняя или предотвращая все возникающие повреждения, включая генетические. Срок реализации — первая половина XXI века.

2. **Геронтология.** Увеличение жизни людей за счет внедрения в организм молекулярных роботов, предотвращающих старение клеток, а также перестройки и улучшения тканей человеческого организма. Срок реализации: третья — четвертая четверти XXI века.

3. **Промышленность.** Замена традиционных методов производства сборкой молекулярными роботами предметов потребления непосредственно из атомов и молекул. Срок реализации — начало XXI века.

4. **Сельское хозяйство.** Замена природных производителей пищи (растений и животных) аналогичными функционально комплексами из молекулярных роботов. Они будут воспроизводить те же химические процессы, что происходят в живом организме, однако более коротким и эффективным путем. Например, из цепочки «почва — углекислый газ — фотосинтез — трава — корова — молоко» будут удалены «лишние» звенья. Останется «почва — углекислый газ — молоко (творог, масло, мясо)». Такое «сельское хозяйство» не будет зависеть от погодных условий и не будет нуждаться в тяжелом физическом труде. А производительности его хватит, чтобы решить продовольственную проблему раз и навсегда. Срок реализации — вторая — четвертая четверть XXI века.

5. **Биология.** Станет возможным внедрение наноэлементов в живой организм на уровне атомов. Последствия могут быть самыми различными — от «восстановления» вымерших видов до создания новых типов живых существ, биороботов. Срок реализации: середина XXI века.

6. **Экология.** Полное устранение вредного влияния деятельности человека на окружающую среду. Во-первых, за счет насыщения экосферы молекулярными роботами-санитарами, превращающими отходы деятельности человека в исходное сырье, а во-вторых, за счет перевода промышленности и сельского хозяйства на безотходные нанотехнологические методы. Срок реализации — середина XXI века.

7. **Освоение космоса.** По-видимому, освоению космоса «обычным» порядком будет предшествовать освоение его нанороботами. Огромная армия роботов-молекул будет выпущена в околоземное космическое пространство и подготовит его для заселения человеком — сделает пригодными для обитания Луну, астероиды, ближайшие планеты, соорудит из «подручных материалов» (метеоритов, комет) космические станции. Это будет намного дешевле и безопаснее существующих ныне методов.

8. **Кибернетика.** Произойдет переход от ныне существующих планарных структур к объемным микросхемам, размеры активных элементов уменьшатся до размеров молекул. Рабочие частоты компьютеров достигнут терагерцовых величин. Получат распространение схемные решения на нейроноподоб-

ных элементах. Появится быстродействующая долговременная память на белковых молекулах, емкость которой будет измеряться терабайтами. Станет возможным «переселение» человеческого интеллекта в компьютер. Срок реализации: первая – вторая четверть XXI века.

9. *Разумная среда обитания.* За счет внедрения логических наноэлементов во все атрибуты окружающей среды она станет «разумной» и исключительно комфортной для человека. Срок реализации – после XXI века.

Очертим кратко основные этапы в развитии нанотехнологии.

1959 г. Лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман заявляет, что в будущем, научившись манипулировать отдельными атомами, человечество сможет синтезировать все, что угодно.

1981 г. Создание Бинигом и Рорером сканирующего туннельного микроскопа – прибора, позволяющего осуществлять воздействие на вещество на атомарном уровне.

1982–85 гг. Достижение атомарного разрешения.

1986 г. Создание атомно-силового микроскопа, позволяющего, в отличие от туннельного микроскопа, осуществлять взаимодействие с любыми материалами, а не только с проводящими.

1990 г. Манипуляции единичными атомами.

1994 г. Начало применения нанотехнологических методов в промышленности.

Однако принято считать, что нанотехнология «началась», когда 70 лет назад Г.А.Гамов впервые получил решения уравнения Шредингера, описывающие возможность преодоления частицей энергетического барьера даже в случае, когда энергия частицы меньше высоты барьера. Новое явление, называемое туннелированием, позволило объяснить многие экспериментально наблюдавшиеся процессы. Найденное решение позволило понять большой круг явлений и было применено для описания процессов, происходящих при вылете частицы из ядра – основы атомной науки и техники. Многие считают, что за грандиозность результатов его работ, ставших основополагающими для многих наук, Г.А.Гамов должен был быть удостоен нескольких Нобелевских премий.

Развитие электроники подошло к использованию процессов туннелирования лишь почти 30 лет спустя: появились туннельные диоды, открытые японским ученым Л.Есаки, удосто-

нным за это открытие Нобелевской премии. Еще через 5 лет Ю.С.Тиходеев, руководивший сектором физико-теоретических исследований в московском НИИ «Пульсар», предложил первые расчеты параметров и варианты использования приборов на основе многослойных туннельных структур, позволяющих достичь рекордных по быстродействию результатов. Спустя 20 лет они были успешно реализованы. В настоящее время процессы туннелирования легли в основу технологий, позволяющих оперировать со сверхмалыми величинами порядка нанометров (1 нанометр = 10^{-9} м).

До сих пор создание миниатюрных полупроводниковых приборов основывалось, в основном, на технике молекулярно-лучевой *эпитаксии* (выращивания слоев, параллельных плоскости подложки), позволяющей создавать планарные слои из различных материалов с толщиной вплоть до моноатомной. Однако эти процессы имеют значительные ограничения, не позволяющие создавать наноскопические структуры. К этим ограничениям относится высокая температура процессов эпитаксии – до нескольких сотен градусов, при которой хоть и обеспечивается рост высококачественных пленок, однако не обеспечивается локальность формируемых областей. Кроме того, высокие температуры поверхности подложки стимулируют диффузионные процессы, «размывающие» планарные структуры. Более «холодные» технологии осаждения, типа напыления, из-за одновременности осаждения материала на всю подложку, одновременного роста в разных местах зерен осаждаемого материала и последующего образования дефектов на их границах раздела также не позволяли создавать бездефектные наноструктуры.

Формирование элементов нанометрового размера первоначально планировалось осуществлять методами электронно-лучевой литографии, дополняемой методами ионного травления. Однако высокоэнергетичный электронный луч, рассеиваясь в подложке, вызывает значительные разрушения в материале, расположенном как под, так и в районе области фокусировки, практически перечеркивая возможность создания многослойных схем с нанометровыми размерами элементов. Возникла тупиковая ситуация, решение которой было найдено в 1981 г. вместе с созданием туннельного микроскопа.

В 1981 г. кардинально новым шагом, открывающим возможность создания высоколокальных — с точностью до отдельных атомов — низкоэнергетичных технологических процессов, явилось создание Г.Бинингом и Г.Рорером, сотрудниками швейцарского отделения компании ИВМ, сканирующего туннельного микроскопа, за которое они в 1985 г. были удостоены Нобелевской премии.

Основой изобретенного микроскопа является очень острая игла, скользящая над исследуемой поверхностью с зазором менее одного нанометра. При этом электроны с острия иглы туннелируют через этот зазор в подложку. Исключительно резкая зависимость тока туннелирующих электронов от расстояния (при изменении зазора на одну десятую нанометра ток изменяется в 10 раз) обеспечила высокую чувствительность и высокую разрешающую способность микроскопа. Стабильное удержание иглы на столь малом расстоянии от подложки обеспечивается применением электронной следящей системы под воздействием результатов измерения туннельного тока управляющей пьезоманипулятором, перемещающим иглу, что позволяет удерживать зазор с точностью выше сотых долей нанометра. Измеряя величины управляющих сигналов, при известной чувствительности пьезоманипулятора к перемещению под действием напряжения, определяют высоту исследуемой области поверхности. Сканируя над исследуемой поверхностью, по результатам измерений высот различных областей определяют профиль поверхности с точностью до отдельных атомов.

Однако кроме исследования поверхности, создание нового типа микроскопов открыло принципиально новый путь формирования элементов нанометровых размеров. Были получены уникальные результаты по перемещению атомов, их удалению и осаждению в заданную точку, а также локальной стимуляции химических процессов.

Обычно для того, чтобы провести измерения с помощью туннельных микроскопов между зондом и проводящей подложкой, прикладывают низкие напряжения в несколько милливольт, что ограничивает максимальную энергию туннелирующих электронов величиной, меньшей энергии тепловых колебаний атомов. При проведении нанотехнологических

процессов между зондом и подложкой прикладываются напряжения в несколько вольт и даже десятков вольт, что позволяет активизировать проведение атомно-молекулярных процессов, характеризующихся переносом атомов, вплоть до локального испарения, а также стимулировать локальные химические реакции.

Нанотехнологические процессы могут проводиться в различных средах: вакууме, газах и жидкостях. В вакууме в основном проводятся процессы полевого испарения материала с иглы на подложку и наоборот. Значительно большие технологические возможности открываются в установках с напуском технологических газов. В газовых средах проводят локальные химические реакции, позволяющие, по сравнению с вакуумными установками, расширить диапазон используемых материалов, повысить производительность технологических установок.

Напуск технологического газа или паров вещества, используемых в технологической реакции, приводит к образованию на поверхности подложки адсорбированного слоя. Зонд сканирующего туннельного микроскопа приближается к поверхности подложки и практически погружается в адсорбированный слой. Приложение напряжения между зондом и подложкой стимулирует прохождение нескольких процессов:

- поверхностной миграции полярных молекул адсорбированного вещества к зонду;
- поляризации вещества под зондом;
- удаления вещества из-под зонда за счет нагрева;
- возникновения и поглощения плазменных колебаний;
- межатомного взаимодействия зонда, подложки и вещества;
- локальных химических реакций.

Данные процессы в ряде случаев являются конкурирующими, и окончательный результат сильно зависит от типа применяемого вещества.

В жидких средах также осуществляют локальные химические реакции, хотя отвод продуктов реакции сложнее, чем в предыдущем случае.

Синтезируя подложку с определенными свойствами в газовых средах специального состава, можно создавать наноструктуры различных типов.

В последние годы для работы с диэлектрическими подложками применяются атомно-силовые микроскопы, однако они не позволяют производить локальную активацию атомов и молекул под зондом, то есть при их помощи невозможно осадить проводящий материал на диэлектрическую подложку. Что же касается современной техники на базе туннельных микроскопов, то с их помощью можно активировать лишь материал, расположенный между вершиной зонда и проводящей подложкой, а не диэлектрической, как это требуется для практических целей.

Поэтому главное направление развития технологии создания проводящих элементов на изолирующих материалах это создание принципиально новых типов активаторов нанотехнологических процессов.

Новые потенциальные технологические возможности нанотехнологии открыли пути к реализации новых типов транзисторов и электронных функциональных устройств, выполняющих соответствующие радиотехнические функции за счет особенности взаимодействия электронов с наноструктурами. К транзисторам новых типов относятся одноэлектронные транзисторы, предложенные К.Лихаревым, в которых доминируют эффекты поодиночного прохождения электронов через транзистор и управления параметрами данного процесса под действием потенциала управляющего электрода. Достоинством транзистора данного типа и функциональных приборов на его основе является исключительно низкое энергопотребление. К сравнительным недостаткам – наивысшие по трудности реализации требования создания нанометровых областей наименьших размеров, позволяющих осуществить работу данных устройств при комнатной температуре. К принципиально другому типу транзисторов следует отнести транзисторы Ааронова-Бома, в которых используются волновые свойства электронов. Под воздействием управляющего напряжения, создающего несимметричность параметров волнового распространения электрона по двум расходящимся, а потом сходящимся проводникам, происходит интерференция волновых функций электрона, приводящая к модуляции выходного электронного потока. К достоинствам транзисторов данного типа следует отнести сверхвысокое быстродействие, достигающее терагерцового ди-

апазона, а к недостаткам — наивысшие требования к однородности материалов, выполнение которых необходимо для минимизации рассеяния электронов при распространении их по данным двум проводникам. К третьему типу нанотранзисторов относится полевой транзистор, сформированный на основе нанопроводников, в котором под воздействием управляющего напряжения происходит полевая модуляция проводимости проводника, по которому течет ток. Данный транзистор, хоть и не является рекордсменом по сравнению с первыми двумя по энергопотреблению и быстродействию, предъявляет наиболее простые технологические требования к технологии создания и позволяет достичь частотного диапазона в сотни гигагерц.

В 1993 г. было разработано новое семейство цифровых переключателей приборов на атомных и молекулярных шнурах. На этой основе разработаны логические элементы НЕ-И и НЕ-ИЛИ. Размер такой структуры ~ 10 нм, а рабочая частота $\sim 10^{12}$ Гц.

Одним из важнейших достоинств нанотехнологии, реализующей процесс послойной сборки, является возможность трехмерного изготовления нанoeлектронных схем. Наличие такого свойства у разрабатываемой технологии исключительно важно, так как полупроводниковая микроэлектроника, фактически, так и осталась планарной, позволив реализовать очень ограниченное число уровней металлизации для формирования межсоединений. Данный недостаток технологии порождал проблему, названную Я.А. Федотовым «тиранией межсоединений». Она не только сдерживает развитие прогрессивных интегральных схем с большим числом элементов, но и не позволяет аппаратно реализовать исключительно важные типы нейронных схем, в которых доминирует большое число связей между элементами.

Многие эксперты склонны отсчитывать историю микротехнологий от знаменитой лекции нобелевского лауреата Ричарда Фейнмана, прочитанной им в 1959 г. перед Американским физическим обществом. Интуиция Фейнмана и талант популяризатора позволили ему обрисовать потенциал микротехнологий в самых ярких красках: в его лекции были и крошечные компьютеры, и системы хранения данных, электронные компоненты и даже микроскопический инструментальный миниатюрных роботов. Но если пророчества Фейнмана в области микроэлек-

троники начали обрастать плотью очень быстро — уже в 1960–1970-е гг., — то прогресс в электромеханических микросистемах шел гораздо медленнее. Лишь в 1980-е гг. ведущие университеты и правительственные лаборатории начали осваивать сравнительно недорогие способы изготовления и сборки крошечных механических деталей, для чего была разработана технология микроэлектромеханических систем, или MEMS, использующая методы литографии и инструментарий полупроводниковой промышленности.

Фактически понадобилось больше тридцати лет для того, чтобы появилось первое коммерческое приложение MEMS. Одной из первых MEMS-технологий, получивших повсеместное распространение, стали сенсоры ускорения, устанавливаемые сейчас практически во все современные автомобили для детектирования столкновения и выпуска защитных воздушных подушек. Массачусетская компания Analog Devices, изготовившая первые такие сенсоры в 1993 г., сейчас продает автомобилестроителям около 50 млн MEMS-чипов в год. Есть и еще целый ряд успешных MEMS-изделий, таких как головки микроструйных принтеров или сенсоры давления, которые компания Motorola сотнями миллионов поставляет медицинской и автомобильной промышленности. Или, скажем, цифровые проекторы высокого разрешения Texas Instruments, построенные на основе MEMS-массивов микрозеркал. За последние годы удалось достичь заметных успехов в изготовлении моторов, насосов и зажимов, сенсоров давления и смещения — короче, множества самых разных по назначению механических агрегатов, настолько малых, что их не видно невооруженным глазом. Однако запустить подобные продукты в массовое производство оказалось гораздо труднее, чем полагали оптимисты.

Сейчас самой перспективной областью внедрения MEMS принято считать телекоммуникации. Так в конце 2000 г. от Национальной лаборатории Сандиа, принадлежащей министерству энергетики США, отпочковалась частная компания MEMX, занимающаяся вопросами коммерческого применения создаваемых в лаборатории MEMS-технологий. Компания сфокусировалась в своей деятельности на оптических коммутаторах для оптоволоконных телекоммуникационных систем. В их-

основу положена фирменная технология Сандиа под названием SUMMiT V (от Sandia Ultraplanar Multilevel MEMS Technology). Это микромашинный процесс обработки поверхности чипа напылением и травлением, охватывающий пять независимых слоев поликристаллического кремния — четыре «механических» слоя для построения механизмов и один электрический для обеспечения межсоединений электросхемы. Технология позволяет доводить размеры механических элементов до 1 мкм.

Опыт, накопленный разработчиками Сандиа в миниатюризации электромеханических систем, помог создать и весьма эффективных микроскопических роботов. Построенная в середине 1990-х годов модель автономного робота MARV (Miniature Autonomous Robotic Vehicle) имела объем около 1 кубического дюйма, хотя робот почти целиком был изготовлен из коммерчески доступных компонентов. К 2000 г. его размеры удалось уменьшить в четыре с лишним раза. Эта крошечная машина на гусеничном ходу имеет полимерный каркас, шесть колес, два электромотора, процессор с 8 Кбайт памяти, датчик температуры, микрофон, видеокамеру, химический сенсор и три батарейки от часов. Надо сказать, именно бытовые элементы питания помешали сделать устройство еще миниатюрнее. Машины планируется оборудовать системой беспроводной связи, после чего группа микророботов сможет объединяться для совместного решения задач под управлением центрального компьютера. По замыслу разработчиков, основной областью применения таких роботов может стать поиск и обезвреживание бомб и мин, опасных биологических и химических материалов. Благодаря малым размерам и высокой проходимости микророботы очень перспективны для решения разведывательных задач. Однако емкость современных батарей катастрофически мала, ее хватает лишь на преодоление десятка метров.

Нанотехнологии, особенно наномедицина, развиваются в двух принципиально разных направлениях, условно именуемых «сухой нанотехнологией» в механической традиции и «мокрой нанотехнологией» в биологической традиции.

«Сухие нанотехнологии» чаще всего отталкиваются от уже имеющихся технологий — вроде сканирующих микроскопов, которые способны перемещать отдельные атомы и молекулы.

Пока что, как правило, это выражается в форме своеобразных «нанограффити», то есть складывании из атомов собственных имен исследователей, названий их институтов или щедрых спонсоров. Но все такие эксперименты обычно ограничены плоскостью. Укладывание молекул друг на друга — следующая задача, которая будет решена в ближайшие годы.

Например, исследователями Гарвардского университета сконструирован первый «нанопинцет» общего назначения, использующий пару электрически управляемых углеродных нанотрубок. С помощью этого механизма удастся манипулировать 300-нанометровыми кластерами полистироловых микросфер или извлекать единственный 20-нанометровый полупроводниковый провод из массы аналогичных перепутанных проводов. В ближайшем будущем ученые надеются создать столь малый нанопинцет, чтобы захватывать отдельные крупные молекулы.

Быть может, «мокрой нанотехнологии» следует сконцентрироваться на конструировании и модификации белковых молекул, знаменитых своими выдающимися способностями к самосбору. Многие ученые полагают, что ключ к прогрессу лежит именно здесь. Живые системы используют множество молекулярных машин, таких как молекулярные моторы. Поэтому логично попытаться приспособить к нашим потребностям уже имеющиеся в природе механизмы, используя их для приведения в движение крошечных насосов, рычагов и зажимов. Концепцию «мокрых наноботов» иногда именуют также микробиороботами.

Исследователям из Нью-Йоркского университета, избравшим «подход самосбора», удалось научиться генерировать комплиментарные нити ДНК, которые объединяют себя в сложные структуры желаемой конфигурации. Так были выстроены кубы, восьмигранники и другие правильные фигуры, состоящие всего из нескольких тысяч нуклеотидов. Избрав аналогичный подход, ученые генетически модифицировали природный биомотор, в естественных условиях встречающийся в ферменте аденозинтрифосфатазе (АТФазе). В результате был изготовлен первый гибридный наномотор с небиологическими элементами из 100-нанометровых полос азотистого кремния. Подобно микроскопическому пропеллеру, он вращается со скоростью 200 оборотов в минуту.

Как показывают предварительные оценки, механические системы в конечном счете смогут обеспечить более высокие скорости работы и большую эффективность управления нанороботом, нежели системы биологические. Однако важным преимуществом последних является то, что зачастую их функциональные компоненты можно частично или целиком брать из уже имеющихся естественных живых систем, тем самым существенно сокращая время разработки.

Производство нанороботов всё ещё затруднено по двум причинам: проблема «толстых пальцев» — недостаточная разрешающая способность современных приборов и сложность проектирования схемотехнических решений. Эти проблемы, как ни странно, возможно решить только при помощи самих нанотехнологий. Если для проектирования схемы нужен мощный процессор, работающий на высокой частоте, то для массовой сборки нанороботов нужны нанороботы, т.к. только они по своему предназначению могут предоставить необходимый инструментарий для сборки механизма. Человеку не под силу любыми устройствами произвести количество нанороботов, соответствующее современной концепции их применения. Для обеспечения простейших задач, поставленных перед нанороботом, их нужны сотни, если не тысячи. На сегодняшний день разработка в этом направлении возможна лишь в теоретическом виде. Однако уже существуют макроскопические роботы, способные собрать себе подобного, а затем запрограммировать его. Также этот вопрос исследует философия. Дело в том, что при разговорах о репликации, самовоспроизведении роботов неизбежно возникают мысли о выходе их из-под контроля. Вплоть до того, что нанотехнология рассматривается сейчас некоторыми как первый шаг человечества по скользкому краю апокалиптической ямы, заполненной «серой слизью». Этот термин получил довольно широкое хождение с подачи Билла Джоя, главного ученого Sun Microsystems, опубликовавшего в журнале *Wired* нашумевшую статью «Нуждается ли в нас будущее?». Джой и его идейные соратники настойчиво предупреждают, что микроскопические самовоспроизводящиеся роботы, невидимые человеческому глазу, в случае выхода из-под контроля могут привести к нашествию безликой, липкой и пожирающей все

вокруг массы – «серой слизи». Причем идею эту вовсе нельзя назвать высосанной из пальца, поскольку некоторые рьяные поборники новейших технологий уже выдвигали предложения по разработке армии «синей слизи» – разрушительных микро-машин – в качестве мощного оружия.

В ответ на подобные опасения и тревогу авторитетные сторонники нанопрогресса (Ральф Меркль, в частности) выдвигают свои аргументы. Хотя нанотехнология действительно предлагает использовать репликацию для сведения к минимуму стоимости производства, она не предлагает копировать живые системы. Живые системы адаптируются к среде самым чудесным образом и способны выживать в сложных природных условиях. Нанотехнология, напротив, предлагает строить молекулярные машинные системы, похожие на микроскопические версии оборудования сегодняшних фабрик и заводов. Рука-манипулятор микроробота, уменьшенная до субмикронного размера, должна уметь брать и собирать молекулярные детали, подобно тому, как манипуляторы заводских роботов орудуют гайками и болтами. К сожалению, говорит Меркль, очень легко пойти по ложной тропе из-за простого факта: единственная репликационная система, с которой знакомо большинство из нас, – это биологические самовоспроизводящиеся системы. Мы автоматически начинаем подразумевать, что нанотехнологические репликационные системы будут подобны биологическим. Но машины, которые изготавливают люди, очень мало похожи на живые системы, поэтому и молекулярные системы производства скорее всего будут столь же непохожими.

В качестве иллюстрации к своим доводам Меркль приводит экспериментальную систему «экспоненциальной сборки», создаваемую техасской корпорацией ZyveX. Здесь разрабатываются механические системы для сборки устройств микронного, субмикронного и молекулярного масштаба. На микронном уровне, используя уже имеющиеся MEMS-технологии, проектируется простая роботизированная рука «взять-и-положить», способная манипулировать сложными планарными деталями микронного масштаба, изготовленными с помощью литографии. Из этих деталей собирается роботизированная рука, способная манипулировать специально разработанными MEMS-

детальями. Процесс получил название «экспоненциальная сборка», поскольку это репликационная технология, начинающаяся с единственной роботизированной руки на кремниевой пластине, которая сама собирает другие роботизированные руки, беря детали, заранее уложенные на пластине в точно известных местах. Хотя количество собранных таким методом роботизированных рук может возрасти экспоненциально (до некоторых пределов, понятно, накладываемых системой производства), этот процесс требует, среди прочего, литографически изготовленных деталей, а также подачи электроэнергии и управляющих сигналов для координации сложных движений рук-манипуляторов. Достаточно отключить энергию, управляющие сигналы или лишить микроробота деталей — и он будет действовать так же, как и его заводской собрат, изъятый со сборочной линии и брошенный в глухой лес.

К сожалению, далеко не все ученые, работающие в области нанотехнологий, придерживаются подобной логики, и среди них один из ведущих специалистов лаборатории Сандиа — Джеф Бринкер, снискавший международную известность благодаря работам в области самосборных нанокompозитных материалов. При его непосредственном участии достигнуты весьма примечательные успехи в создании материалов, способных к спонтанной самоорганизации в сложные трехмерные конструкции наномасштаба. Главный же интерес исследований Бринкера, по его собственным словам, это научиться придавать материалам «жизнеподобные» свойства — то есть получать такие материалы, которые чувствуют окружающую среду и соответствующим образом реагируют, могут самоисцеляться и избегать угрожающих их существованию обстоятельств. В двух словах, цель Бринкера — наноматериалы, занимающие промежуточное положение между живым и неживым. Разумеется, робот из таких материалов — это уже далеко не неуклюжий заводской манипулятор в лесной чаще.

Трезвомыслящие ученые прекрасно понимают, что нанотехнология способна породить серьезные проблемы. Любая технология может быть использована для нанесения ущерба, а не только для всеобщего блага. По масштабам будущего воздействия на человечество нанотехнологии наверняка не уступят индустриальной революции.

В калифорнийском Пало-Альто в 1989 г. была создана специальная некоммерческая организация «Предусмотрительный институт» (Foresight Institute) и девизом «Готовясь к нанотехнологиям» (основатель и глава института – Эрик Дрекслер). Здесь был подготовлен набор правил «техники безопасности» для разработчиков и изготовителей молекулярных систем. Среди руководящих принципов, например, такие: искусственные системы-репликаторы не должны иметь способность к воспроизводству в естественной, неконтролируемой окружающей среде. Они должны быть абсолютно зависимыми от источника искусственного питания или от искусственных компонентов, не встречающихся в природе. Они должны использовать коды выявления ошибок и шифрование, предотвращающее непреднамеренные изменения в их конструкции.

Все эти правила выкристаллизовались из бурных дискуссий о самых разных сценариях возможного развития нанотехнологий. Очевидно, что наше понимание развивающейся технологии эволюционирует, а значит, претерпевают изменения и рекомендации, отражая степень осмысления учеными того, как обеспечивать безопасное развитие нанотехнологий. Но в конечном счете диктовать реальный спектр нанотехнологических приложений будет вовсе не ученые, а правительства и индустрия.

Существующие решения нельзя назвать нанороботами в полном смысле этого слова, но микророботы являются достойными макроскопическими моделями.

В Массачусетском технологическом институте сейчас разрабатывается серия микророботов под общим названием NanoWalkers («наноскоророды»). Некоторые из них оборудованы иглами-пробниками сканирующего туннельного микроскопа для отображения и подталкивания атомов. Другие – щупами атомно-силового микроскопа для работы с непроводящими материалами. Третьи – микроманипуляторами для перемещения и сбора деталей микронного размера, а со временем и атомов. Попутно создается набор инструментов для наномасштабного напыления, травления, обработки и формирования изображения. Способные стремительно перемещаться, роботы-сборщики черпают энергию с электрически заряженной рабочей поверхности, образованной перемежающимися

полосами разной электрической полярности. Связь с микророботами осуществляется через инфракрасную систему, монтируемую на верхушке их приземистого корпуса. Цифровая ПЗС-камера следит за перемещением и местонахождением роботов, направляя их к нужному месту, а затем вступает в действие система тонкого позиционирования, наводящая пробники-манипуляторы на конкретные молекулы или атомы.

Преимущество подобной концепции в следующем. Вместо того чтобы последовательно проводить объект сборки через техпроцессы, каждый раз передвигая и заново позиционируя микроскопический узел, система позволяет держать его на одном месте — а двигаются пусть недорогие мобильные микророботы, управляемые компьютером. Надо сказать, что индустрия, привыкшая к конвейерному производству, новую концепцию воспринимает с трудом.

Пьезокерамические ножки, с помощью которых роботы NanoWalker перемещаются, могут гнуться внутрь и наружу, удлиняться и укорачиваться, в зависимости от формы приложенного электрического сигнала. Делая около 18 тыс. шажков в секунду, роботы способны носиться намного быстрее, скажем, тараканов (делающих около 13 шажков в секунду), причем разным «аллюром» — либо семенить крошечными шагами по 2 нанометра, либо одним махом покрывать по 50 микрон за раз. Пока что в МТИ сосредоточились на том, чтобы научить своих роботов двигаться плавно и интегрировать в работу тончайшие острия сканирующих и атомно-силовых микроскопов.

Некоторые исследовательские центры, не стремившиеся любой ценой сделать микророботов автономными, добились успеха в решении других задач. Так в немецком университете Карлсруэ управляемые по проводам роботы уже действуют на предметных столиках оптических микроскопов и в вакуумных камерах сканирующих электронных микроскопов. Они справляются с таким делом, как сбор оптических систем микронного масштаба или захват и перенос отдельных биологических клеток. Бесспорно менее проворные, чем NanoWalker, и предназначенные для манипулирования более крупными объектами, немецкие роботы MINIMAN (от Miniaturized Robot for Micromanipulation) оперируют такими инструментами, как микрозажимы и микропипетки.

После того как управляющий роботом оператор щелкает указателем мышки по изображению конкретной клетки на мониторе, робот, ведомый компьютеризированной системой зрения, находит именно эту клетку, аккуратно засасывает ее в микропипетку, переносит в другое место и выпускает. При другом сценарии два робота, работающие совместно, могут удерживать клетку и впрыскивать в нее раствор медикамента или красителя. Подобные операции уже так отточены, что на их выполнение требуется буквально секунда. Несколько иной аппарат MINIMAN III способен собирать и настраивать систему из 1- и 2-миллиметровых, причем оператор вмешивается в процесс сборки всего один раз. Пока что многие из осваиваемых роботами операций автоматизированы лишь частично, однако со временем все работы будут осуществляться без участия человека. Разработка микророботов MINIMAN ведется совместно институтами Германии, Швеции, Испании, Великобритании и Италии. Содействие им оказывают голландская фирма Philips Bedrijven и немецкая Kamrath & Weiss.

Среди крупномасштабных разработчиков MEMS – фирма Intel, известная своими процессорными и сетевыми решениями. Свой интерес к технологии они объясняют стремлением разработать интегрированные всё-в-одном микросхемы. Уже сегодня интегральные схемы, содержащие в себе все основные системы компьютера. Применение нанотехнологий с многоуровневой структурой чипа и механическими микропереключателями MEMS позволило бы на порядок уменьшить геометрическую величину, стоимость, энергопотребление, тепловыделение, внутренние флуктуационные эффекты и т.д. Представители Intel приводят пример с радио, все аналоговые и цифровые компоненты которого будут выполнены на одном кристалле. Причем оно должно быть универсальным, то есть работать со всеми стандартами: GSM, GPRS, Bluetooth, 802.11a, 802.11b и так далее. Благодаря интегрированности, радио будет столь простым, что его удастся использовать не только для внешней коммуникации, но и для внутренней – например, между отдельными чипами в компьютере. Если такие универсальные радиоэлементы будут сделаны, им понадобятся меха-

нические движущиеся части для переключения цепей. На том же кристалле должны быть и аналоговые компоненты передатчика и приемника.

Развитие нанотехнологий ставит ряд очень важных вопросов и, в первую очередь, философско-методологического характера.

Эдуард Теллер, один из создателей термоядерной бомбы, заметил: «Тот, кто раньше овладеет нанотехнологией, займет ведущее место в техносфере следующего столетия». Высказывание, безусловно, верное, но нанотехнология не должна становиться предметом соперничества. Она обладает столь мощным потенциалом, что нужно вести разработки в этой области полностью открыто, с тщательным контролем, исключающим создание оружия.

Эрик Дрекслер пишет: «Но мощь новых технологий можно обратить и на создание военной силы. Перспектива создания новых вооружений и их быстрого производства является причиной для серьезного беспокойства. Это ведет к идее установления тщательного контроля даже для тех из нас, кто является убежденным сторонником свободного развития технологии».

Молекулярные нанотехнологии, которые могут убить цивилизацию, с другой стороны, обладают большим потенциалом созидания, чем разрушения. В этом их отличие, скажем, от ядерной энергии, неудержимая мощь которой гораздо больше подходит для разрушения. В этом смысле прорыв человека в микромир очень похож на изобретение колеса, которое имеет гораздо большее применение в мирных целях, чем при создании оружия, где оно обычно работает лишь косвенно.

Остаётся опасность непредсказуемого поведения наносистем, их выхода из-под контроля человека. Сколько статей и рассказов было написано, где компьютер взбунтовался против человека. Но практика развития компьютерных систем показывает, что ничего подобного не происходит и не собирается происходить. Опасность такого рода возникнет только тогда, когда система осознает саму себя и у неё появятся собственные цели.

На современном этапе развития поведение компьютерных систем слишком жёстко ограничивается алгоритмическими программами. Кроме того, эти алгоритмы слабо связаны с ок-

ружающей средой, у компьютеров только сейчас появляется слух и зрение в виде микрофонов и видеокамер, а органов воздействия на окружающие предметы практически нет.

Развитие нанокomпьютеров неизбежно будет связано с созданием нейросетей, допускающих случайные отклики на внешние воздействия, и ростом взаимосвязи компьютер — внешний мир. Наряду с громадным ростом быстродействия и памяти в таких системах можно ожидать самозарождения сознания.

Но отказ выполнять волю человека может произойти не только из-за того, что наносистемы начнут проявлять свою волю, противостоящую воле человека, а из-за недостаточного понимания людьми последствий исполнения собственных желаний наносистемами. Человек не может предусмотреть всех последствий деятельности наносистем в силу их очень высокой сложности. Станислав Лем это образно описывает так: «По-видимому, когда в среде обитания появляются зачатки разума, когда этот разум пересаживают из голов в машины, а от машин, как некогда от мамонтов и примитивных рептилий, его унаследуют молекулы, и молекулы эти, совершая новые поколения смысленных молекул, преодолеют так называемый порог Скварка, то есть плотность их интеллекта настолько превысит плотность человеческого мозга, что в песчинке поместится умственный потенциал не доцента какого-нибудь, а сотни факультетов вместе с их учеными советами, — тогда уже сам черт не поймет, кто кем управляет: люди шустро или шустры людьми. И речь тут вовсе не о пресловутом бунте машин, не о восстаниях роботов, которыми давным-давно, когда в моде была футурология для масс, пугали нас недоучившиеся журналисты, но о процессе совершенно иного рода и иного значения. Шустры бунтуют в точности так же, как растущая в поле пшеница или микробы на агаровой пленке. Они исправно делают, что им поручено, но делают это все лучше и лучше и, в конце концов, начинают делать это так изумительно, как никому не пришло бы в голову в самом начале... И уж тем более никто не верил, что какие-то шустры получают превосходство над людьми — не угрозами и не силой, но так, как ученый совет, состоящий из дважды профессоров, превосходит мальчика в коротких штанишках. Ему не понять их коллективной мудрости,

как бы он ни старался. И даже если он принц и может приказывать совету, а совет добросовестно исполняет его капризы, все равно результаты разойдутся с его ребяческими ожиданиями, — например, захоти он летать. Разумеется, он будет летать, но не по-сказочному, как он, несомненно, себе представлял, не на ковре-самолете, но на чем-нибудь вроде аэроплана, воздушного шара или ракеты, поскольку даже наивысшая мудрость в силах осуществить только то, что возможно в реальном мире. И хотя мечты этого сопляка исполнятся, их исполнение каждый раз будет для него неожиданностью. Возможно, в конце концов, мудрецам удалось бы растолковать ему, почему они шли к цели не тем путем, который он им указал, ведь малыш подрастет и сможет у них учиться; но среда обитания, которая умнее своих обитателей, не может разъяснить им то, чего они не поймут, ведь они — скажем, наконец, прямо — слишком глупы для этого».

Кроме самопроизвольного неподчинения систем в силу их воли или глупости человека существует ещё много возможностей отказа наносистемы выполнить волю человека. Части этих отказов можно теоретически избежать, другой части нельзя избежать в принципе.

Системы наномашин кто-то будет проектировать. Разработка наносистем на начальном этапе требует огромных затрат труда. Естественно, люди, разработавшие наносистемы, могут предусмотреть в их программе подчинение лишь себе или покупателю, но отказ служить другим людям. Таким образом, мир может разделиться на две группы людей (фирм, компаний, государств). Одни наносистемы будут подчиняться, а другим не будут.

Лем о новом мире и создателях наносистем пишет: «Но если в этой перекроенной на новый лад гармонии что-то разладится, кто исправит ее? А так как кто-то должен ее к тому же запроецировать и запустить в производство, это лицо или группа лиц будут склонны самозванчески, явным или, что еще хуже, тайным образом взять себе роль Господа Бога в этом всепредставлении».

Практически невозможно избежать неповиновения наносистемы, если желания нескольких человек взаимоисключают друг друга. В этом случае наносистема, исполняя приказ одного человека, не будет повиноваться другому. Но этими вопросами занимается уже теория систем. Нанороботы в этом плане

ничем не будут отличаться от сегодняшних и будущих роботов, разве только нейропроцессором. Но и модели поведения нейросистем, несмотря на отсутствие аппаратных реализаций, хорошо проработаны и изучены.

Развитие молекулярной нанотехнологии даст возможность тщательно изучить процессы, протекающие внутри клеток организма. Есть большие основания полагать, что точное знание того, как функционируют клетки, позволит создать наномашин, ликвидирующие негативные изменения, происходящие в клетках и тканях живого организма, с течением времени. Возможно, удастся переделать программу, записанную в ДНК, так, чтобы «выключить» старение и улучшить генетические параметры организма. Тогда функции регулирующих наномашин возьмут на себя органеллы клетки.

Но не нарушит ли человек гармонию мира, искусственным путём достигнув бессмертия? Кроме проблемы перенаселённости Земли, которую, в принципе, можно решить, расселяясь по Вселенной, есть другие доводы против бессмертного человека.

Во-первых, поколение людей несёт с собой определённые моральные устои, мировоззренческие взгляды, и длительная жизнь одного поколения может привести к застою в развитии общества.

Во-вторых, с возрастом человек проявляет всё меньше интереса к жизни, в нём растёт усталость, груз накопленных знаний и переживаний гнетёт его, так что смена поколений необходима для поддержания активности всё время на высоком уровне.

В-третьих, опыт говорит нам, что любой развивающийся процесс в природе имеет своё начало и свой конец. Бесконечным может быть лишь стационарный или циклический процесс. Так как неотъемлемым атрибутом жизни является развитие, то любой жизненный процесс рано или поздно должен заканчиваться смертью.

Но отрицание возможности бессмертия не означает невозможность долголетия. Нет никаких принципиальных ограничений на длительность жизни человека, допустим, в 1000 лет. Таким долгожителем, скорее всего, можно стать с помощью молекулярной нанотехнологии. А дальнейшее увеличение длительности жизни будет зависеть от состояния общества и настроения каждого человека лично.

«Истинному» временному долголетию человека можно противопоставить альтернативный вариант «внутреннего» долголетия, которое может дать молекулярная нанотехнология. В этом случае внедрённые в мозг наносистемы так изменяют процессы мышления, что ход внутреннего времени человека многократно ускоряется. За прежний промежуток времени человек субъективно будет проживать во много раз больше. Но такому мозгу будет казаться, что весь мир впал в дрему, так как для него все физические перемещения будут выполняться очень медленно, будто в вязком сиропе. Вряд ли такое долголетие придётся по вкусу многим людям.

Переделка человеческого организма с целью излечения от болезней и увеличения продолжительности жизни с помощью молекулярных нанотехнологий будет возможна в достаточно отдалённом будущем (хотя по оптимистическим прогнозам это произойдёт в конце следующего века).

Подводя итог изложенному, можно отметить, что нанотехнология — без сомнения, самое передовое и многообещающее направление развития науки и техники на сегодняшний день. Нанотехнология может в корне изменить нашу жизнь. Появятся новые возможности, идеи, вопросы и ответы.

Сегодня кажется, что новый мир в наших руках. Однако на самом деле почти все массовые эксперименты ограничиваются лишь ловким гравированием атомами. Будущее же технологии закладываются ставшие уже традиционными области науки и техники. Микроэлектроника, робототехника, нейротехнология — привычные слуху названия, стоящие за сегодняшними науками, кажущимися практически бесполезными на фоне нанотехнологии.

Мы используем достижения новой технологии сегодня и уже не можем от этого отказаться. Нам уже сложно помыслить даже день без компакт-дисков, а также всего того, что мы не видим. Это то, что упрятано в корпуса машин, систем безопасности, контроля окружающей среды. Датчики на основе наноэлементов используются уже далеко не первый год.

Нанороботы в будущем создадут интеллектуальную среду обитания. Буквально все пространство будет пронизано ими, они, связываясь между собой, создадут глобальную сеть, с ко-

торой можно будет взаимодействовать без всяких терминалов. Благодаря огромному количеству этих роботов, сеть будет «распараллеленной», что позволит передавать информацию с невообразимой сегодня скоростью. К тому времени накопится достаточно «контента» для распространения, хотя, кто знает, может быть, по этим сетям будет передаваться и материя, ведь разработки в области телепортации также связаны с неизвестным именем IBM.

Практически всё, что обещает нам сегодня нанотехнология, можно ощутить сегодня благодаря смежным технологическим разработкам. Можно пожить в интеллектуальной техносреде — уже разработаны целые интеллектуальные дома, набитые умной техникой, включая пресловутый холодильник с доступом в Интернет. Микробототехникой занимается множество лабораторий по всему миру, например SANDIA и MEMX. Медицина — биоимплантаты, вживляемые в организм, несущие на борту от чипов с личной информацией до электронных органов. Нейропроцессоры и системы с параллельными алгоритмами существуют в программных реализациях. Они пусть медленно, но успешно работают. Конечно, эти разработки слишком велики по габаритам, чтобы сравниться с наноустройствами, однако уже сейчас мы можем оценить, чем мы будем жить в будущем, причём не слишком отдалённом.

Литература

1. **Drexler K.E., Peterson C., Pergamit G.** Unbounding the Future: the Nanotechnology Revolution. 1991; http://www.foresight.org/UTF/Unbound_LBW/index.html
2. **Drexler K.E.** Engines of Creation. The Coming Era of Nanotechnology. Anchor Books, 1986; <http://www.foresight.org/EOC/index.html>
3. **Drexler K.E.** Nanosystems. Wiley Interscience, 1992; <http://nano.xerox.com/nanotech/nanosystems.html>
4. MEMX Official Site www.memx.com
5. **Lem S.** Wizja Localna. Krakow, 1982.
6. Sandia National Laboratories Official Site www.sandia.gov
7. **Бёрд К.** Микроботы: технология будущего сегодня // Журн. «Компьютера» <http://www.computerra.ru/offline/2002/439/17343/>

8. *Лем С.* Осмотр на месте /Пер. К. Душенко // *Лем С.* Из воспоминаний Ийона Тихого. М., 1990; <http://el.bdb.ru:9080/BOOK/FANTASY/LEM/lem8.txt>

9. *Соловьёв М.* «Нанотехнология – ключ к бессмертию и свободе» // Журн. «Компьютера» <http://www.computerra.ru/offline/1997/218/829/>

10. *Лускинович П.* Нанотехнология // Журн. «Компьютера» <http://www.computerra.ru/offline/1997/218/828/>

Р.И. Соколова

Жизнеспособность государства и здоровье человека

1.

Проблема здоровья населения в России из области чисто медицинской давно уже перешла на уровень общественно-политический, мировоззренческий, приобрела государственный характер. Если проблему здоровья человека, а в более широком смысле — проблему его жизнеспособности — рассматривать в неразрывной связи с проблемой жизнеспособности государства, обнаруживается прямая корреляция между здоровьем людей, их жизнеспособностью и жизнеспособностью государства.

Рассмотрение этой проблемы в таком аспекте не только проливает свет на многие события современности, но и дает критерии для оценки деятельности государства, указывает на иные перспективы его существования. Кроме того, сама постановка данной проблемы затрагивает многие философско-политические проблемы первостепенной важности, побуждает обратиться к вечным, **фундаментальным** вопросам бытия, напоминает об их нерешенности, о необходимости поисков ответов на них. Поэтому нужно оглянуться назад, на пройденный путь, и вместе с тем попытаться заглянуть вперед, понять, что нас ждет, если оставаться на том уровне нравственного и научного багажа, который был накоплен за последние десятилетия и который, так или иначе, определяет мировоззрение и поведение нашего народа. Это ставит перед философией и общественными науками в принципе совершенно новые, нетрадиционные задачи.

Представление о государстве, основаниях и условиях его *жизнеспособности* является составным элементом картины мира, включающей также и систему взглядов на Вселенную, природу, на самого человека. Сегодня многие исследователи уже не сомневаются в том, что современное понимание мира, природы, реальности и человека является поверхностным, неверным и неполным. Это в полной мере относится к представлению об универсальном принципе жизни как таковой, который является ключевым в теме «жизнеспособность государства». Непонимание, игнорирование этого принципа современной самоуверенной цивилизацией приводит к роковым последствиям, выражающимся в деградации человека и окружающей среды.

Вместе с тем можно констатировать, что в отечественной философии уже обозначился серьезный интерес к проблеме жизни, проявившийся в анализе ряда аксиологических подходов к ней, основанных на различных мировоззренческих программах¹ и создающих определенную базу для исследования проблемы жизнеспособности государства. В сущности, есть два подхода к решению проблем государства: 1) с точки зрения материальной (приоритетной) – классовая борьба, национальные интересы и т.д. и 2) с точки зрения духовной, идеологической. Тема «жизнеспособности государства» меняет местами эти позиции, позволяя рассматривать духовную сторону не просто как некую надстройку над экономическим базисом, не являющуюся главным, определяющим фактором, а как нечто фундаментальное, от чего зависит жизнеспособность государства, а следовательно, жизнеспособность людей. В реальности так и происходит: достаточно вспомнить, что в основе возникновения советского государства лежало мировоззрение, определявшее все стороны жизни людей. Из этого следует, что всяким концепциям устроения государственной жизни предшествует обсуждение и решение метафизических, мировоззренческих вопросов, вытекающих из понимания жизни как наиболее емкого и многомерного понятия и соответственно – выбора вариантов жизни.

Несмотря на то, что проблема жизни, являющаяся во всем объеме своего содержания весьма сложной и многогранной, заняла свое место в современной отечественной философии,

все же широким общественным сознанием России она по-прежнему воспринимается упрощенно: либо в обыденном, либо в чисто биологическом смысле. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что на протяжении десятков лет данная проблема оставалась за пределами внимания отечественной философии.

Представляется, что назрела необходимость сосредоточить внимание на изначально высоком, строгом и сакральном смысле слова «жизнь» как она рассматривалась в большинстве философских и религиозных учениях, где слово «жизнь» означает жизнь достойную, чистую, нравственную, которая и составляет истинное счастье и достоинство человека. Этот смысл отличается от понимания, сложившегося в обыденном языке, в котором слово «жизнь» означает любое существование, в том числе — безнравственное и преступное. Примером тому и является современная российская действительность: вызов бездуховности достиг такого накала, что наше время все больше напоминает закат эры динозавров, когда они, разорив и опустошив землю, начали вымирать.

Казалось бы, в этой ситуации следовало бы найти иной способ жить, а также понять, что самая важная и неотложная задача — воспитание нравственного, внутренне гармоничного человека. Но вопрос об этом даже не стоит. В советское время ставилась подобная задача, однако в целом она так и не была решена. Оказалось, что на пути решения этой проблемы, как тогда, так и теперь, стоит главное препятствие — **миропонимание** людей, которое лежит в основе идеологии.

Упрощенно подойдя к сложному понятию идеологии, власти конституционно провозгласили отказ от идеологии². Вместе с коммунистической идеологией, вынужденно впитавшей в себя и традиционную духовность, массы и правящие круги утратили основные мировоззренческие представления, а также основополагающие моральные и духовные ценности, ничего не получив взамен. В результате наши граждане оказались участниками небывалого эксперимента, которое человечество за тысячелетия своего существования еще никогда не ставило в таком масштабе — **жизнь без моральных ценностей и духовных ориентиров.**

Но как могут граждане воспринимать мир, не имея никакого жизненного эталона перед собой, не имея никакого нравственного и государственного идеала? Ведь идеология (в широком, а не в узко партийном смысле) — это функция от идеала, т.е. представления о наиболее совершенном, идеальном состоянии как общества, так и человека; это своего рода компас или маяк. Жить, не понимая в чем сущность, смысл и цель жизни, не может ни человек, ни общество. У Сент-Экзюпери есть замечательная фраза на этот счет: «Кораблю, который не знает, в какую гавань он держит путь, никакой ветер не будет попутным». Эта идея плавания, не имеющего никакой иной цели, кроме самого плавания, наглядно выражена в очень ярком символе — «корабле дураков», который встречается в средневековой иконографии. Он отражает смысл, противоположный пониманию пути как **перехода, развития, спасения**. В изображениях «корабля дураков» часто встречается обнаженная женщина, стакан вина и другие символы земной похоти³. Данный символ, как ни один другой, подходит к нашему государству, из которого не только уходят понятия чести, совести, справедливости, но становится проблемой само его существование, жизнь и здоровье его граждан.

2.

Одним из ключевых направлений в изучении сложной и многогранной темы «жизнеспособности государства» является изучение процессов в динамике духовной сферы — образовании, культуре, нравственности, идеологии, возглавляемых и ведомых фундаментальной наукой, а также религии. Что касается науки, стоит еще раз обратить внимание на негативный факт (не раз обсуждавшийся в литературе), который послужил тормозом в ее развитии. Речь идет о вмешательстве эмпиризма, привнесенного более столетия назад Паоло Сарпи. Это привело к тому, что официальная наука разделилась надвое между **последователями классической науки** — Платона, Кузанского, Пачоли, Гильберта, Кеплера, Гюйгенса, Лейбница, Гаусса, Гумбольдта, Римана — с одной стороны, и **эмпиристами и картезианцами** — с другой. При этом все эмпиристы, особенно их ра-

дикальное крыло, именующее себя логическими позитивистами, утверждают, будто *жизнь есть результат действия механических принципов*. Последняя позиция сегодня представлена кабинетными доктринами тех, кто сводит жизнь к продукту молекулярной биологии. Влияние эмпиристской школы и ее последователей в огромной степени затормозило те достижения, которые могли бы свершиться. Механистический подход привел к возникновению ряда парадоксов и противоречий, к возможности *замалчивания важнейших и интереснейших вопросов о сущности и смысле жизни, о специфике живой природы*⁴. Основанная на постулатах и аксиомах локального видения законов природы, позитивистская механистическая картина мира и поныне остается господствующим мировоззрением, несмотря на то, что механицизм давно осужден классиками науки как тупиковое направление познания, а в науке сделаны опровергающие его важнейшие открытия.

Можно сказать, что в области познания человечество находится у поворотной черты. Оно прошло и до конца исчерпало путь, связанный с сугубо механистическим видением мира: «... Изучение глубинных структур косной и живой материи отнюдь не приближает нас к пониманию основ микро- и макромира. Мы по-прежнему не знаем природу электромагнитных полей, гравитации, ядерного взаимодействия, хотя научились пользоваться ими на практике»⁵. Зияющие бездны незнания обнаружались в современных науках о жизни, о Земле, Вселенной, человеке и обществе. На эти еще неисследованные тайны природы обращает внимание французский мыслитель Сатпрем: «Когда птицы летят из Арктики к лагунам Цейлона, им не нужно «думать» о маршруте своего полета; в каждую секунду они там, где должны быть, потому ...потому что карта мира летит вместе с ними, внутри них, или, наоборот, они летят внутри живой географии мира. Мы называем это словом «инстинкт», которое лишь прикрывает наше неведение; инстинкт мира — это то, чем является мир на самом деле, во всей полноте, без стен и барьеров»⁶.

Выжить можно, лишь понимая сущность жизни и феномен самого человека. Между тем кризис науки более всего проявляет себя *в главном — в оценке сущности человека, осознании его*

жизни и существования. Можно только согласиться с Фромом, который считал, что существование человека — не есть что-то само собой разумеющееся, это проблема; не ответ, но вопрос. При этом, что парадоксально, единственно возможным ответом являются лишь новые вопросы⁷.

3.

Понимание и оценка самой сущности жизни и человека менялись на протяжении веков. В античный и средневековый период отношение к человеку и государству определялось, исходя из идейно-религиозных оснований. В христианской культуре призвание человека как образа Божьего, наделенного свободой, достоинством, состояло в «обожении» не только самого себя, но и всего мира. Эта оценка подверглась коренному пересмотру в Новое время. Оно породило комплекс идей и ощущений относительно мира и человека, который А.К.Якимович описал под названием «антропология недоверия», подразумевающие недоверие к высокому предназначению человека⁸. То есть идеалы гуманизма и Просвещения создаются не из возвышенных помыслов и благородных дел, а вырастают из темной и гнусной материи реальных страстей человека и самых неблагоприятных его поступков. С наступлением Нового времени «постоянно предполагается, что в основе культуры, законов, власти, общества и морали лежит дикарская, скотская, нечеловеческая, докультурная субстанция, или ошибка природы, или случайность»⁹. Эта новая теория человека особенно ярко отразилась в искусстве и литературе. В то же время она имела далеко идущие последствия и для понимания государства, которое теряло ореол вдохновителя и создателя как собственного высокого предназначения, так и высокого божественного предназначения человека, превращаясь в институт, структуру, элемент социальной системы.

При этом важно подчеркнуть, что вопрос о происхождении и сущности человека, а также его месте в мире по-прежнему остается открытым: разумительного его понимания до сих пор нет. И это несмотря на то, что он является одним из основных в

истории философской и общественно-политической мысли. У Канта вопрос «что такое человек?» формулируется даже как основной вопрос философии. Все, что наука длительное время давала на этот счет и в течение более сотни лет через сферу образования внедряла в массовое сознание, оказалось достаточно сомнительным. Речь идет прежде всего о теории эволюции, теории происхождения человека¹⁰. В советское время установилось понимание человека как биосоциально-духовного существа. Но главный акцент ставился все же на трактовке человека как производного от общества, как его продукта. Поэтому анализ проблем человека был нацелен на выявление в основном его социальной сущности. Но жизнь упрямо доказывала: формировать личность с требуемыми социально полезными качествами никак не удается.

Сегодня большая часть ученых продолжает определять человека как биосоциальное существо, т.е. сущность человека трактуют как единство его биологического и социального начал. Правда, в 1990-е гг. «социального человека» начал сменять «человек виртуальный», у которого предполагается актуализация одной лишь возможности — нацеленность на информацию и коммуникацию, оставляя в стороне другие смыслы и функции человека. Однако концепция «виртуального человека» — это ни что иное, как новейшая попытка увести от понимания подлинной сущности человека. В целом и тот, и другой подходы представляются односторонними. Можно сказать, что современная наука пока не готова ни осмыслить, ни объяснить истинную сущность человека, который постепенно становится сам себе врагом. Возможно, этому мешают ошибочные представления о происхождении человека, широко внедряемые в сферу образования.

Таким образом, новые исторические условия и обстоятельства дают серьезный повод для сомнений во всемогуществе науки объяснить сущность человека. Ошибочность сформированных официальной наукой представлений о сущности человека сегодня оборачивается угрозой его выживанию, что вызывает необходимость их немедленного пересмотра. Только полнота и объективность представлений о человеке может быть основанием для создания плодотворных общественных теорий. В свя-

зи с этим было бы чрезвычайно важно установить верные изначальные понятия о человеке, как они складывались в науке, традиционной культуре и миропонимании.

Отдельные представители медицинской науки уже прямо высказываются в данном направлении. Так Д.Е.Мелехов пишет: «...по мере освобождения от примитивного механистически-материалистического мышления («психика – функция мозга, такая же, как выделение желчи – функция печени») возникает признание духовных ценностей, духовных основ личности, не сводимых к физико-химическим процессам»¹¹. Данное мнение совпадает со взглядом на человека В.Д.Трошина: «Организм мы рассматриваем в виде духовно-биологической, интегральной, саморегулирующейся открытой системы, находящейся в тесной гармонии с внешней средой, мирозданием и Богом»¹². Е.В.Ермакова утверждает, что «в теоретической мысли человечества широко утвердилось положение, согласно которому человек есть существо духовное. Это позволило выйти на анализ таких вопросов, как духовная жизнь человека, духовная культура личности»¹³.

Таким образом, по мнению некоторых представителей медицинской науки, наметившаяся тенденция в уточнении понимания сущности человека позволяет предположить, что некая пока не изученная наукой надсоматическая его организация, управляющая свободой выбора, вполне реально влияет на жизнедеятельность организма и на его физическое здоровье.

Исходя из этих соображений, в круг актуальнейших задач общественных (и естественных) наук было бы целесообразно включить выявление и переосмысление на новом уровне природы и механизмов функционирования духовно-нравственной сферы человека, находящейся как бы над его биологической организацией, т.е. сферы, где формируются персональные ценностные установки, актуализируемые и реализуемые волевым усилием.

4.

Современная Россия, вооруженная всем аппаратом западной науки, прошла равнодушно мимо самой темы духовности, не заметив, что отношением к этой теме, в конце концов, определяется судьба России. Представляется совсем неслучайным,

что отнюдь не обществоведы, а, казалось бы, далекие от темы духовности представители медицины первыми серьезно поставили данный вопрос в правильном направлении. И в этом есть своя закономерность, которую очень точно подметил И. Солоневич: «Если вы хотите прочесть чтобы то ни было разумное и о России и о Европе, вы должны обратиться к людям любой профессии.... Разница между профессорами общественных наук и всеми этими случайно пишущими людьми заключается в том, что профессора знают только теории и только цитаты. Остальные люди знают действительность и знают жизнь»¹⁴.

Такими людьми, хорошо знающими действительность и ее влияние на человека, как раз и являются медицинские работники, которые ищут возможности влиять на индивидуальное поведение человека и способ его жизни, обуславливающие большинство причин заболеваний. Именно они, в отличие от погруженных в абстрактные теории обществоведов, ближе соприкасаясь с жизнью, остро осознали необходимость создания фундаментальных основ общей теории здоровья, т.е. теории *жизнеспособности* человека. А это прямо перекликается с вопросом о *жизнеспособности государства*, ибо жизнеспособное государство состоит из жизнеспособных людей. Может ли быть жизнеспособным государство, население которого вымирает и почти на 90% нуждается в помощи врача-психиатра, согласно данным бывшего (до 1998 г.) министра здравоохранения Т.Дмитриевой и врача-психиатра знаменитого Института Сербского Б.Шостаковича¹⁵.

Если вести речь не просто о человеке, а именно о *жизнеспособном* человеке, то сегодня не только можно, но и нужно расширить представления о его сущности, обоснованно включив в них сферу идеальных ценностей, т.е. духовно-нравственную, надтелесную сферу. Это оказалось очень существенным для нервно-психического и соматического здоровья: «В последние годы ученые все чаще стали отмечать, что устойчивое здоровье зависит не только от особенностей биологической организации человека, но и от его поведения в природной и социальной среде. Это предположение находит подтверждение при анализе факторов, приводящих к новым заболеваниям»¹⁶. «Очевидно, медицина должна быть сильно заинтересована в том,

чтобы на 70–85% уменьшить заболеваемость населения, обусловленную, увы, духовным состоянием человека и общества, воспитательным браком общества»¹⁷. Данное предположение с высокой долей вероятности можно отнести к любой другой сфере общества – военной, судебно-правовой, сфере образования и т.д.

Россия столкнулась в последние годы с неожиданным и весьма нежелательным феноменом, не поддающемуся однозначному толкованию, но почему-то считающимся результатом научно-технической революции, а не той идеологии, которой она была инициирована и на фоне которой развивалась. Речь идет о заимствованной у Запада идеологии прагматизма, не предполагающей обращения к истокам духовной традиции. Это привело в конечном счете к катастрофическому оскудению духовности и нравственности, что выразилось в стремлении человека вооружиться в жизни преимущественно порочными ценностями, т.е. в его бездумной готовности следовать губительным путем.

Здесь и лежит корень всех проблем. Конечно, реальная практика функционирования СМИ и так называемых неправительственных некоммерческих организаций дает основание предполагать, что существует инициированная из-за рубежа целенаправленная политика по духовному разложению народа. Но дело не только в этом. Сам народ (если не весь, то очень многие его представители) как будто охотно участвует в реализации этих планов. И все больше авторов начинают констатировать многочисленные факты явного проявления порочных склонностей людей, которые отражаются на их стиле, способе жизни. Собственно, такое всегда было в истории, но сегодня масштаб этого явления совершенно иной. Самое первое и очевидное объяснение – то, что в обществе нет духовности, что духовность заменена материальностью. Жизнь без цели, ценностей и идеалов – это по большому счету нечеловеческое (можно сказать – скотское) существование, которое толкает на преступления, самоубийство, пьянство и прочее. Однако вопрос заключается в том, **каков механизм разрушения духовности.**

Как отмечают исследователи, происходящее в России так называемое реформирование направлено, в том числе, и на культуру. Но дело в том, что ни один культурный объект в принципе не подлежит реформированию, так как при этом разрушается мифо-

логия, на которой он основан (Э.Тейлор). Соответственно разрушается и порождаемая ею социальность. Представители психологической антропологии отмечают, что если народ живет в рамках своей духовной культуры, то *символы его культуры синхронизируют и гармонизируют действие эндокринной системы людей*. Разрушение родной культуры, а также воздействие чужой культуры и идеологии ведут не только к извращению ценностных ориентиров в их сознании, но и к разбалансировке процессов жизнедеятельности, а также включению противоестественных рефлексов и *изменению наследственной программы поведения*¹⁸.

Человек, как уже отмечалось, воплощает в себе три ипостаси: биологическую, социальную и духовную. Последовательное разрушение этого третьего элемента, в каких бы уголках мира это ни происходило, ведет к таким последствиям, которые позволили французскому писателю Сатпрему заявить, что «на Земле слишком много нелюдей. Может быть, это козлы, крысы или кролики, но это не люди. У них может быть наука, демократия, религия, но это не люди. Это сверхсложные пищеварительные тракты. Нет более фальшивого вида. Крыса — это то, что она есть, ни на что другое она не претендует. Человек — не то, что он есть... Человек и ложь неразделимы. Это говорит о том, что мы пока еще не люди... Наша ложь взрывается у нас на глазах. В этом суть всего происходящего»¹⁹.

Разбалансирование процессов жизнедеятельности людей, которое проявляется в неадекватном способе их жизни, очень существенно влияет как на жизнеспособность людей, так и жизнеспособность государства. Во-первых, способ жизни, как отмечают представители медицины, «выступает и в виде некоторого непосредственного индивидуального фактора нездоровья человека (50—55% случаев заболеваний); во-вторых, проявляет себя и в плохом состоянии окружающей среды — в виде опосредованного фактора нездоровья, с накопленным эффектом индивидуальной деятельности, отсроченным, порой и без вины конкретного человека (это 20—25% случаев заболеваний). Если сложить вместе приведенные цифры, то получается, что способ жизни людей охватывает уже 70—80% всей совокупности причин, приводящих к расстройству здоровья — непосредственно или опосредовано»²⁰.

Следовательно, в качестве главных причин, обуславливающих в целом риск новых заболеваний (а также травм, отравлений и т.п.) через проявление «индивидуального фактора», обнаруживают себя две причины, находящиеся вне охвата сферы здравоохранения и медицины: 1) неадекватность выбора человеком ключевых ценностных ориентаций, 2) несформированность у людей воли, причем воли нравственного качества. Из этого вытекает, что человек в своей жизни и деятельности руководствуется преимущественно персональными ценностными ориентациями, при этом значительная часть из них, воплощаемых на практике, вредны для самого его носителя и для окружающих. Было высказано также предположение, что неблагоприятное индивидуальное (в выборе способа жизни) и всего человечества (в эксплуатации планетарных ресурсов и ее последствий для среды обитания) указывает на то, что биосоциальная сущность человека не является ни приоритетной, ни исчерпывающей.

Изложенное дает основание выдвинуть гипотезу о том, что сущность человека более адекватно могут отражать не его биологические потребности и не социальные условности, а персональные ценности, которым он следует. Их реализация определяет характер потребностно-мотивационной сферы человека и влияет на формирование его качеств как индивида и личности. Иными словами, сущность человека может быть выражена через определенные присущие ему специфически человеческие и, безусловно, приоритетные качества — духовно-нравственные качества.

Изменение представлений о человеке на основе новых научных данных позволило бы включить в арсенал здравоохранения и медицины новые возможности влиять на индивидуальное поведение человека и *способ его жизни*, обуславливающие большинство причин заболеваний. Речь идет о перспективности неизвестного в современной медицине и здравоохранении пути профилактики заболеваний — на духовно-нравственной основе, т.е. на основе формирования или коррекции ценностных ориентаций индивида и личности. По мнению представителей медицинской науки, следствием проведения исследований в указанном направлении должно стать нивелирование влияния названного выше «индивидуального фактора», кото-

рый обуславливает сегодня до 70–85% новых обращений за медицинской помощью. На практике же превентивная медицина пока не готова к устранению индивидуального фактора как главной причины заболеваний. На этот счет у официального здравоохранения нет даже концепции, вытекающей из общей теории здоровья. Последняя могла бы стать неотъемлемой составной частью общей теории «жизнеспособного государства».

Долгое игнорирование обществоведами понятий «жизнь», «жизнеспособность государства» привело к неразработанности и сопряженного с ними понятия «духовность». Речь идет о понятии, определение которого является прямой прерогативой обществоведов. Но после того, как последовательно рухнули две большие идеологемы духовности – дореволюционно-православная и советско-интеллигентская – образовались большие завалы из обломков разных представлений о «духовности». В зависимости от своих субъективных предпочтений из этих завалов извлекают разные элементы, поэтому можно встретить, например, такое определение духовности: «нищенство духа («блаженны нищие духом»); вовлеченность в религиозные отправления; склонность бравировать нищетой, телесной неопрятностью, житейской беспомощностью; слепая неприязнь к оригинальности, социальному и экономическому успеху, интеллекту, науке и технике»²¹. Однако здравый смысл подсказывает: не это одиозное содержание «духовности» дало возможность ей обрести популярность в публицистической риторике России последних лет. И не этим содержанием руководствуются представители медицины (а также правоохранительных органов), когда пишут о главенствующей роли духовности.

В целом в литературе выделяют два основных подхода, которые в той или иной интерпретации встречаются в разных изданиях, – светски-материалистический и религиозно-философский.

В качестве примеров *светски-материалистического подхода* можно привести следующие определения.

«Духовность выражает, прежде всего, нравственные, справедливые начала общественной жизни, свободу мысли, моральные нормы поведения человека в обществе, примат добра над злом. Она несводима к вере в Бога или монарха. Это уважение различных точек зрения, мнений, религиозных конфессий»²².

Источником духовности является здесь мировоззрение человека, философские и научные знания, которые определяют отношение к окружающему миру. Отсюда, однако, вовсе не вытекает, что человек обязан следовать этому в своей повседневной жизни.

Иногда вместо понятия «духовность» используется понятие «духовная жизнь», под которой понимают тягу к вершинам культуры: чтение книг, посещение театра, совершенствование своих творческих способностей, т.е. культурные потребности человека представляются как духовные²³. Тем самым ставится знак равенства между духовностью и культурным уровнем человека, или удовлетворением его культурных запросов, под которыми следует понимать скорее образованность человека, широту его познаний. Несостоятельность этого подхода легко обнаруживается в поведении и образе жизни самих работников культуры, искусства, литературы, средств массовой информации. Многие из них, будучи «культурными», демонстрируют свою безнравственность, считая ее «профессиональной» нормой. Поэт и прозаик Татьяна Бек говорит даже о хищных инстинктах творческих работников²⁴. Неприемлемость такого понимания духовности очевидна как для представителей медицины, так любой другой общественной сферы.

Естественнонаучная интерпретация, отражающая позиции нейрофизиологии, определяет духовность как психическое состояние, организующее психические процессы (мышления, внимания, памяти и др.), которые обеспечивают способность сознания работать с идеальными образами ценностей. Результатом проявления этой способности является персональный набор ценностных ориентаций.

Здесь обнаруживается явное смешение понятий «психическое», «душевное», «духовное». Эту тенденцию отражает и психологическая литература, где под душой принято понимать психику человека.

С общих позиций философии и психологии духовность человека определяется «в общем плане как собственно человеческий, глубоко личностный способ отражения и освоения действительности, детерминированный ориентацией познания и

деятельности человека на общественные ценности»²⁵. Недостаточность и неадекватность этого определения в современной ситуации становится все более очевидной.

Религиозно-философский подход исходит из того, что духовность — это, прежде всего, признание двуединства мира: мира вещественных («физических») ценностей и мира иных ценностей — духовных, более значительных и значимых. «Как существо духовное человек стремится преодолеть границы мира материального и устремиться к миру сверхчувственному, умопостигаемому. В этой устремленности к нематериальному проявляется удивительное свойство, отсутствующее у всех других живых существ и дарованное только человеку — духовность. Духовность имеет свои особые формы бытия, свои особые измерения, среди которых следует выделять духовную свободу, духовную ответственность и духовное достоинство»²⁶.

Отсутствие в обществе единой точки зрения на природу этого явления приводит к тому, что ни в медицине, ни в сфере образования, ни в обиходе нет единого понимания духовности человека. Положение запутывает еще и то обстоятельство, что человек в силу своего атеистического мировоззрения может и не признавать Высшего начала (Бога), но в результате традиционного воспитания часто следует идеальным ценностям (в религиозном смысле), воплощающим духовность.

Таким образом, складывается очень странная, парадоксальная ситуация: с одной стороны, как будто наметилась явная заинтересованность в использовании категории духовности в различных сферах общества — образовании, правоохранительных органах, культуре, особенно — в здравоохранении и медицине (на чем настаивают авторы книги «Духовность в медицине» (2004)). С другой стороны, отсутствует единое понимание того, что она собой выражает. То есть представители медицины через свою повседневную практику пришли к осознанию необходимости «духовности» для здравоохранения и медицины, но столкнулись с труднейшей проблемой — отсутствием точного смыслового наполнения понятия «духовность», о чем речь шла выше. От интерпретации этого понятия зависит содержание деятельности сферы здравоохранения и медицины, иных структур, а также степень моральной и юридической ответственности

ти их работников перед людьми и государством. «Очевидно, по этой причине и категория духовно-нравственного здоровья не нашла своего отражения ни в сфере профессионального медицинского образования, ни в профилактической медицине, ни в практике оказания медицинской помощи больным»²⁷.

Таким образом, на сегодняшний день духовность не предложена на официальном уровне, она не признана реально функционирующей ни в отдельном человеке, ни в обществе. А из-за отсутствия общепризнанного обоснования духовности эта категория продолжает подвергаться различного рода интерпретациям. И все же, несмотря на многочисленные интерпретации, есть смутное, интуитивно улавливаемое, но все-таки истинное понимание духовности, которую ищут, на которую уповают, связывают свои надежды. Особенно ясно она осознается в экстремальных случаях — во время войны, перед лицом смерти. Об этом свидетельствуют, например, надписи на памятниках солдатам Великой Отечественной войны, которые гласят: «Павшим воинам, стоявшим насмерть во имя жизни». Можно не сомневаться, что эта фраза не подвергнется множеству интерпретаций и большинством нормальных людей героическая смерть воинов во имя свободы и независимости Родины будет воспринята как высшее проявление духовности.

В повседневной, обыденной жизни духовность проявляется мало, поэтому всегда нужны были герои, ибо подражание героическому — это возвращение к ощущению смысла существования, а значит, истинному пониманию жизни и духа народа. «Вот почему каждый **живой** (выделено мной. — *Р.С.*) народ имеет и чтит, как умеет, своих святых и своих героев. Они те праведники, ради которых существует сырой материал этнографической массы, в них осуществляется миссия народа»²⁸. Не случайно выживают лишь те государства, где рождаются герои, подражание которым способствует как личному духовному здоровью человека, так и общества в целом. В России же проводится сознательная *дегероизация*. На любом российском канале ТВ дегероизации уделяют так много внимания, что скоро не останется не только в советской, но и в русской истории ни одной заметной личности, достойной уважения и памяти потомков. Низвергнуты не только бывшие герои, но замалчивают

ся и проявления героизма, случившиеся в наши дни²⁹. В таких условиях задача по духовному возрождению общества или определенной его сферы (здравоохранение, медицина) выглядит, увы, трудновыполнимой.

Общественная атмосфера потребительского общества, каковым стало и российское общество, не позволяет думать, оценивать, сравнивать, прогнозировать, поэтому за человека решают производители товаров и услуг, делая его бездумным потребителем. И чем дальше человек уведен обществом по пути деградации, тем длиннее его путь к осознанию как самой потребности, так и способов духовно-нравственного возрождения, и тем сложнее и болезненнее этот процесс. Следовательно, само общество, государство, власть — прямо или косвенно — делают духовность человека невыгодной и не востребованной его способностью.

Ученые давно связывают изменение вектора жизненных устремлений и общего взгляда на мир с развитием капитализма, торговли и применения денег как оптимального средства обмена. Такое объяснение привычно считается исчерпывающим, и на этой констатации, как правило, останавливаются. При этом не объясняется, что происходит с человеком, его сознанием, биологической природой, т.е. всем тем, что составляет механизм или носитель измененного мировосприятия. Интересную версию того, почему так случилось с человечеством и каковы пути исправления этой ситуации, дал американский ученый-офтальмолог Р.Каплан. Он сумел посмотреть на человека (и его зрение) в неразрывной связи с окружающим миром, что помогло ему сделать далеко идущие выводы относительно сознания человека, его возможной трансформации и влияния на него в зависимости от типа зрения³⁰. В своих исследованиях Каплан опирается на работы другого ученого — Р.Келлума (Нью-Йоркский университет).

В далеком прошлом, отмечает Келлум, зрение было направлено на выращивание или сбор пищи, служило целям охоты на животных. Поэтому человек был тесно связан с природой, был ее частью, одновременно будучи и частью общины. Человек наблюдал за сменой времен года и видел перед собой широкую панораму, будь то неоглядный простор природы или социаль-

ные взаимоотношения, необходимые для функционирования нормальной общинной жизни. Умение видеть давало возможность почувствовать, что человек — часть **жизни** в самом широком смысле этого слова. Умение видеть находилось в гармонии с умением смотреть. Для Келлума видеть и смотреть — не синонимы, а различные, неравноценные способы познания окружающего мира. Знание о мире было дано людям изначально, одновременно с возникновением цивилизации и самого человека. Собственно, это не было знанием в нашем теперешнем понимании, скорее — инстинктом, естественным сообщением со средой. И люди не то чтобы пользовались этим знанием — они им жили, поскольку не противостояли природе, а составляли с ней одно целое.

С развитием торговли, когда продовольствие и другие товары стали обмениваться на деньги, начал проявляться способ восприятия, который Келлум назвал близоруким. Теперь людям не нужно больше охотиться, используя свою дальность зрения: теперь они смотрят на то, что у них под рукой, например на пищу, на товары, разложенные перед ними, или на того человека, с кем они торгуются³¹. Применение денег сместило фокус с общей для всех природной среды, с общества, обеспечивающего взаимную поддержку, и с широкой панорамы, дающей ощущение того, что все части мира, включая людей, небо и планеты, действуют сообща, — и с осознания того, что их следует почитать. Вместо этого сформировался индивидуалистический, эгоистический взгляд, при котором конкуренция между людьми вышла на первый план, затмив собой и общество, и природу, и всю панораму в целом. Подобная трансформация приводит, в свою очередь, к перестройке мозга и разума. Биологической основой этой перестройки является постепенное увеличение роли присутствующих в мозгу, взаимодействующих между собой нервных клеток, обеспечивающих фовеальное зрение, при котором восприятие концентрируется на узком поле и управляется только интеллектом, без участия интуиции. Это и положило начало растущему дисбалансу, человек стал меньше «видеть», но гораздо большее «смотреть»³².

Таким образом, многовековая история человеческого общества демонстрирует явный переход от ориентации на «видеть», т.е. от взгляда, обращенного вовне, к преобладанию ори-

ентации на «смотреть» с его направленным внутрь узким фокусом. Из этого положения со всей очевидностью напрашивается аналогия, параллель между близорукостью и нашим обществом, все более сосредоточивающимся на «я»³³. В результате такого перехода, по мнению Келлума, «мы потеряли какую-то часть сознания. Мы все более продвигались внутрь, и наши тела стали центром нашего внимания. Это привело к утрате способности видеть нашу связь с окружающим миром»³.

Сознание становится близоруким, оно видит все так, как если бы весь мир существовал рядом, поблизости. Чем больше в жизни людей занимало «смотреть», тем больше сужалась та картина, которая возникала у них в уме. Одновременно с этим интуитивно-религиозное мировосприятие и духовное целительство как культурные нормы своего времени стали вытеснять науки — физика и медицина, порожденные физическим миром; они были сосредоточены на очень узкой области. Интуицию затмили когнитивные умозаключения. Вдруг оказалось, что если идею нельзя доказать научно, она имеет мало цены — или же ей и вовсе не следует придавать значения.

К счастью, сознание подобно зрению: «Это вещь живая, динамичная, только и ожидающая момента, когда можно будет проявить себя... Став сознательным, вы можете в любой момент перейти к дальноручной модели бытия»³⁴. Противоядие против «близоручного» зрения и поведения состоит, следовательно, в том, чтобы перефокусироваться и распространиться вовне, проникнув при этом в свое подлинное Я». А американский ученый Брюс Липтон предложил гипотезу в этом же ключе: «Измените восприятие, и вы сможете модифицировать вашу ДНК»³⁵.

5.

Ценность работ подобного рода заключается в том, что они позволяют перефокусировать мысль, «зацикленную» на экономических факторах, на область сознания, духовности, еще недостаточно изученных, но, несомненно, таящих в себе большие возможности. Как показали исследования, формирование личного взгляда на духовность и нравственность у людей происхо-

дит не столько в сфере образования или на основе готовых ценностных идей, предлагаемых властными или некоторыми общественными структурами, сколько формируется на персонально-психологической основе в процессе обретения жизненного опыта. Это значит, что привести людей в духовном плане к единому знаменателю никакой — даже самой авторитарной — власти не удастся. Примером тому является система марксистского просвещения в СССР, которая была всеобщей. А сколько людей на деле восприняли ее в качестве фундаментальной ценности, сделав стержнем своего духовного мира? Развал СССР и последующие события показали, что таких людей было ничтожно мало.

Из практического опыта также следует, что в выборе, например, такой ключевой ценностной ориентации, как признание Бога реальностью, которая определяет способность обнаруживать в себе и востребовать духовно-нравственные качества собственной личности, люди занимают одну из двух диаметрально противоположных позиций.

Первая, доминирующая в обществе, позиция — позиция нигилиста, атеиста, которой ближе понятие «нравственность или мораль» (классовая, партийная, профессиональная). Его поступки, поведение, способ жизни обуславливаются определенного рода идейностью, которой человек вооружился, или сделал вид, что принял ее. Вместе с тем в России широко распространен сегодня своеобразный тип православного атеиста, т.е. личности, которая принимает, осознанно или неосознанно, этические начала Православия, однако не принимает собственно теологические постулаты, полагая, что данная этическая концепция осуществима без обращения к теме Высшего существа. Такая личность считает, что сам человек, не под страхом расплаты в ином мире, а исключительно в силу своих человеческих качеств, способен соответствовать гуманистическим нравственным ценностям.

Вторая позиция — позиция человека, верящего Богу, т.е. верящего Его Слово и принимающего к исполнению Его Закон — вне зависимости от того, соблюдает ли он обряды, культы, принимает ли участие в таинствах и т.п. Сторонник этой позиции придерживается понятия «духовность». Он выбирает

способ поведения, осознаваемый не через общепринятые в обществе стандарты, а через собственную духовно-нравственную сущность — на основе потребности к различению добра и зла, регулируемой психологическим механизмом совести. Поскольку жизнью такого человека управляет совесть, то его поведение в обществе становится истинно нравственным. Обретение устремленности жить и трудиться по совести с полным основанием можно было бы считать духовно-нравственным возрождением человека, возрождением от состояния бездуховности и безнравственности. Однако с материальных позиций, которые доминируют в обществе, поступать и жить по совести невыгодно — и это главная причина того положения, что большинство людей не хотят жить и трудиться по совести.

Таким образом, проблема востребования человеческой совести как неотъемлемой части духовности — актуальная на всем протяжении истории — приобретает особую остроту в современном российском обществе. Во все времена и во многих культурах наиболее успешно ее решала религия. Другие способы ее решения, например идеологические, оказались малоэффективными. Кроме того, прогрессирующее разрушение нравов, болезни, порождаемые этим разрушением, настоятельно требуют возвращения к духовной традиции. В связи с этим перед обществом встает задача переосмысления роли религии.

Существенный вклад в ее решение внес академик РАН Л.Н. Митрохин, который выступал против поверхностного объяснения причин возникновения религии (из-за страха перед грозными явлениями природы и попыток воздействовать на них при помощи религиозного культа), а также против объявления религии архаической формой культуры. Ученый исходил из понимания религии как одного из исторически закономерных способов решения фундаментальных проблем существования и предназначения человека. Поскольку человек в отличие от животного вынужден жить в культуре, то он может это сделать, «лишь вписав опыт своей быстротечной жизни в вечность, лишь ощущая «прислоненность» к неумирающим мирам. Именно христианство впервые в популярной и широкодоступной форме выразило эту скрытую интуицию человеческой истории. А в этом и состоит основная функция духовной культуры, которая

обеспечивает преемственность живого, личного опыта человечества»³⁶. Глубокое и вдумчивое отношение к феномену религии позволили Митрохину понять, что человечество подошло к такому этапу, когда его самосознание не может ограничиваться абсолютизацией земного опыта «овладения» природой. Слишком многое говорит за то, что настало время это признать.

В России многие люди вновь приходят к осознанию и пониманию значительной роли религии в обществе. Со стороны ученых и общественных деятелей также меняется сегодня отношение к религии и соответственно – к пониманию духовности. Показательны в этом отношении выступления ряда известных ученых и общественных деятелей в журнале «Фома», таких как декан факультета политологии МГИМО МИД А.Салмин, профессор МГИМО А.Зубков, профессор Ю.Вяземский, писатель, поэт Мария Галина, депутат ГД К.Затулин и другие³⁷. По мнению Ю.Вяземского, «религия является тем, что отличает человека от животного и фактически образует культуру. Если мы обратимся к древним пластам религии, то увидим, что оттуда все вытекает – в том числе и право, и экономика. Она все в нашей жизни предопределила и продолжает предопределять. Осознаем мы это или не осознаем, оторвались мы или не оторвались»³⁸.

Эта новая тенденция в обществе свидетельствует о том, что происходит некий поворот, который осуществляется не только под влиянием политических и социокультурных процессов в стране, но, видимо, является частью более широкого процесса, наблюдаемого и в России, и в западных странах. Сегодня многие западные исследователи приходят к выводу о том, что традиционные, религиозные ценности играют важную роль в определении социальных последствий (А.Тойнби, С.Хантингтон). Широко известный в России американский ученый Ф.Фукуяма, обратив внимание на огромную роль религии в прошлых культурных возрождениях, выражает надежду, что она и сегодня сможет играть аналогичную роль в духовно-нравственном оздоровлении общества, которое впало в состояние, названное им «Великим разрывом». Это состояние нашло свое выражение в распаде семей, внебрачной рождаемости, росте уровня преступности, алкоголизма, наркомании, распространения

азартных игр, проституции, социальной разобщенности и т.д. Он полагает, что «люди вернуться к религиозной традиции не обязательно потому, что они согласны с истиной откровения, но именно из-за того, что отсутствие сообщества и мимолетность социальных связей в мире заставляют их желать обрести религиозную и культурную традицию... Мы не стали настолько современными и светскими, что можем обойтись без религии»³⁹.

6.

Иные многочисленные способы вернуть в общество нормы и ценности, необходимые для восстановления жизнеспособности государства, оказались отвергнуты самой жизнью, поскольку в их основе всегда обнаруживались ложь и насилие. Современная Россия с ее псевдорыночной экономикой, с ее всепоглощающим культом денег как единственно значимой ценностью даже не озабочена проблемами, о которых пишет Фукуяма, предпочитая существовать фактически без употребления морали, совести. Задачу формирования духовности, системы нравственных норм и совести у молодого поколения пока не ставит и система образования.

Очевидно, усвоив свое происхождение от обезьяны, молодое поколение получает полное право быть бездуховным и безнравственным, и это право вручает им государство. Увы, на таких же мировоззренческих позициях – бездоказательных – в сфере профессионального образования продолжает формироваться врач, педагог, юрист, руководитель и даже законодатель, создающий государственные образовательные стандарты. Следует полагать, что первыми выйти из своеобразного «порочного круга» должны ученые, а первым нравственным шагом к такому спасению должен стать объективный, беспристрастный анализ ключевых факторов, влияющих на здоровье, жизнеспособность человека и общества.

Таким образом, физическое выздоровление человека и государства, восстановление их жизнеспособности начинается на духовном уровне. Никто не может заставить человека принять ту или иную религию. Между тем существуют незыблемые на все времена критерии нравственности и морали, предав забве-

нию, либо переступив через которые, человечество наносит себе непоправимый урон. Это заповеди, поведенные первым людям. Выполнять хотя бы 7 из 10 обязаны все, потому что в них заложен Всемирный Человеческий Кодекс жизни и поведения. Примером жизнеспособности человека во всей полноте этого смысла является Борис Тимофеевич Червяков, который живет в г. Железнодорожный Московской области. Он участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города, эколог. Все эти заветы он сконцентрировал для себя в четырех заповедях: *душу отдай Богу, жизнь — Родине, любовь — людям, честь и совесть оставь себе*. Ему 101 год⁴⁰.

Примечания

- ¹ Жизнь как ценность. М., 2000.
- ² Конституция Российской Федерации. Ст. 13, п. 2.
- ³ См.: *Яковлева А.* Корабль дураков // *Континент*. 2003. № 5. С. 2.
- ⁴ В значительной степени по этой причине и научные свидетельства, на которые, например, ссылается Вернадский, говоря о принципе жизни как таковой, разбросаны в ряде публикаций в виде отдельных фрагментов.
- ⁵ См.: *Ажажа В.Г., Белимов Г.С. К* вопросу об информационной первооснове микро- и макромиров Вселенной // *Филос. науки*. 2001. № 1. С. 125.
- ⁶ *Сатпрем*. Разум клеток. СПб., 2003. С. 51.
- ⁷ *Фром Э.* Психоанализ и религия // *Сумерки богов*. М., 1989. С. 205.
- ⁸ *Якимович А.К.* Художники Нового времени // *Вопр. философии*. 2005. № 3. С. 76–77.
- ⁹ Там же. С. 77.
- ¹⁰ В 1960–70-е гг. нарастали сомнения среди ученых по поводу дарвинизма. Известные палеонтологи Найлс Эддредж и Стивен Джей Гульд опубликовали свою новую теорию «прерванного равновесия», чтобы объяснить отсутствие переходных, эволюционных форм среди окаменелостей (такие формы должны были быть найдены согласно неodarвинизму). Факты находок окаменелостей совсем не соответствовали дарвиновским ожиданиям.
В 1960–70-е гг. нарастали сомнения среди ученых по поводу дарвинизма. Известные палеонтологи Найлс Эддредж и Стивен Джей Гульд опубликовали свою новую теорию «прерванного равновесия», чтобы объяснить отсутствие переходных, эволюционных форм среди окаменелостей (такие формы должны были быть найдены согласно неodarвинизму). Факты находок окаменелостей совсем не соответствовали дарвиновским ожиданиям.

Уничтожающий обвинительный приговор дарвинистской эволюции вынес Пьер П. Грассе, один из величайших в мире биологов и экс-президент французской академии наук, в книге «Эволюция всего живущего» (1973). В 1980-е гг. все больше ученых открыто признавали, что дарвиновская теория не согласуется с новыми данными геологии, палеонтологии, астрономии, генетики, физики, биохимии и других наук.

В 1985 г. вышла книга австралийца, специалиста по молекулярной биологии, Майкла Дентона «Эволюция: теория в кризисе», предлагавшая систематическую критику современной эволюционной модели в свете различных научных дисциплин.

В 1991 г. профессор Джонсон выпустил книгу «Дарвин под судом». В 1996 г. профессор биохимии Майкл Бехе в своей книге «Черная коробка Дарвина» убедительно показывает, что новые поразительные открытия в биохимии никак не могут быть размещены ни в одной из ниш дарвинизма.

В 1997 г. смелый удар по дарвинизму наносит еще одна книга «Не случайно!» доктора Ли Спетнера. Израильский биофизик и специалист по генетическому коду Спетнер не только доказывает, почему случайные мутации никогда не произведут тех изменений, на которые претендует эволюция, но и предлагает новые научные проекты для исследования того, каким образом у каждого отдельного организма возникают вариации внутри строгих генетических ограничений.

В 1998 г. вышла книга «Вывод проекта» Вильяма А. Дембовского, профессора математики и философии. Исходя из законов математической вероятности, Дембовский решительно доказывает, что случайные естественные причины не могут привести к сложным биологическим комплексам.

¹¹ Цит. по: *Андрущакевич А.А., Трошин В.Д., Зайцев Р.М.* Духовность в медицине. Н. Новгород, 2004. С. 18.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 120.

¹⁵ См.: *Савельзон О.И.* Россия и несвобода, Израиль и псевдомир // *Филос. исслед.* 2005. № 3–4. С. 87.

¹⁶ Духовность в медицине. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ См.: *Личность, культура, этнос (Совр. психол. антропология).* М., 2001.

¹⁹ *Сатпрем.* Цит. соч. С. 231.

²⁰ Духовность в медицине. С. 9.

²¹ *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика — психологию-прогнозирование. М., 2004. С. 313.

²² *Осинов Г.В.* Идеи для России // *Рос. вести.* 1996. 19 июля.

²³ См.: *Литцук В.А., Мосткова Е.В.* Технология повышения личного здоровья. М., 1999.

- ²⁴ См.: *Бек Т.* // Независ. газ. 2005. 15 марта.
- ²⁵ *Петрова Н.И.* Развитие духовности личности через диалогизацию личности // Духовный мир человека: проблемы и перспективы: Тез. докл. регион. науч. конф. Н. Новгород, 2000. С. 55–57.
- ²⁶ *Маслова Е.Б.* О духовных измерениях человеческой жизни // Там же. С. 60–62.
- ²⁷ *Андрущакевич А.А., Трошин В.Д., Зайцев Р.М.* Духовность в медицине. Н. Новгород, 2004.
- ²⁸ *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 181.
- ²⁹ Так, например, в дни празднования 60-летия Победы ФСБ предотвратило теракт в Карачаево-Черкессии наподобие того, какой был в Беслане. И об этом, кроме маленькой заметки в одной из газет, практически ничего не сообщалось.
- ³⁰ *Роберто Каплан.* Сознательное зрение. М., 2003.
- ³¹ Там же. С. 53–54.
- ³² Там же. С. 54–55.
- ³³ Там же. С. 57.
- ³⁴ Там же. С. 169.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Митрохин Л.Н.* В.С.Степин и проблемы философии культуры // Вопр. философии. 2004. № 9. С. 77.
- ³⁷ См.: Приглашение к разговору // Фома. 2005. № 1.
- ³⁸ Там же. С. 7.
- ³⁹ *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2004. С. 378.
- ⁴⁰ Факт. 2005. № 48. 2 дек. С. 14.

РАЗДЕЛ 3.
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ЗДОРОВЬЯ

Л.В. Фесенкова

**Проблема общей теории здоровья: традиционные
и нетрадиционные концепции**

Создание общей теории здоровья, которая могла бы объединить в единую теоретическую систему данные медицинских, биологических, психологических, педагогических, экологических и философских наук, является сегодня центральной проблемой современной медицины.

Но в какой степени это достижимо? И возможна ли вообще единая общая теория здоровья на нынешнем этапе развития наук о человеке? Для прояснения этого вопроса рассмотрим, возможно ли объединить традиционные и нетрадиционные концепции медицины и на основе такого объединения создать интегральную теорию здоровья. Возможно ли, например, соединить концепцию «кармической медицины» С.Н.Лазарева с обычной теорией медицинской науки?

Лазарев стремится осуществить целостный подход к человеку, рассматривая его не только как организм. Он лечит не болезнь. Он лечит всего человека, причем его духовный план для Лазарева является определяющим. Автор считает, что этическая позиция человека играет главную роль в его здоровье, что нарушения этических норм и духовных параметров может вызвать не только болезнь, но и повлиять на всю его судьбу. Здоровье как состояние организма рассматривается им лишь как часть всей судьбы человека. «Опыт лечения показывает, что лечение во много раз эффективнее, если воздействие направ-

лено не на больной орган и даже не на весь организм, а на причину, вызывающую болезнь. Сколько ни лечи болезнь, если причина не устранена, она продолжает питать болезнь»¹.

В чем же он усматривает причину болезни человека? Ответ на этот вопрос лежит в сфере мировоззренческих убеждений Лазарева и связан с системой представлений оккультизма. Его доктрина опирается на учения о карме, перевоплощении душ и энергетические представления о мире. «Карма» является в этой системе взглядов основополагающим понятием. Оно возвещает о неотвратимости воздействия последствий всех поступков человека на его судьбу, ввергает его в плен жесточайшей необходимости, из которой нет выхода, нет спасения. Недаром Е.П.Блаватская называла закон кармы – законом Воздаяния. «Этот закон – сознательно или бессознательно, – писала она, – ничего никому не предназначает... Не волна топит человека, но личное действие несчастного, который самовольно идет и ставит себя под безличные действия законов, управляющих движением океана. Карма ничего не создает, так же как она и не предначертывает. Именно человек планирует и создает причины, и кармический закон приравнивает следствия, такое приравнивание не есть действие, но всемирная гармония, вечно стремящаяся вернуться к своему первоначальному состоянию, подобно луку, который, будучи слишком туго натянут, отдает с соответствующей силой»². В соответствии с этими представлениями С.Н.Лазарев полагает, что механизм кармы регулирует единство и взаимоотношения человека со Вселенной³.

Представления о карме находятся в теснейшей связи с идеей перевоплощения или реинкарнации. Эта идея одна из наиболее важных в оккультных учениях всех разновидностей и оттенков. Она дает ответ на многие глубочайшие вопросы о смысле и назначении человека, целях его существования. С точки зрения оккультистов, в процессе перевоплощения осуществляется кармическая справедливость. Они считают, что любое зло в нашем несовершенном мире, где часто несправедлив торжествует, а невинный обижен, объясняется прошлыми грехами человека в его предшествующих существованиях. И потому все происходящее в мире справедливо. Только незнание предыдущих существований окружающих нас людей заставляет нас де-

лать ошибочные заключения о несправедливости их судьбы. На самом деле несправедливость — это лишь кажимость. Блаватская писала по этому поводу: «Лишь знание постоянных перевоплощений... убеждает нас, что мы должны пройти через «Цикл Необходимости» и быть вознаграждаемыми или наказанными в новом воплощении за страдания, понесенные ими, или преступления, совершенные в предыдущей жизни...»⁴.

Принимая эту доктрину, Лазарев не учитывает, что она была раскритикована еще в 20-х гг. XX в. представителями русского религиозного ренессанса. Бердяев, например, оценивал их как упрощенный подход к сложнейшей и трагической проблеме зла в мире. Он писал, что теософии (окультному учению конца XIX — начала XX вв.) присуще эволюционное понимание зла и что на самом деле вопрос о происхождении зла и страданий получает в концепции Кармы и реинкарнации простой и ясный ответ, где снимаются все сложности, над которыми веками билась философская и религиозная мысль человечества. И потому решение вопроса о добре и зле в доктрине Блаватской наиболее привлекательно для обыденного сознания, склонного к наиболее простому подходу ко всем проблемам⁵.

Кармическая медицина С.Н.Лазарева ориентирована на энергетическое мировоззрение, которое исповедует современный оккультизм. Считается, что мироздание является огромной энергетической системой, а человек — одна из структур этой системы. В огромном поле энергетики происходят сложные процессы, в первую очередь связанные с энергетическим обменом⁶. Научная картина мира заменяется биополевой. Причем представления о человеке, весь сложный комплекс его духовных, социальных и культурологических характеристик неправомерно упрощаются и рассматриваются исключительно как энергетические феномены. Любовь, добро, красота — все понимается в системе биополей разной степени тонкости, вибраций на разных планах бытия — т.е. приобретает физические характеристики. В соответствии с этими представлениями, Лазарев считает, что «подсознание и биополе — это одно и то же, и любое воздействие на биополевые структуры есть воздействие на подсознание, на все системы физиологической и психической саморегуляции»⁷.

Основная идея Лазарева, на которую он опирается в своем целительстве, это взаимосвязь человека со всем миром, Космосом, Эволюцией Вселенной. По его мнению, энергетические потоки в человеке и мире подчинены единому космическому закону, от осуществления которого зависит здоровье или болезнь человека. Он полагает, что законы этики являются фундаментальными законами мира и что нарушение этих законов нарушает также и гармонию человека с миром и является в конечном счете главной причиной заболевания его организма. Болезнь человека и состоит в нарушении им законов космического целого, а излечение — в восстановлении этой гармонии. Сверхзадача человеческого существа — осуществление заложенной в нем цели. Но само понимание цели жизнедеятельности человека принимает у Лазарева сугубо оккультный характер. Оно включает не только самого пациента, но и его родственников и знакомых, а также и предшествующие существования людей, его окружающих. Оно распространяется на животных и растения, ему принадлежащие, и даже на вещи, с которыми соприкасается пациент. Растения, например, могут невзлюбить человека и послать ему заряд агрессии, вызывающий болезнь. Для исцеления надо покаяться перед растениями — осознать свою вину перед ними, а не принимать лекарства и не употреблять мази. Отношения с телевизором также могут иметь роковые последствия: например, человек не любит смотреть политические передачи. И тут же получает наказание от самого обиженного телевизора, который, рассердившись, выпускает в него заряд отрицательной энергии. И тщетно человек пытается излечиться, обращаясь к обычным врачам и принимая обычные лекарства. Этим он только усугубляет дело, не подозревая, что виновник болезни — его собственный телевизор⁸. Или золотая цепочка. Она только лежит забытая в каком-то шкафу. Но оказывается, что она-то и является причиной заболевания лиц, проживающих в этой квартире. Таковы конкретные формы подхода к человеку в мистическом и энергетическом мировоззрении Лазарева. В таком мире жить становится страшно. Потоки энергетической агрессии подстерегают несчастного, ничего не подозревающего человека повсюду. Они истекают из прошлых грехов прабабушки, собственных собак, котов, растений, теле-

визоров, цепочек... К тому же еще и вампиры отсасывают энергию. Бедный человек напрасно мечется, не понимая причины своих заболеваний. А рецепт один — любить и каяться. Любить прабабушку, телевизор, рыб в аквариуме... и просить у них прощения. Лекарства не помогут. Врачи не могут указать истинной причины болезни. Только обращение к самому Лазареву все может поправить.

Эти представления Лазарева о человеке и мире находятся в вопиющем противоречии с научными данными. Он игнорирует представления современной медицины о закономерностях функционирования человеческого тела, отрицает открытия генетики, полагая, что передача наследственной информации происходит через полевые структуры материи, которые передаются детям от родителей. Все научные авторитеты он бестрепетно отвергает. Для него не существует ни Ламарка, ни Дарвина, ни Эйнштейна, ни других гигантов науки, воззрения которых лежат в основе современных представлений о мире. Вместе с Лазаревым мы возвращаемся в глубокую древность, где не слышали ничего ни о естественном отборе, ни о теории относительности, ни о современных космогонических теориях. Вместо этого он предлагает нам архаические представления магии и оккультизма, которые в соответствии с требованием момента облачаются в «научные» одежды. Такое целительство чревато большим риском для здоровья пациента, который может пропустить действительно серьезные нарушения в работе своего организма. Позиция Лазарева опасна тем, что этот «врач» полностью отвлекается от реального физического состояния больного. Берясь лечить самые тяжелые болезни кармическим путем, Лазарев подвергает здоровье и даже жизнь своих пациентов серьезной опасности. Фактически он берется за то, что человеку непосильно — за изменение его судьбы. Он замахивается на сверхчеловеческие цели. Это уже не врач — это пророк. Им по существу и выступает Лазарев, направляя пациента по оккультному пути и наполняя его жизнь псевдонаучными, мистическими представлениями.

Итак, кармическая медицина Лазарева ориентирована на восточную философию и содержит определенную картину мира, в соответствии с которой возможно использование энер-

гии из потустороннего мира. Следовательно, удвоение бытия, признание существования наряду с видимым невидимого мира лежит в основе «кармической медицины». В этой системе здоровье человека не является главной, безусловной ценностью, оно производно от другого концепта, аксиологически более важного — универсальных законов Космоса.

Иначе обстоит дело в современной медицинской системе взглядов на мир. Она также имеет свою философию, т.е. общее видение мира и человека в мире. Но видение это резко отличается от рассмотренных выше представлений оккультной медицины. Современная медицина исходит из общепринятых в научном сообществе понимания фундаментальных законов бытия и представлений о человеке, в котором физическое определяет психическое, а мысль рассматривается как функция мозга. Основа всего — материя, физическое, физиологическое, ТЕЛЕСНОСТЬ. Основу же оккультной медицины составляет мифологическая (биоэнергетическая) картина мира и человека. И если современная медицина имеет своим мировоззренческим основанием МАТЕРИАЛИЗМ, то медицина оккультная, как правило, ориентирована на ПАНТЕИЗМ.

Попытки объединения этих различных представлений обычно сводятся к включению отдельных концепций (или методик) нетрадиционной медицины в научные представления о здоровье. При этом сама теория здоровья остается европейской, а элементы восточной медицины оказываются вне всякой теоретической основы. Или, наоборот, в оккультную систему взглядов включают элементы научных медицинских концепций (что с успехом делает оккультизм, выдавая свои теории целительства за «научно доказанные»). В этом случае основная концепция остается оккультной, сохраняя все ее мировоззренческие характеристики (идею кармы, переселения душ, Космического Разума и т.д.), а не становится синтезом оккультных и научных представлений о здоровье.

А возможна ли интегральная теория здоровья в рамках только научных представлений о мире? Существует ли, например, возможность синтеза представлений о психическом здоровье великих психиатров — Фрейда, Адлера, Юнга? На первый взгляд, кажется, что единство объекта и понятийного поля этих

концепций должно обеспечить возможность их интеграции в единую систему. Однако это не так. Слишком глубоки различия в базовых установках этих направлений: психоанализ Фрейда построен на глубоко пессимистическом понимании природы человека. Методы Адлера строятся на ином отношении к нему — это жизнеутверждающий, оптимистический подход, имеющий своим основанием образ волевого, борющегося за свое существование и побеждающего человека. Глубинная психология Юнга базируется на мистическом понятии коллективного бессознательного и индивидуации как способе достижения психического здоровья. Школы когнитивной и гуманистической психологии имеют другие предпосылочные основы, так же как и школа бихевиоризма, совершенно несовместимая с классическим психоанализом Фрейда. Приходится заключить, что несходство в мировоззренческих постулатах приводит к возникновению различных (и даже альтернативных) школ в психологии. (Как мы отмечали, мистика Юнга и механистический материализм Фрейда обуславливают различное понимание человека и его здоровья). Оказывается, что сегодня затруднительно создать единую систему представлений даже в такой сравнительно узкой области, как психика человека. И это в представлениях только одной науки — науки о психическом здоровье человека!

Что же говорить об объединении теоретических представлений о здоровье, бытующих в различных по своему характеру науках, изучающих человека? Общая теория здоровья не может ограничиться синтезом психологических концепций. Она претендует на интеграцию и других областей знания о здоровье человека — социального, морального, духовного. Каждая из них обладает своими собственными теоретическими основаниями, собственной понятийной системой, собственными представлениями о сущности человека.

Сама установка на интегральность исследований здоровья и на становление таким путем новой научной дисциплины обязывают к определенным выводам. В самом деле, заявить о создании науки, находящейся на стыке медицины, биологии, психологии, культурологии, социологии и других наук о человеке, значит замахнуться на построение общей теории здоровья че-

ловека, обладающей собственным понятийным аппаратом, способным объединить биологические и социальные параметры человека и работать с социокультурными факторами, влияющими на него, так же, как и с факторами физиологическими. Новая теоретическая система должна учитывать действие на здоровье таких нематериальных факторов, как смена ценностных ориентиров и мировоззренческих установок и изменение социального престижа индивида и общества. Она должна иметь возможность исследовать психосоциальное воздействие экономических, идеологических и политических факторов как на внутренний мир человека, так и на его организм.

Разработка такой теории представляет собой одну из самых грандиозных задач, которую когда-либо ставила себе наука. Эта задача соотносительна с задачей философской антропологии, которая стремилась объединить все науки о человеке и на основе этого синтеза построить единую науку о нем. Очевидно, что поиск путей построения общей теории здоровья протекает в одном русле с все возрастающим в последние годы стремлением «понять человека во всей целостности его бытия, в единстве его духовного и телесного начал»⁹. Методологически важно осознать, что проблема создания интегральной теории здоровья связана с этой – труднейшей – проблемой, поставленной философией человека, – поисками единого подхода к нему.

Ученые, разрабатывающие эту проблематику, отчетливо понимали ее сложность. Трудность ее решения связана с многомерностью человека. Б.Т.Григорьян писал: «Философские антропологи и представители конкретных наук в качестве специфически человеческих выделяют самые различные свойства и особенности человека. Отмечается его биологическая неспециализированность, неприспособленность к чисто животному существованию, необычайная пластичность его биологической организации, особое анатомическое строение... Лишь человек обладает традицией и языком, памятью, высшими эмоциями, способностью думать, отрицать, считать, планировать, рисовать, фантазировать. Только он может знать о своей смертности, любить в самом высоком смысле слова, лгать, обещать, удивляться, молиться, страстно желать, грустить, презирать, зазнаваться, плакать и смеяться, обладать юмором, играть роль,

познавать, опредмечивать вещи и явления окружающего мира, свои замыслы и идеи, воспроизводить существующее, известное ему, и создавать нечто новое, не существующее ранее в условиях данной ему действительности»¹⁰.

Человека изучает целый комплекс разнородных наук, каждая из которых обладает своим собственным понятийным аппаратом, отражающим лишь определенную область человеческой жизнедеятельности. Интегрировать эти науки в единую теоретическую систему чрезвычайно трудно вследствие различия (а часто несовместимости и даже противоречивости) исходных предпосылок и выводов этих дисциплин. При этом каждая из них порождает лишь частичное представление о человеке. П.С.Гуревич убедительно показал, что разные науки о человеке выстраивают разные его образы¹¹. Социология ориентирована, например, на иной образ человека, чем медицина и психиатрия. А теологи, политики, биологи, этнологи, экономисты – все подступают к проблеме целостности человека с собственных точек зрения. И потому стремление к синтезу «различных научных подходов обернулось пока разочарованием», – резюмирует этот ученый¹². Но если биологические, культурологические, социальные, психологические и другие концепции человека не складываются в единую теоретическую систему, то как можно объединить и представления о здоровье, прямо вырастающие из этих несводимых друг к другу концепций человека, возникающих в разных дисциплинах?

Посмотрим, как подходят к решению этих методологических и теоретических вопросов теоретики валеологии, заявляющие о создании ими новой, синтетической науки о здоровье.

Что же на сегодняшний день представляет собой валеология? Обратимся к многочисленным публикациям по этому вопросу и посмотрим, как видят свой предмет сами валеологи. Вот определение В.П.Казначеева: «Валеология есть комплекс наук или междисциплинарное направление, изучающее причины здоровья, методы и средства его развития и сохранения»¹³. При этом здоровье определяется как «состояние полного физического, душевного, сексуального и социального благополучия и способность приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям внешней и внутренней среды и естественному

процессу старения, а также отсутствия болезней и физических дефектов»¹⁴. По В.И.Чмиленко, «валеология это наука о жизненных физиологических резервах организма, обеспечивающих устойчивость физического, биологического, социокультурного развития и сохранения здоровья в условиях влияния на него меняющихся факторов внешней и внутренней среды»¹⁵. Итак, предмет валеологии — это «демографические, социально-экономические, медицинские, культурологические аспекты здоровья».

Таким образом, эта новая наука стремится отразить всю систему факторов, воздействующих на человека, в том числе таких, которые выходят за узкие рамки медицинского подхода. Она не может ограничиться только телесным, медицинским подходом к человеку, но должна включить и внебиологические факторы воздействия на него, обращаясь к понятиям социального и духовного здоровья. Поэтому центральное для валеологии понятие «здоровье» предельно расширяется. Это уже не медицинское понятие, которое ограничивается знанием об организме человека. Если в медицинских науках «здоровье» понимается в биологическом и физиологическом смысле — как правильное (нормальное) функционирование организма, а болезнь как нарушение этого функционирования, то валеологическое понятие здоровья включает и другие параметры человека — психологические, социальные, духовные.

Однако рассмотрение трудов и учебников по валеологии показывает, что все заявки валеологии на системный подход (и на отношение к человеку как к системному существу) оказываются лишь декларацией. Как правило, сначала заявляется новизна валеологического подхода к человеку и его интегративный (системный) характер, а все остальное рассмотрение посвящается материалу из области медицины, профилактической медицины, гигиены, иногда психологии. Особенное внимание уделяется описанию половых органов и их функций, а также гигиене половой жизни. Такое изложение может сопровождаться вкраплениями поверхностных сведений из других областей знания, например юридических — из семейного права. И валеология тогда предстает как некая «крыша» для разных наук, ориентированных на исследование человека (разных его аспектов и сторон). Это конгломерат из разнородных дисциплин, но

ни в коем случае не синтез, поскольку науки, привлекаемые валеологией, остаются изолированными и никак не связаны между собой, оставаясь каждая со своим собственным понятийным аппаратом и своими различными теоретическими представлениями о человеке. Так что в лучшем случае валеология является бессистемным смешением различных наук о человеке и различных методик его исследования. Однако, как правило, основной корпус валеологических текстов состоит из физиологических и медицинских описаний, соответственно построенных на медицинской системе понятий.

Так валеологи весьма поверхностно подходят к методологическим проблемам создания целостной концепции здоровья. Как правило, они ничего не знают (и не хотят знать) о возникающих здесь теоретических трудностях, а просто декларируют, что валеология – интегральная наука на стыке всех наук о здоровье человека, не входя в подробности этой декларации и используя на деле лишь медицинский понятийный аппарат. Здесь они идут в русле общей направленности современной научной мысли, тяготеющей к натурализму, который не усматривает принципиального различия между миром природы и миром культуры, не считает с тем, что мир духа имеет свои законы и не учитывает, что их нарушение ведет к болезни. Адепты валеологии принимают натуралистический взгляд на природу человека как само собой разумеющийся, и потому центральный методологический вопрос об основании синтеза материальных и нематериальных (социальных, духовных) факторов здоровья в целостную концепцию решается ими однозначно. Рассмотрение валеологической литературы показывает, что в огромном большинстве случаев они стремятся достичь такого синтеза на основе мировоззренческих установок натурализма (хотя, как правило, без теоретического осмысления своих методологических операций). Например, Ю.А.Лебедев и Л.В.Филиппова пытаются выстроить общую теорию здоровья, распространяя натуралистические понятия (человек=«человеческая особь») на другие области знания о его здоровье и переводя понятие «социального» или «духовного» здоровья на медицинский язык¹⁶. В соответствии с этой установкой предполагается, что человеку важно акцентировать внимание на своем физическом состоя-

нии и научиться в какой-то мере управлять им. Для этого он должен быть ознакомлен с особенностями строения и функционирования своего тела и его органов. Человек должен осознать вред наркотиков, алкоголя, опасности заражения СПИДом. Преодолевать возможность раннего старения, импотенции, хронических заболеваний. И нет ничего удивительного, что для решения этих задач валеология уделяет преобладающее внимание органам человека и их функциям. Она нацелена на воспитание уважения к ТЕЛУ, на снятие моральных ограничений при рассмотрении всех подробностей отправления человеческого организма. В особенности это касается половой сферы. Научить маленьких девочек способам безопасного совокупления, бестрепетно раскрывая им то, что было окутано покровом тайны и находилось под запретом еще так недавно в цивилизованном обществе — это естественная позиция валеологии. Так проясняется реальная сфера интересов валеологов. Эта сфера — здоровье, понимаемое в самом обычном (обиходном) медицинском смысле.

Итак, «новая наука», претендующая на создание интегральной концепции человека и его здоровья, обладая лишь средствами понятийного аппарата медицины, в результате выстраивает натуралистический образ человека. С ее точки зрения человек является исключительно физиологическим существом, носителем болезней и здоровья. Все другие подходы к человеку — его образы в культуре, истории, искусстве, т.е. подходы гуманитарных наук — начисто исключаются, хотя, как правило, и декларируются. Человек предстает перед нами только как тело, как плоть, как организм.

Такой однобокий, плоскостной образ человека выстраивает и медицина. Но ни медицина, ни гигиена, ни другие дисциплины, исследующие профилактику болезней, никогда не претендовали на интегральный подход к здоровью, ограничиваясь своим предметом — телом человека и его функциями, в рамках которого биологический подход оказывался совершенно уместным. Когда же медицинский подход выступает как единственно возможный, то происходит переоценка ценностей: медицинский подход к человеку ЗАМЕНЯЕТ собой все другие подходы, рассматривающие человека как социальное и духовное существо. Тогда отсекается все ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ в человеке и возвеличи-

вається його ЖИВОТНОЕ начало. Такое чисто животное, телесное понимание человека (как человеческой особи) валеология стремится внести в современный менталитет. Она активно внедряет в наше сознание новый ИДЕАЛ человека.

Какой же идеал несет валеология? Это идеал всесторонне здорового человека. Это культ здоровья. В пропаганде этого культа валеологи видят выход из всех трудностей современного бытия. Они считают, что единственный выход из создавшегося положения для современного человека – обращение к проблеме здоровья каждого индивида. Культ здоровья ориентирует человека на видение только своего собственного организма, на необходимости уважения к его естественным отправлениям, что ведет к игнорированию психологической, социальной и духовной сфер человека. Их существование валеология совершенно не учитывает, преимущественно сосредоточиваясь на физиологических отправлениях организма. Такое видение вытесняет все другое. Мораль? Долг? Ответственность? Какая может быть ответственность перед больным супругом, когда мои органы требуют своего естественного отправления? Ведь валеология провозглашает, что нормальные отправления моих органов представляют собой наивысшую ценность жизни. К таким выводам эта «новая наука» приводит самой своей позицией. В процессе валеологического обучения мы узнаем, что мы – только плоть и что выход из всех трудностей нашего времени – это знание о том, как беречь эту плоть и лелеять.

Но представления о важности здоровья мы имели и раньше. Знали об этом из учебников медицины и гигиены. Но сверх этого мы ориентировались и на психологические и нравственные понятия. Мы узнавали, что человек – общественное существо. Мы чтити альтруизм, мы полагали, что личностью человека делает служение высоким целям (более высоким, чем телесные потребности). Мы считали, что выход из социальных трудностей не может сводиться к служению только себе и своему организму. Поэтому аксиологическая позиция валеологии для нас неприемлема.

Итак, валеология в своем целительстве ориентирована только на низшее, на биологическое в человеке, на то, что является общим у него с животным миром. Но, как давно уже отмечал

К. Юнг, нельзя вылечить человека, сказав ему, что он — животное. Этим можно только принизить его. П. П. Гайденко пишет, что если излечение происходит путем отсечения духовного в человеке, то само это исцеление может превратить человека в животное и привести К АМПУТАЦИИ ОРГАНА, который называется СОВЕСТЬЮ. А именно мучения совести позволяют человеку и человечеству восстановить нормальную жизнь духа. И напротив, облегчение совести, разоблачение нравственных запретов и желание излечить всех тех, кто эти запреты принимает слишком всерьез, желание сделать духовную и нравственную жизнь человека легкой и приятной приводит к тяжелым и опасным болезням духа, из-за которых человек становится хуже животного, ибо превратить его в доброе и веселое, благожелательное животное, как того хотелось некоторым филантропически настроенным благодетелям рода человеческого, невозможно¹⁷.

Конечно, валеологи не призывают открыто лишь к эгоистическому существованию. Но сама фиксация внимания исключительно на телесных функциях человека приводит к мировоззренческой АБСОЛЮТИЗАЦИИ ПЛОТИ и утверждает в общественном сознании (и прежде всего — в сознании молодежи) идеал человека как сознательного эгоиста — идеал сугубо индивидуалистический, рассчитанный на восприятие человека как атомарного, отдельного от всех существа.

Валеологи претендуют на создание такой науки, которая могла бы обеспечить человека универсальным способом оптимального жизнепроживания в любых условиях («в условиях изменяющейся внешней среды»), и делают заявку на создание универсального средства спасения. Это означает, что валеология принимает на себя мировоззренческую функцию, диктуя новое отношение человека к самому себе и к окружающим, задавая правила нового образа жизни, новые нормы и идеалы. Именно эти претензии валеологии на статус мировоззрения дают основание представить ее как новую валеологическую парадигму (НВП) и даже как «религию XXI века». И если медицина нейтральна по отношению к способу бытия человека, его ценностным установкам, традициям и нормам, то валеология крайне агрессивна. Она стремится сломать привычные, освященные традицией идеалы и устоявшиеся поведенческие сте-

реотипы, изменить самое представление о Добре и Зле. И более того, в высказываниях наиболее активных адептов валеологической дисциплины провозглашается необходимость создания нового человека и пересоздания всей сферы его сознания и бытия. Татарникова пишет, например, о возникновении нового эволюционно-валеологического сознания и о переходе человечества на новый путь развития¹⁸. Она считает, что валеологическая парадигма должна проектировать и творить будущее, включая в процесс творения самого человека на основе специальных валеологических знаний, способствующих самопознанию и саморазвитию духовных и нравственных начал.

Усвоение массами валеологических идеалов рассматривается теоретиками валеологии как путь к спасению нации: «распространение валеологических знаний спасет Россию от депопуляции», – утверждает В.Казначеев. Он связывает с валеологией надежду на возрождение многонационального российского суперэтноса. По его мнению, от распространения валеологических идей зависит даже планетарная миссия России. «Я думаю, что миссия России явить миру новый принцип возрождения нашей планеты», – пишет он. Новый период в формировании человека В.П.Казначеев называет периодом *Homo valiens* (человека здорового)¹⁹. Этот процесс связывается с историческими предпосылками возникновения планетарного человека с новым мышлением, иными ценностными ориентирами, иной деятельностью и иным образованием²⁰.

Как же воспринимает население педагогическую деятельность валеологов? Обращение к многочисленным отзывам показывает, что отношение к ней откровенно негативное. Мы сталкиваемся с возмущением матерей, дети которых подвергаются воздействию валеологической педагогики. Печать фиксирует психологические стрессы детей, отказывающихся посещать школу. Поступают даже сведения о судебных процессах, где рассматривается деятельность валеологов по развращению малолетних²¹. Видим, наконец, тревогу церковных кругов, обеспокоенных разрушением нравственных императивов народа²².

В отечественной периодике широко освещаются протесты представителей отечественной интеллигенции против валеологии. Наибольшую известность получило обращение к прави-

тельству виднейших ученых, писателей, врачей (академиков РАН Ю.П.Алтухова, Т.М.Энеева, Голицина, Г.С.Покровского – президента РАМН, писателей В.И.Распутина, В.С.Розова и многих других) к министру образования В.М.Филиппову, в котором говорится: «Через внедрение идеологии вседозволенности и распушенности идет процесс уничтожения глубинных основ семьи и государственности, унижение и попрание ценностей национальной культуры, разрушение традиционного нравственного уклада жизни. Нас, ученых, писателей и священнослужителей, не может оставить равнодушным то, что этот процесс, прежде всего, затронул главную силу, которая отвечает за будущий облик нации – школу». Эти представители российской интеллигенции характеризуют валеологию как лженауку, утверждая, что «Валеология сегодня по существу противопоставлена всем понятиям о духовных и нравственных ценностях, которые проверены человечеством на протяжении всей истории мировой цивилизации. В основе этой науки лежит идеология вседозволенности и бездуховности»²³.

Многие деятели культуры подчеркивают, что «Преподавание вопросов сексуальности в виде так называемой «половой гигиены» будет способствовать (как ныне установлено психиатрами, педагогами, детскими врачами) не повышению уровня здоровья, а, наоборот – резкому его снижению»²⁴. А по мнению крупнейшего российского сексопатолога Г.С.Васильченкова, такое просвещение ведет к «..образованию новой популяции – сексуально озабоченных, умственно отсталых биороботов»²⁵.

Итак, оказывается, что идеал сверхценности здоровья, внедряясь в массовое сознание, приводит к негативным социальным последствиям. Призывая опрокинуть ханжескую мораль прошлого и свободно выбрать собственный путь к счастью через здоровье, валеология фактически ориентирует на разрушение традиционных связей (клановых, семейных, религиозных) как косных форм, ограничивающих стремление человека к свободному осуществлению своих физиологических функций. Эта пропаганда философии индивидуализма объективно способствует распадению общества на отдельных хищных индивидов, что означает расширение процессов его хаотизации и криминализации. Можно сделать вывод, что валеология косвенно-

своими ценностными ориентациями поддерживает криминализацию нашего общества, поскольку она разрушает аксиологическую базу сопротивления человека преступлениям.

На словах теоретики «новой валеологической парадигмы» провозглашают необходимость перехода к новому типу исторического развития, альтернативному нашей потребительской цивилизации, но на деле они успешно работают на курс мировоззренческой адаптации населения России к рыночным отношениям, разрушая собственную духовную национальную традицию и способствуя утверждению ценностей рынка.

Хорошо известно, что формирование рыночных отношений начинается с повышения статуса материальной собственности и потребления и в СНИЖЕНИИ ЗНАЧИМОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО СТАТУСА, поскольку «все прежде ценное и значимое – мораль, человеческое достоинство, вера, духовное спасение, человеческие отношения, долг, верность – становятся объектом коммерции. Неизбежным результатом такого положения становятся не только принятие безличных рыночных связей, но и привыкание к поведению, считавшемуся девиантным, а затем имплицитное принятие криминализации во всех сферах жизни»²⁶. Валеологическая система ценностей, провозглашающая идеал человека-эгоиста, удивительно точно соответствуют культуре рынка, когда ценности добра, добродетели, истины, преданности, солидарности оказываются ненужными и вредными с точки зрения преуспевания. Так «новая наука», выступая в качестве мировоззренческой дисциплины, отбрасывает все культурные обретения человеческой цивилизации.

Неудивительно, что введение курсов валеологии в школах часто приводит к бурной отрицательной реакции населения, которое протестует против разращения своих детей валеологическим образованием, видит в нем «программирование на растрение» и выступает против того, чтобы Россия вновь (в который уже раз) превратилась в экспериментальную площадку для проведения опытов во имя утопических задач по спасению нации и планеты.

Неудовлетворенность такими идеями, наполняющими наше общественное сознание, вызывает потребность одухотворить образ человека. Желание видеть в его природе высшее на

чало составляет веяние эпохи, отражая глубинные запросы нашего менталитета. Поэтому настойчивое внедрение валеологического идеала, который сводит высшие ценности к превращенным формам биологических инстинктов, приводит к обратной реакции — к поиску духовной составляющей мира. Это стремление часто реализует себя через приятие оккультизма, который понимается как путь к раскрытию духовного в человеке.

Но, к сожалению, оккультизм ведет отнюдь не к духовности, а к дальнейшему упрощению взглядов на человека, так как не ограничивается биологическим подходом к нему, а продуцирует физикалистский взгляд. Современный оккультизм ориентирован на «энергетическое мировоззрение», которое сводит природу человека уже не просто к его животным инстинктам, а к закономерностям неорганических объектов — энергетическим (физическим) характеристикам, т.е. наиболее примитивному представлению о человеке, рассматривая все его высшие духовные проявления через «позитивную» и «негативную» энергетику.

Тем не менее оккультный способ «приобщиться к духовному» все шире распространяется в среде самих валеологов. Так сама Татарникова — авторитетный теоретик «новой валеологической парадигмы», вписывает представления оккультизма в систему медицинских, психологических, социальных взглядов на человека. Сведения о живой Вселенной, Абсолюте, Космическом Сознании наполняют ее труды. Из учебных программ, разработанных ею, мы с удивлением узнаем, что человек приобрел современный вид шесть миллионов лет назад, а трудиться стал три миллиона лет назад. Узнаем мы и о том, что человек участвует в творении мира: «Когда нас биологически еще не было, мы обнаруживаем себя в начале мира»²⁷. На эту тему она предлагает проводить медитации в школе по особым мистическим медитативным техникам, заставляющих школьников проникнуться оккультными знаниями о том, как «В полноте мига человек получает сжатую, компактную информацию о глубинных свойствах Универсума. В этом миге переживается отождествление с Универсумом. Татарникова ни мало не беспокоится, как такие представления можно соединить с теориями, прочно вошедшими в арсенал науки. Само введение мировоззренческих установок оккультизма в концептуальное поле валеологии в корне ме-

няет сам характер валеологической теории с МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО на ПАНТЕИСТИЧЕСКИЙ, выстраивает оккультный образ человека и магический образ мира, тем самым уничтожая малейшие претензии на научность такой концепции.

Поразительно, что такое изменение базовых установок валеологии не вызывает возражений со стороны других последователей валеологических программ. Это показатель полного хаоса в теоретических представлениях «новой науки». Стоит сравнить натуралистические установки В.В.Колбанова, который пишет, что фундаментом валеологии «являются материалистическое мировоззрение, знание физиологии человека, умение находить причинно-следственные связи и качественно-количественные характеристики здоровья при анализе взаимодействия организма с внешней средой»²⁸ с эзотерическими взглядами Татарниковой на человека, якобы состоящего из физического, астрального, эфирного тел, чтобы стала ясна вся мировоззренческая неразбериха в основополагающих представлениях «новой науки».

В самом деле, материалистическое и натуралистическое представление о человеке у Казначеева и у Колбанова никак не совмещается с теософским пониманием человека у Татарниковой и еще менее с заявлением о божественной природе человека авторов известного учебника по валеологии – Г.Л.Билич и Л.В.Назаровой. Отсутствие у валеологов единой базы для синтеза различных теоретических концепций здоровья лишает смысла их претензии на построение интегральной теории здоровья и делает стремление создать новые идеалы, новую систему ценностей и, наконец, нового человека совершенно беспочвенными.

Всем понятно, что социальное здоровье может быть достигнуто лишь в социально здоровом обществе, где соблюдаются права человека не только на свободу слова и выезд за рубеж, но и права на работу, на еду и тепло в доме, на жизнь. И никакая проповедь здоровья и здорового образа жизни не может помочь людям, находящимся в состоянии перманентного социального кризиса, всеобщей разрухи или лишения самых необходимых жизненных факторов. Поэтому можно сделать вывод, что задачи, поставленные «валеологической наукой» – вывести

российский этнос из кризиса и улучшить демографическую ситуацию средствами пропаганды здорового образа жизни — заведомо нереализуемы.

Однако во имя этих утопических целей ведется активная пропаганда валеологических идеалов, дискредитирующих все ценности нашего народа и его традиции, осуществляется насильственное обращение детей России в подопытных «человеческих особей», необходимых для валеологического эксперимента! Адепты валеологии создают иллюзию возможности спасения людей, находящихся в катастрофической социальной ситуации, сея напрасные надежды на реальность валеологического способа выхода из национального тупика и вводя в заблуждение общественное мнение страны.

Н.А.Демидов в статье с многозначительным названием «Нам предлагают здоровый образ жизни для... вымирающих» пишет, что концепция охраны здоровья населения России выглядит на «фоне бедственного положения большинства семей, по меньшей мере, кошунственно». Он утверждает, что остановить «запущенный губительный механизм демографического кризиса» возможно теперь не пропагандой здорового образа жизни, а конкретной заботой государства об улучшении благосостояния граждан, которая составляет прерогативу государства²⁹. Очевидно, что только ряд социальных мер может вывести из кризиса российский этнос, а отнюдь не занятие беспочвенным теоретизированием на тему создания общей, интегральной теории здоровья.

Но подведем итоги: широковещательные заявления адептов валеологии о построении ими общей теории здоровья не получают на деле позитивного решения. Это возвращает нас к вопросу о самой возможности создания системно-интегративной теории здоровья. Реально ли ее построение?

Мы отмечали уже, что многомерность человека обуславливает возможность построения несходных его образов. Например, с точки зрения марксизма, все многообразные свойства человека так или иначе определяются его социальностью. А для Тейяра де Шардена центральным системообразующим принципом является функция человека в отношении Бога. Так каждая мировоззренческая установка «высвечивает» нужные ей

характеристики человека из всего разнообразия его свойств. Понимание человека всегда зависит от взглядов на все бытие. Оно увязано со всей системой онтологических представлений о мире, и потому в разных мировоззренческих системах это понимание оказывается различным.

Очевидно, что соединение разнородных теоретических представлений в единую интегральную теорию возможно лишь в случае наличия некоторого ядра изначальных представлений, способного «склеить» знания о человеке и его здоровье, возникшие в разных науках, и задать общую структуру этой методологической операции. Это должно обеспечить концептуальное основание объединяемых теорий и создать единое понятийное поле, способное синтезировать данные разных наук в единую систему. При этом выделение такого теоретического ядра, дающего возможность разработки понятийного аппарата интегративной системы — это сложнейшая методологическая задача, которую философы пытались решать с различных мировоззренческих позиций. Б.Т. Григорьян, например, решал эту задачу с позиций марксизма, выделяя «социальное» как основное в человеке, чтобы, исходя из учения о социальной сущности человека, интегрировать вокруг него все другие его характеристики. В других философских системах это теоретическое ядро концепции человека усматривается в другом. Б.Г. Юдин и В.Г. Борзенков даже рассматривают проблему выдвижения той или иной научной дисциплины в качестве кандидата на роль стержня при интеграции данных всех других наук в единый теоретический «образ» человека³⁰. Однако в любом случае синтетическая теория человека должна основываться на единой метафизической программе, в рамках которой строился бы определенный образ человека.

Поэтому для построения интегральной теории здоровья необходимы единые мировоззренческие представления о природе мира и сущности человека, которые должны составлять ее предпосылочную основу. Сама постановка проблемы создания единой целостной системы здоровья должна начинаться с поисков этих единых постулативных оснований. И прежде всего с поисков единой позиции по вопросу о природе сознания человека, его духовности. Нужно решить, являются ли духовные

явления отражениями естественных процессов или они представляют собой самостоятельную структуру. В первом случае стираются принципиальные различия между миром природы и миром культуры и понимание мира человеческого отправляется от мира природного. И тогда понять явления духа — значит показать, каким образом они возникают из естественных — биологических и физиологических факторов. Во втором случае предполагается, что мир духа имеет свои непреложные законы, которые столь же непреложны в мире духовном, как естественные законы в мире природы. И их нарушение ведет к болезни и катастрофе, к разрушению и разложению духа³¹.

Об этом убедительно пишет С.А.Нижников. Он считает, что без интеграции мировоззренческих концептов единая теория здоровья невозможна. И потому, с его точки зрения, первоочередной задачей является нахождение общности в таких, казалось бы, альтернативных мировоззренческих системах, как христианство, буддизм, индуизм и даосизм. Он полагает, что надо создать цельное мировоззрение, синтезирующее все позитивные достижения человечества и только на этой основе создавать синтетическую теорию здоровья³².

Итак, вопрос построения интегральной теории здоровья концептуально и методологически связан с разработкой проблемы целостной теории человека. Трудности создания последней проясняют всю непомерную сложность задачи построения общей теории здоровья, которая стоит перед научной общественностью нашей страны и настоятельно требует своего разрешения.

Примечания

- ¹ *Лазарев С.Н.* Диагностика кармы. М., 1993. С. 40.
- ² *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина. Синтез религии, науки и философии. Т. 2. М., 1991. С. 382.
- ³ *Лазарев С.Н.* Цит. соч. С. 48.
- ⁴ *Блаватская Е.П.* Цит. соч. С. 383.
- ⁵ *Бердяев Н.А.* Теософия и антропософия в России. М., 1991.
- ⁶ *Шапошникова Л.В.* Пути восхождения. М., 1995. С. 14.
- ⁷ *Лазарев С.Н.* Цит. соч. С. 41.
- ⁸ Там же. С. 123–124.

- ⁹ **Григорьян Б.Т.** Понятие о человеке в современной философии // О человеке в человеке. М., 1991. С. 378.
- ¹⁰ **Григорьян Б.Т.** Философская антропология. М., 1992. С. 185.
- ¹¹ **Гуревич П.С.** Философия человека. Ч. 1. М., 1999. С. 5–6.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ **Билич Г.Л., Назарова Л.В.** Основы валеологии. СПб., 1998. С. 3.
- ¹⁵ **Чмиленко В.И.** Валеология. Учебное пособие. М., 1999. С. 4.
- ¹⁶ **Филиппова Л.В., Лебедев Ю.А.** Педагогика здоровья: из опыта работы Центра здоровья формирующих, образовательных технологий // Мир образования – образование в мире. 2001. № 1.
- ¹⁷ **Гайденко П.П.** Прорыв к трансцендентному. М., 1997. С. 252.
- ¹⁸ **Татарникова Л.Г.** Валеология в педагогическом пространстве. СПб., 1999. С. 13, 28, 7.
- ¹⁹ Уроки «Вологодского дела». М., 2000.
- ²⁰ **Казначеев В.П.** Основы общей валеологии. М.–Воронеж, 1997. С. 48.
- ²¹ Что скрывается под маской валеологии? М., 1999.
- ²² Открытое письмо министру образования РФ В.М.Филиппову // Уроки «Вологодского дела». М., 2000. С. 33.
- ²³ Жизнь. 2000. № 23. С. 18.
- ²⁴ Что скрывается под маской валеологии? М., 1999.
- ²⁵ **Ерасов Б.С.** Хаос и криминал // Свободная мысль. 2000. № 9. С. 26–27.
- ²⁶ **Татарникова Л.Г.** Валеология в педагогическом пространстве. СПб., 1999. С. 123.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ **Колбанов В.В.** Валеология. Основные понятия, термины, определения. СПб., 1998. С. 19.
- ²⁹ **Демидов Н.А.** Нам предлагают здоровый образ жизни... для вымирающих // Независ. газ. 2000. 20 окт. С. 3.
- ³⁰ **Борзенков В.Г., Юдин Б.Г.** Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека. М., 2001. С. 26.
- ³¹ **Гайденко П.П.** Прорыв к трансцендентному. М., 1997. С. 249–250.
- ³² **Нижников С.А.** Пути обретения здоровья и мировоззрение // Философия здоровья. М., 2001.

В.И. Аршинов

Встреча синергетики и медицины

То обстоятельство, что синергетика, ориентированные на нее подходы в принципе могут дать много ценного для современной медицинской теории и практики, само по себе сомнений не вызывает. Вопрос в том, как, каким образом методологический потенциал синергетики мог бы быть в медицине реализован. Как и каким образом могла бы произойти «встреча» синергетики и медицины, их взаимное узнавание, переоткрытие, и, наконец, конструктивная межличностная коммуникация?

Попытаемся дать предварительное представление об особенностях взаимодействия синергетики и медицины, их многоплановости, коммуникативности и личностности. Я никоим образом не претендую на исчерпывающую характеристику состояния современной медицины. Моя цель – обратить внимание на некоторые тенденции ее развития в контексте синергетического подхода. Я попытаюсь это сделать на двух примерах. Первый пример – это практико-ориентированный проект создания (переоткрытия) «третьей медицины», предложенный доктором П.А.Поповым. Второй пример связан с именем известного в США врача Эндрю Вэйля, автором ряда медицинских бестселлеров и лидером движения за реформу медицинского образования в Америке. А между изложением этих примеров я остановлюсь на нейролингвистическом программировании как практике создания (конструирования) новых автопоэтических реальностей, в которых психосоматическое состояние здоровья является доминирующим.

Термин «третья медицина» был предложен Поповым для обозначения нового состояния медицины как области знания о человеке, взаимопомощи и исцеляющей деятельности, объединяемых общей осознаваемой установкой на реорганизацию коммуникативных взаимосвязей врача и пациента таким образом, чтобы «дать место» в пространстве их взаимодействий и встреч синергетическим процессам самоорганизации и саморегуляции.

Поэтому третья медицина — это не альтернативная медицина. Ближе всего здесь термин «системная интегральная медицина», используемый В. Коноваловым¹.

Можно также говорить о новой медицинской парадигме, имея в виду его автопоэтический фрактальный смысл, конкретизируемый в свете представлений о рекурсии и рекурсивной самоорганизации.

В данном случае под парадигмой имеется в виду паттерн современного медицинского мышления, соединяющего в себе основанные на естественнонаучном знании и апробированные практикой врачевания биомедицинские модели человеческого организма с установкой на возрождение традиций целительства и новое понимание состояния здоровья и болезни человека. Этот образ новой парадигмы в медицине не является чем-то уже ставшим, застывшим. Он находится в становлении, а потому ответить четко и однозначно на вопрос о том, что такое новая парадигма в «медицине III», достаточно сложно. Однако мы попытаемся это сделать.

Здесь можно пойти двумя дополняющими и в то же время в чем-то исключаящими друг друга путями: «апофатическим» и «катафатическим». То есть говорить о том, чем становящаяся медицина III является и чем она не является. Медицина III не является чем-то всецело альтернативным уже имеющимся в современной культуре моделям и направлениям медицинской теории и практики врачевания и целительства в их традиционно западном или восточном понимании. Она не определяет себя через отрицание всего имеющегося накопленного опыта врачевания и целительства там и тогда, где и когда он оказался успешным, хотя бы даже успешность эта и не всегда поддается достаточно ясному рациональному объяснению.

В то же время медицина III может рассматриваться как качественно новое состояние медицины — медицины, приобретшей свое новое человеческое и социокультурное измерение в контексте современного развития цивилизации «третьей волны». Исходя из кризисного состояния практически всех без исключения современных фрагментаризированных медицинских моделей и практик — восточных и западных, народных и санкционированных современной наукой — медицина III выступает с четко провозглашаемой конструктивной «Да-установкой». Медицина III — это медицина согласия, открытого диалога и соответственно компромисса. Это, конечно, не означает провозглашение лозунга «все годится», а лишь означает ориентацию на поиск и фиксацию места каждой медицинской модели и практики в их естественных границах оправданной применимости с полным учетом приоритетности принципа «не навреди».

Однако речь идет не только об «уместности» разных медицинских методик, моделей и практик, но и о таком «гештальт-коммуникативном» их сочетании, выстраивании, такой последовательности их применения, когда бы их лечебно-терапевтический эффект умножался. Иными словами, когда бы этот эффект являлся синергетическим. Именно в этом синергетическом качестве совместного применения медицина III вписывается в общий контекст всей человеческой эволюции, проходящей в настоящее время острую кризисную точку поворота, или «точку бифуркации».

Можно было бы также сказать, что медицина III — это эволюционная медицина, рассматривающая жизнь человека в глобально-эволюционном аспекте, когда он, по выражению Э.Янча, «вступает в коэволюцию сам с собой». Отсюда и поэтому медицина III — это, конечно, холистическая медицина, видящая человека во всех его психофизиологических и духовных измерениях. И эта целостность динамична и соотносится как с внутренним, так и с внешним аспектами человеческого бытия и его становления.

Тем самым медицина III — это многомерное и открытое образование. Она открыта прошлому, его традициям, особенно восточным практикам целительства — практикам не только излечения, но и сохранения и поддержания здоровья. Меди-

цина III – это «медицина встречи», пути, медицина парадигмы самоорганизации, диалога и темпоральности. Последние слова использованы нами не случайно. Они отсылают нас к книге И.Пригожина и И.Стенгерс «Порядок из хаоса», где представлен новый диалог человека с природой, дающий нам образ новой картины мира и места человека в нем, как это видится с позиций общей теории нелинейных, неравновесных, открытых, коэволюционирующих систем.

Таким образом, медицина III – это синергетическая медицина, медицина синергического соучастия, которая, следуя общему пути становления синергетики, наследующей идеи системного подхода и кибернетики, ставит во главу угла концепцию обратной связи, как положительной, так и отрицательной.

Поэтому медицина III – это медицина, ориентированная на понимание организма не только как кибернетического гомеостата с отрицательными обратными связями, но и как структурно-функциональной иерархии диссипативных структур, возникающих и самоподдерживающихся за счет процессов самоорганизации.

В связи с третьей медициной упоминалась также и концепция автопоэзиса чилийских нейрофизиологов Варелы и Матураны, открывающая возможность увидеть состояния болезни и здоровья человека как эволюционное структурное их сопряжение, симбиоз, что в свою очередь ведет к новому пониманию процессов целительства, врачевания, их психосоматического и личностного смысла.

Кроме того, медицина III в своих истоках учитывает также и эпистемологические уроки квантовой механики, с позиций которой «мир как целое», «мир и человек в нем» представляются в их потенциальном и актуальном существовании как особого рода информационно-физические когерентности. А потому медицина III – это также и «квантовая медицина», для которой динамическая целостность живого организма, его устойчивость обусловлены во многом его квантовой природой не только на микро-, но и на макроуровнях его существования.

Уже эта краткая и, по необходимости, декларативная характеристика медицины III показывает, что рассмотрение во всех аспектах с необходимостью выводит ее на ключевые про-

блемы развития современной цивилизации как целого. Строго говоря, медицина III оказывается в этом качестве медициной жизни, терапией культуры, разума, души и тела человека в их неразрывной органической целостности.

Стоит ли специально подчеркивать, что в медицине III происходит преодоление до сих пор доминирующей в западной культуре ньютоново-декартовой биомедицинской модели (Капра) с характерным для нее разделением человека на душу и тело, и рассмотрение всего сущего как совокупности отдельных вещей, предметов, органов и функций. Соответственно меняется взгляд на болезнь и здоровье, на природу физических и психических заболеваний, на взаимоотношения врача и пациента. Здесь медицина III когерентна гештальт-коммуникативному психотерапевтическому психосоматическому подходу, обращая внимание на то, что и болезнь, и здоровье являются различными состояниями целостного паттерна организма как многоуровневой, динамически равновесной системы, обладающей такими автопоэтическими свойствами, как самоподобие, самосоотнесенность, самонаблюдаемость. Из этих свойств живого организма следует многое. В частности, такое свойство, как фрактальность его роста и функционирования, и тесно с ними связанное свойство самоорганизованной критичности, благодаря которым исцеление или выздоровление — это процесс перехода организма из одного устойчивого состояния в другое; переход, осуществляемый не одним-единственным, но многими способами посредством положительной обратной связи, запускаемой самыми малыми воздействиями как физической, так и психической природы, разными веществами и энергиями, разными нейролингвистическими кодами, а также их сочетаниями.

Медицина III, будучи, как уже говорилось, медициной синергетической и фрактальной, ориентируется на поиск такой пространственно-временной организации внешних и внутренних воздействий на организм, которые бы в своей совокупности инициировали в нем самоорганизующийся переход в качественно новое состояние здоровья, динамического равновесия с окружающей средой в широком смысле этого слова — т.е. в равновесие отношений с другими людьми.

ми и с самим собой. Таким образом, медицина III дает оправдание метафоре исцеления как «пути к себе», как «возвращения к себе» или как «открытия себя заново». А потому для нее диалог становится принципом исцеления и удержания здоровья как творческого, непрерывно поддерживаемого, осознаваемого процесса.

Понятно поэтому, что исцеление в медицине III – это самоисцеление, это осознаваемый, наблюдаемый творческий процесс, в котором решающую роль играет личность пациента и открыто выраженное стремление принять помощь врача – его разум, руку и сердце, его слово и вдохновение, чтобы заново сотворить себя, чтобы становиться и быть здоровым человеком. Но это последнее состояние может удерживаться и устойчиво воспроизводиться в течение длительного промежутка времени, только если оно будет опираться на осознаваемое ощущение границы, отделяющей здоровье от болезни. Поэтому не совсем верно говорить о третьей медицине как о медицине здоровья, противопоставляя ее традиционной медицине болезни. Третья медицина – это медицина границы, поверхности, а потому – коммуникации. И именно эта ее граничность, поверхностность позволяет ее рассматривать в качестве синергетической, ауто-поэтической и квантовой.

В пространстве общения медицины III отношения врача и пациента – это отношения личностной intersубъективной коммуникации, эмпатии, но в то же время они циклически опосредованы всем тем комплексом современного научного знания, которое было получено в процессе развития естествознания нового времени и зафиксировано в его языках и технике. Это медицина эволюционного симбиоза естественного и искусственного, знания и веры, закономерного и рецептурного. Поэтому она открыта национальным традициям целительства.

П.А. Поповым, много путешествовавшим по территории бывшего Союза, был собран разнообразный опыт целительской и врачебной практики, рассеянный на обширном пространстве от стран Прибалтики до Сибири и Средней Азии. При этом ставилась цель не просто собрать разные методики лечения болезней, но соединить их таким образом, чтобы они в своем комбинированном применении усиливали друг друга.

И в этом процессе собирания и испытания целительских методик и практик стали все более отчетливо проявляться уникальные качества медицины III, интегрирующей в себе все ценное народной и современной классической медицины. Не углубляясь далее в изложение принципов медицины III, мы ограничимся лишь одним показательным примером опыта применения в контексте ее принципов древнего и весьма эффективного лечебного метода «Стимули», суть которого состоит в воздействии на ткани и области тела препаратом, полученным из жучка рода *Paederus*. Этот препарат обладает специфическим кожно-нарывным действием, к которому, однако, его воздействие на человеческий организм далеко не сводится. Это воздействие, как показывает весь долгий опыт его применения, оказывается гораздо более сложным, комплексным и многоплановым.

Первые упоминания о лечебном применении жучка обнаруживаются в древних тибетских источниках, уходящих в глубь тысячелетий. В Россию этот приготовленный из жучка *Paederus* препарат попал из Средней Азии. Пионером его применения был В.И.Десятиченко, который начал изучать его действие с начала нашего века, используя с этой целью спиртовую настойку, приготовленную из жучков с добавлением трав. С 1957 г. при активном содействии Десятиченко этот препарат получил официальное разрешение к применению в клинической практике и назван «Стимулином Д» в честь его автора.

Здесь необходимо особо отметить, что речь идет о лекарстве нового поколения, эффективность применения которого самым нетривиальным образом определяется техникой работы с ним. Так применение этого препарата в сочетании с комплексом специально подобранных психофизических упражнений позволяет значительно сократить как сроки лечения, так и количество его.

И, наконец, несколько слов о связи опыта применения препарата «Стимулин Д» с концепцией третьей медицины. Эту связь можно рассматривать, по крайней мере, как двухканальную. Первый канал — это связь через посредство более общей методики «Стимули» как методики, предполагающей оказание сложноорганизованного в пространстве и времени, селективно-го, целенаправленного воздействия на организм, для того, чтобы

создать необходимые предпосылки для инициирования в нем системной последовательности самоорганизованных критических процессов, выводящих организм на его здоровое состояние.

Второй канал действия препарата «Стимулин Д», по-видимому, создается благодаря его особой способности «резонансно» возбуждать в организме жизненно важные процессы на нескольких уровнях сразу. И эта способность «Стимулина Д» обусловлена не только сложностью, многокомпонентностью его химического состава, но и, по-видимому, тем, что он обладает свойством информационно-кодowego, параметрического воздействия на организм как сложную, неравновесную, диссипативную структуру.

Таким образом, в контексте общих идей и принципов медицины III мы можем взглянуть на лечебный эффект некоторых лекарственных препаратов не только с чисто химической, но и информационно-коммуникативной точки зрения, что весьма плодотворно для поиска и создания нового поколения лекарственных средств и методов. Кроме того, становится понятнее общий коммуникативный гештальт психосоматической медицины, а также такие ее разновидности, как инфомедицина и отечественная валеология. В общую коммуникативную парадигму вместе с медициной III включаются и современные психотерапевтические практики. И это включение можно также рассматривать как составную часть общего процесса междисциплинарной интеграции, инициированного синергетикой. Показательным примером здесь является нейролингвистическое программирование.

Что такое НЛП?

Сегодня многие слышали об НЛП, хотя, если спросить, а что именно кроется за представленной аббревиатурой, видимо, не все и не сразу дадут ответ.

Отправляясь в путь по стране НЛП, сделаю еще одно замечание, смысл которого, возможно, будет понятен не сразу, но, надеюсь, прояснится в дальнейшем.

Основной принцип, или предпосылка, НЛП, рекуррентно и перформативно используемый в коммуникативной деятельности НЛП, обычно формулируется посредством утверждения -

«карта не есть территория». Постоянное напоминание о необходимости делать такое различие заставляет быть внимательным и осторожным, когда движешься в многослойной и коннотативной, взаиморефлексивной, семиотической, автопоэтической реальности. А именно в этой реальности опыт внимательности (интенциональности) и осознания как непрерывно упражняемый опыт вовлечения в пространственно-временной гештальт и переживание его, есть решающее условие поддержания автопоэтической операциональной замкнутости тех языков и образов, посредством которых обеспечивается существование необходимого для диалогов и межличностных коммуникаций «семантического пространства».

Сама страна НЛП – это тоже карта (точнее, метакарта). Но карта какой территории? Оставим попытку *здесь и теперь* ответить на этот вопрос. НЛП возникло в начале 1970-х в результате сотрудничества Джона Гриндера, специалиста в области математической лингвистики и сотрудника Калифорнийского университета в Санта-Круз, и Ричарда Бэндлера, бывшего в то время студентом психологического факультета того же университета и изучавшего психотерапию.

Они вместе исследовали действия трех выдающихся психотерапевтов: уже известного нам Фрица Перлза, основателя гештальт-терапии и родоначальника философии гештальта как общего паттерна intersубъективной межличностной коммуникации; Вирджинии Сэйтир, семейного психотерапевта, которой Бэндлер и Гриндер посвятили свою знаменитую книгу «Структура магии», и Милтона Эриксона, являвшегося ведущим авторитетом в области медицинского гипноза, работа которого стала ключевой в формировании новой, постнеклассической психотерапевтической парадигмы.

Теперь кратко и предварительно ответим на вопрос, что такое нейролингвистическое программирование. «НЛП – это поведенческая модель, взятая вместе с операциональным сопровождением технических приемов, методов и методологий, начало которым было положено Джоном Гриндером и Ричардом Бэндлером в 1975 г. Исследуя структуры субъективного опыта для лучшего понимания процессов, обуславливающих совершенство личности, НЛП изучает формы и стереотипы, или

«программы», получающие развитие благодаря взаимодействию между мозгом («нейро»), языком («лингвистическое») и телом. Технические приемы, методы и методологии были разработаны на основе наблюдения форм и моделей человеческого совершенства, воплощенного в наиболее выдающихся представителях различных сфер профессионального общения, включая психотерапию, бизнес, здравоохранение и образование».

То, что прототипом-оригиналом НЛП-моделирования человеческого общения является человеческое совершенство, представленное в различных поведенческих паттернах, вполне когерентно программе Маслоу в ее психотерапевтическом измерении как программе «третьего пути» между фрейдизмом и бихевиоризмом («между Фрейдом и Павловым»).

Здесь, ради точности, замечу, что так понимаемая миссия НЛП есть в каком-то смысле уже постНЛП, и связана она уже не столько с именами Бэндлера и Гриндера, сколько с Робертом Дилтсом, основоположником так называемого «системного НЛП», являющегося по сути дела продуктивной практической реализацией «встречи» НЛП с синергетикой. Но об этом чуть позже.

А сейчас — еще раз о том, что такое НЛП. (Напомню, что рекурсия — фундаментальная операция автопоэзиса.) Итак, НЛП это:

- изучение человеческого совершенства;
- умение всегда быть самим собой;
- мощный практический подход к личностному изменению;
- новая техника достижения успеха;
- аббревиатура названия «нейролингвистическое программирование».

«Это техническое название (НЛП) имеет чисто описательный характер, — говорит один из практиков современного НЛП, — как, к примеру, словосочетания: «тренировочные ботинки, охотничья собака или классический кабриолет-лимузин». «Нейро» относится к нервной системе, к путям, по которым поступает информация в мозг от пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. «Лингвистическое» относится к человеческой способности использования языка и к способу, которым определенные слова и речевые обороты ре-

презентируют наш внутренний мир. «Лингвистический» также относится к «немому языку» — жестов, поз, привычек, которые раскрывают наш образ мышления, систему убеждений и т.д. «Программирование» заимствовано у языка компьютеров, чтобы показать, что наши мысли, чувства, действия являются попросту привычным использованием ментальных программ, которые можно изменить путем усовершенствования»².

Эта цитата характерна для всех репрезентативных контекстуализаций НЛП как личностной коммуникативной деятельности, в которой присутствует своеобразное «структурное сопряжение», если пользоваться терминологией автопоэзиса, прагматизма и междисциплинарности, понимаемой не как статическая данность, но как процесс *когерентизации* различных языковых систем, с целью конструирования области совместной кооперативной деятельности, новой солидарности.

«История НЛП — это история одного нетипичного объединения, разработавшего ранее неизвестные формы сотрудничества, которое позволяет создать мир перемен»³. Эту же мысль в принципе можно выразить и иначе, сказав, что миссия НЛП состоит в том, чтобы проектировать, претворять в жизнь новые формы и виды автопоэтической реальности. Аналогичные цели можно увидеть в развернувшейся в середине 90-х гг. прошлого столетия деятельности методологического кружка В.С.Дудченко в Институте социологии РАН, ориентированного на программу «Онтосинтез социальной реальности». Исходным пунктом концепции *онтосинтеза* является тезис, репрезентированный нам в утверждении, что «человек сам творит реальность, в которой живет». Реальность, которая имеется в виду в программных установках онтосинтеза, так же как и в установках НЛП, — это общая, совместно разделяемая (интерсубъективная), автопоэтическая коммуникативная реальность «второго порядка» (П.Вацлавик).

Это структурное сопряжение автопоэтических реальностей разных порядков позволяет репрезентировать в контексте «третьей личностной синергетической позиции» такие постнеклассические и, если угодно, постмодернистские инновационные междисциплинарные методологии, как онтосинтез Дудченко, НЛП Бэнндлера и Гриндера, психосинтез Роберто Ассаджоли,

системное НЛП Дилтса, а также такие, пока что плохо понимаемые у нас, концепции, как теория обществ Н.Лумана, концепция «конструирования реальности» П.Бергера и Т.Лумана, концепт *habitus*'а Пьера Бурдьё и, наконец, такое экстравагантное, экзотическое автопоэтическое единство, каковым предстает перед нами мир Карлоса Кастанеды.

Такова плюралистическая онтология миров постнеклассической науки и культуры постмодерна как многообразия автопоэтических реальностей, островков «когерентностей», миров, которые становятся и обитают на фрактальной самоподобной границе «порядок – хаос». Но при всем плюрализме в обоих случаях мы имеем дело с самореферентной и операционально замкнутой автопоэтической реальностью, реальностью, которая не является ни физической, ни биологической, ни естественной, ни искусственной, ни внутренней-идеальной, ни внешней-материальной. Это, однако, вовсе не означает, что перечисленные бинарные оппозиции, которые я операционально замкнул их отрицанием, теперь нам не нужны. Верно обратное. Эти оппозиции нужны нам теперь уже как знаки, маркирующие пределы, границы, между которыми заново прокладывается, заново осознается как когерентная связность наш путь в мире, в котором мы живем и который каждый раз создается, возникает теперь уже как творимый нами совместно с другими в процессе самоорганизованной коммуникативной деятельности.

Мы имеем дело, таким образом, с новой, «третьей», коммуникативно-процессуальной онтологией многообразия автопоэзисов, которая, строго говоря, не может быть репрезентирована средствами обезличенного и бесплотного объективированного языка, что-то сообщающего нам от имени вечных и трансцендентных, всеобщих и абсолютных, единственно верных истин, имеющих, в свою очередь, один-единственный верный путь к ним. Действительно, автопоэтическая реальность – это реальность, изменяемая и творимая конструктивным процессом совместного синергетического использования всего многообразия биологических и социальных коммуникаций, в том числе и лингвистических. Это новая реальность, по отношению к которой становится относительным и во многом неадекватным традиционное деление мира на внешний, «кру-

жающий», объективный и независимо от нас существующий, и мир внутренний, в котором «живут» наши чувства, верования, убеждения, а также где обитает «наш ум», утверждающий самого себя в качестве отдельной, автономной, но во всех отношениях привилегированной законодательной сущности, операционально замкнутой особым языком, на котором говорит сама Объективная Истина.

Однако концепция личностного знания в смысле Поляни, в ее структурном сопряжении с коммуникативно-деятельностной концепцией познания самого познания как автопоэтической реальности Матураны и Варелы, представленной в образе рук, рисующих самих себя на гравюре Мориса Эшера, ставит эту позицию «говорящей от (или за) себя Объективной Истины» под сомнение. «Все что сказано — сказано кем-то»⁴. Таков один из первопринципов концепции познания как автопоэтической деятельностно-коммуникативной реальности, становящейся в узком зазоре между Сциллой солипсизма и Харибдой объективизма. Этот тезис может быть усилен. «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам»⁵.

И тогда становится очевидным, что истины самой по себе как истины, «говорящей за себя», нет. Есть только человек, который определенным образом использует язык и по каким-то причинам полагает, что он имеет право выступать «от имени истины», пользоваться от случая к случаю словосочетанием типа «а на самом деле мы знаем...», пытаясь нас за отсутствием (или незнанием) более убедительных аргументов убедить в своей правоте. В повседневной жизни такое использование языка приходится наблюдать сплошь и рядом. Да и самому в нем участвовать. Здесь уместно еще раз взглянуть на полемику Эйнштейна и Бора с характерной для нее трансцендентальной аргументацией. Если трансцендентальный аргумент у Эйнштейна был сформулирован ясно и отчетливо: «Бог не играет в кости», то у Бора этот аргумент, вполне в духе его собственных принципов соответствия, наблюдаемости и дополнительности, молчаливо или косвенно присутствует в его обращении к языку. Эта лингвистическая позиция Бора как знаковой фигуры физики квантовой эпохи была затем философски воспринята

современным немецким философом Карлом-Отто Апелем, трансформировавшим ее в «трансцендентальную прагматику языка» в рамках так называемой «третьей парадигмы первой философии».

Здесь в самый раз вспомнить Витгенштейна, в частности заключительный афоризм его «Логико-философского трактата», афоризм, которым он пытается завершить тот странный аттрактор логического гештальта этого трактата, в плену которого оказался сам: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». В этом афоризме многие современные исследователи творчества Витгенштейна справедливо видят коннотативно обозначенный этический принцип. В том же нравственно-этическом ключе можно истолковать и весь трактат в целом. И это важно также с точки зрения психотерапевтического использования языка в синергетике и в НЛП. Я процитирую еще несколько афоризмов трактата.

«5. 631. Не существует мыслящего, представляющего субъекта.

Если бы я писал книгу «Мир, каким я его нахожу», то в ней следовало бы сообщить о моем теле и рассказать, какие члены подчиняются моей воле, а какие – нет, и т.д. Это, собственно, и есть метод изоляции субъекта, или, скорее, показа того, что субъекта, в некотором важном смысле этого слова, вообще не существует, ибо о нем одном *не* могла бы идти речь в этой книге.

5. 632. Субъект не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира».

Реформа медицинского образования по Уэйлу

Обратимся теперь к конкретному примеру интегративно-синергетических тенденций современной медицины. Это доктор Уэйл – автор нашумевшей книги «Самоисцеление», а также инициатор движения за реформу медицинского образования в США. Вот что он пишет в послесловии к этой книге: «Представьте себе мир будущего, в котором медицина ориентирована не на болезнь, а на здоровье, где врачи верят в естественную способность человека исцеляться и ставят профилактику выше лечения. Если не считать отделений неотложной помощи, больницы в таком мире больше напоминают курор

ты, где пациенты могут осваивать и практиковать принципы здорового образа жизни, где они могут научиться готовить и есть здоровую пищу, удовлетворять насущные потребности своего организма, использовать сознание во благо исцеления и уменьшать свою зависимость от врачей. Даже в отделениях неотложной помощи техника направлена на то, чтобы помочь системе исцеления, например, стимулируя регенерацию поврежденных органов. В таких отделениях лучшие достижения и методы как традиционной, так и альтернативной медицины доступны каждому пациенту. В этом мире врачи и пациенты — партнеры, работающие во имя единой цели. Там судебные процессы, разбирающие врачебные ошибки, — не правило, а редкое исключение. Страховые компании с готовностью возмещают затраты на профилактическое обучение и естественные методы лечения, зная, что они непременно окупятся»⁶.

Вот такая мечта доктора Уэйла, чей медицинский центр при Аризонском университете имеет сайт в Интернете. Его цель — дать возможность обращающимся за помощью больным людям общаться с ним и его коллегами, но также и с людьми, имеющими позитивный опыт самоисцеления, стимулировать межличностную «саногенную» коммуникацию между ними. Программа Уэйла в некоторых своих аспектах напоминает программу Маслоу, но, естественно, уже с учетом достижений современных информационно-коммуникативных технологий, в частности среды Интернет.

Но что мешает здравоохранению развиваться в этом направлении? По мнению Уэйла, главные препятствия здесь в следующем: «Медицинское образование застыло на модели, ориентированной на болезнь. Клиническая подготовка врачей остается жестким обрядом посвящения, который крайне осложняет для студентов задачу соблюдать здоровый образ жизни и развивать в себе душевные и духовные качества, необходимые для целителей.

Отношения врача и пациента отравлены взаимным недоверием до такой степени, что каждый пациент, переступающий порог кабинета, воспринимается как потенциальный жалобщик, готовый подать иск в суд. Врачи больше, чем когда-либо, опасаются отступить от общепринятых стандартов лечения. Страховые компании, используя политику возмещения затрат,

диктуют выбор лечения. Они не оплатят большинство описанных в этой книге методов на основании того, что у них нет научных данных, подтверждающих их эффективность или рентабельность по сравнению с общепринятыми методами.

Научные исследования по исцелению или альтернативным методам лечения находятся в зачаточном состоянии или не существуют вовсе, потому что люди, устанавливающие приоритетность исследований и распределяющие их финансирование, не заинтересованы в развитии этих направлений.

Биомедицинская модель, из которой исходят ученые-медики, препятствует движению в сторону гигейской модели. Опираясь на характерное для этой модели материалистическое мировоззрение, врачи могут с легкостью опровергнуть большинство изложенных в этой книге принципов как ненаучные и не заслуживающие внимания».

По мнению доктора Уэйла, выход из создавшейся ситуации — один, это реформа медицинского образования. «Если бы будущих врачей знакомили с альтернативными моделями медицины и здоровья, поощряли к изучению целительных сил природы и позволяли стать для своих пациентов ролевыми моделями здоровых людей, все перечисленные выше препятствия стали бы исчезать. ...Они знали бы, как принимать веру, которую проецируют на них пациенты, и отражать ее обратно так, чтобы она увеличивала частоту случаев самоисцеления...

Сказав это, я должен также сказать, что не верю в перспективы радикальной реформы медицинского образования, хотя и пытаюсь приблизить ее осуществление. Мое неверие коренится в далеком 1964 г., когда я был студентом-первокурсником, и подкреплено опытом обучения на медицинском факультете. Многие мои сокурсники по Гарварду предпочли защищать диплом по гуманитарным наукам, а не по естественным, многие усомнились в своем желании стать врачом. Наша группа была беспокойной, и нас возмущало качество преподавания основных естественнонаучных дисциплин. Вместо того, чтобы учить нас размышлять о медицине и здоровье, знакомить с общими принципами биологии человека, нас пичкали массой деталей, которые мы должны были отрывивать на частых экзаменах. Многие из нас, имея за плечами гораздо более высокий уровень обу-

чения в колледже, постоянно роптали. Руководство факультета успокаивало нас, утверждая, что во втором семестре нас ожидает абсолютно новая программа, плод титанической работы разных комитетов и подкомитетов — эта комплексная программа должна стать моделью медицинского образования будущего. То, что вы изучаете сегодня, — старый хлам, — убеждали нас, — поэтому перестаньте жаловаться и наберитесь терпения.

И вот настал первый день новой программы. Вместо того, чтобы изучать традиционные предметы — эмбриологию, анатомию, физиологию, биохимию, — теперь нам предстояло изучать системы организма, и первой в этой череде стояло сердце. Эмбриолог прочитал нам невероятно подробную шестидесятиминутную лекцию по эмбриологии сердца. Вслед за ним анатом прочитал столь же подробную лекцию по анатомии сердца. Потом пришла очередь физиологии и биохимии. К концу четвертого часа у нас в головах все перепуталось, мы устали и разошлись... Должен с сожалением констатировать, что за минувшие с тех пор годы я выслушал множество докладов комитетов и подкомитетов, которые выдвигали новые принципы реформы учебного курса, но ни малейшего продвижения вперед так и не увидел. Все это можно сравнить с перетасовкой колоды, когда те же карты сдаются в другом порядке».

Итак, что же все-таки имеет в виду Уэйл под радикальной реформой медицинского образования? А вот что:

— основательную подготовку в области философии науки, включая знакомство с новыми моделями, которые опираются на достижения квантовой физики и которые должны прийти на смену старым теориям ньютоновского механицизма и картезианского дуализма. Такая подготовка должна включать сведения по теории вероятности и теории игр и должна касаться возможных взаимодействий между наблюдателем и объектом наблюдения, а также должна иметь в своем арсенале модели, которые могли бы объяснять нефизические причины физических событий;

— подготовку в области истории медицины, включая знакомство с основными системами врачевания, в том числе с традиционной китайской медициной, гомеопатией и остеопатией;

— акцент на целительные силы природы и существующую в организме систему самоисцеления;

— акцент на взаимодействие сознания и тела, включая реакцию плацебо, врачебное заклятье и психонейроиммунологию;

— подготовку в области психологии и духовности дополнительно к знаниям о физическом теле;

— уменьшение объема фактических данных, которые студенты должны заучивать наизусть для прохождения квалификационных экзаменов. Если студент умеет учиться и знаком с общей структурой знаний, входящих в медицинские науки, он сможет найти подробности, когда в них возникнет необходимость, особенно, если учесть, что эти данные становятся все более доступными в компьютерном виде;

— получение практического опыта в области питания, физкультуры, релаксации, медитации и визуализации. Необходимо оценивать студентов не только по критерию знания фактических данных, но и на основе личных достижений в освоении здорового образа жизни;

— практическое знакомство с основными методами альтернативной медицины, в том числе с траволечением, диетологией, мануальной терапией, телесно-ориентированной терапией, дыхательными методами, иглоукалыванием и методом направленного воображения как дополнение к основным методам аллопатической медицины;

— познания в области искусства общения, в том числе и умение расспрашивать пациентов, составлять истории болезни и знакомить пациента с методами лечения так, чтобы с большей вероятностью задействовать его систему исцеления.

Таков путь, по которому, согласно Уэйлу, должна пойти медицина. И это также путь медицины III. Это путь нового обретения человеком самого себя, новой «коммуникативной компетентности», его нового синергийного бытия.

Примечания

¹ См.: *Коновалов В.* Совсем другая медицина. М., 1997.

² *Дилтс Р.* Стратегии гениев. Т. 1. М., 1998. С. 156.

³ Там же.

⁴ *Варепа Ф., Матурана У.* Древо познания. М., 2002. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ *Уэйл А.* Самоисцеление. М., 1998. С. 201.

Н.Н. Седова

Здоровье и болезнь в социальном контексте

Хотя болезнь коренится в теле человека, в своем социальном проявлении она выходит далеко за рамки физиологии. Процесс, определяемый некоторыми исследователями как легитимная болезнь, имеет под собой иерархию власти и экономических ресурсов больного (Браун, 1995). Социологи используют термин *медикализация* для того, чтобы объяснить, как жизненные коллизии, включая все аспекты процесса взросления, и социальные проблемы, такие как алкоголизм и наркомания, получили свое научное описание в среде профессиональных медиков. Медиализация дает большой список физиологически различных «болезней», которые лечатся с помощью обследований и тестов, на основе которых больным выписывают рецепты, нередко на очень дорогие лекарства. Работник сферы здравоохранения — всегда эксперт. То, что пациент знает о своем собственном теле и его недостатках, не является частью профилактики, поддержки стабильного состояния и тем более лечения.

Медиализация неотделима от финансовой структуры медицинского обслуживания. Выделение столь большого количества физических состояний болезней увеличивает прибыль у капиталистов от медицины, например, в таких странах, как США. В свою очередь, подобная практика вступает в противоречие с системами национального здравоохранения, разработанных специально для понижения расходов пациентов. Комбинация медиализации и финансовой структуры общества

формирует особый стиль поведения медицинского работника по отношению к пациенту. Если целью является выкачивание денег, то врачи предпримут всяческие усилия, чтобы объяснять пациенту каждый симптом как отдельную, поддающуюся лечению, болезнь. Если же в обществе стоит установка на сокращение расходов, то врачи могут игнорировать редкие, требующие длительного исследования и проверки, случаи или же комплексные медицинские проблемы. Во всех системах здравоохранения западного типа врачи используют биомедицинскую информацию, добытую и проверенную в исследовательских институтах, приоритеты исследований которых находятся в прямой зависимости от источников финансирования. В их качестве могут выступать фармацевтические компании, правительственные учреждения или частные лица. Каждый из них имеет определенный план проведения исследований. Уже при разработке плана работ исследователи знают, в интересах какой социальной группы они будут проводить свою работу. Таким образом, медиализация может сделать очень многое, чтобы превратить любой общий симптом в болезнь, излечимую с помощью таблеток или инъекций, и практически не в состоянии повлиять на распространение болезней, вызванных загрязнением окружающей среды, производственными травмами, бедностью или систематическими побоями.

Для пациентов симптомы их болезней проявляются в контексте жизни каждого из них. Эти симптомы становятся болезнями в ходе получения профессиональной медицинской помощи. Социальный опыт человека как пациента включает в себя отношения с родственниками, коллегами и друзьями. В конечном итоге изменение состояния здоровья меняет положение человека в мире. Перелом ноги может восприниматься как простая травма, но эта травма совершенно по-разному осознается профессиональным атлетом, для которого она становится точкой в его карьере спортсмена, и банковским клерком, для которого она не более чем досадное неудобство. Две разные болезни могут подвергаться вполне успешному медикаментозному лечению, однако социальные последствия от заболевания пневмонией весьма отличны от последствий гонореи. Если у вас была гонорея, то вполне вероятно, что вы будете скрывать

этот факт личной истории во время собеседования при устройстве на работу. Если же вы перенесли воспаление легких, то этот факт может оказаться удачным предложением, чтобы не ходить на работу в слишком холодную погоду.

Поскольку болезнь социально обусловлена, работники сферы здравоохранения и пациенты могут воспринимать совершенно одинаковый набор симптомов (или же их отсутствие) совершенно по-разному. Терапевты имеют тенденцию обращать внимание на видимые физические симптомы болезни или недвусмысленные результаты обследования организма. Для них идеальная болезнь — это такое состояние организма, проявляющееся в определенном наборе симптомов (или их отсутствии), по которым можно безошибочно поставить диагноз. Затем на его основании проводить лечение таким образом, чтобы устранить отмеченные ранее симптомы и вернуть пациенту способность к нормальному образу жизни. Для пациентов возвращенная способность жить обычной жизнью, хотя и с хроническими заболеваниями, совершенно отлична от состояния полного излечения. Это естественно, поскольку излечение возвращает вас к прежнему нормальному состоянию, в то время, когда хроническое заболевание вынуждает вас внести определенные изменения в ваш образ жизни и поведение. Подобным образом некоторые явления, сопутствующие лечению, которые воспринимаются врачом как неизбежные последствия лечения, пациент переживает как внезапное усиление боли или дискомфорта, стрессовое состояние и прочие последствия лечения, за которое была уплачена определенная сумма. Больные, уверенные в том, что их лечащие врачи игнорируют признаки ухудшения их состояния или же прописывают неоправданное хирургическое вмешательство, могут обратиться с жалобой в Комитет по этике. Если Комитет определяет, что пациент был лишен необходимого лечения, то он может потребовать возмещения своих расходов на лечение.

Качество медицинского обслуживания зависит, как известно, и от принятой в данной стране модели здравоохранения. Сегодня наиболее широко в мире распространена модель страховой медицины. Согласно правилам этой модели услуги сферы медицинского обслуживания оплачиваются посредником,

в роли которого выступает страховое агентство или государство. Довольно часто выбор пациентом врача или больницы ограничен, а решения врача в области выбора вида лечения и лекарств зависят от того, что позволяет оплачивающая сторона. С того момента, когда целью большей части планов индивидуальных медицинских программ стала материальная выгода, страховщики стали оказывать давление на представителей сферы медицинского обслуживания, чтобы те разрабатывали рыночно прибыльные планы программ медицинского обслуживания. Врачи потеряли престиж и свободу принятия профессиональных решений, однако пациенты не приобрели такого положения, которое позволяло бы им оказывать влияние на процесс лечения (Фрейдсон, 1989). Третья сторона, входящая в процесс предоставления медицинских услуг населению, — это плательщик, то есть большая частная или государственная бюрократическая организация, пытающаяся установить правила игры, выгодные только для нее. Под этим имеется в виду ограничение времени пребывания пациента в больнице, назначение спорных операций, выписка больных на дом, нуждающихся в стационарном лечении. Даже во время посещения представителей сферы медицинских услуг члены семьи или друзья больного должны быть готовы выступить в роли «сиделки» (Глэйзер, 1991).

Другими важнейшими игроками в системе современной медицины выступают фармацевтические компании, установившие многие, на первый взгляд, нейтральные клинические практики. Потребности, как больных, так и здоровых людей, выявленные с помощью маркетинговых исследований, определяют направление медицинских исследований в области разработки новых клинических препаратов. Из самых известных разработок последнего времени можно назвать Виагру — препарат для лечения нарушений эрекции, большое количество антидепрессантов и антиаллергических препаратов. В системе такого рода суть болезни, ее неотъемлемый социальный компонент незаметен.

Российское здравоохранение в обсуждаемом контексте представляет собой особое явление. Современный период развития отечественной медицины — болезненный, смутный, но необходимый, связан с поисками совместимости с мировым

здравоохранением при сохранении основных достижений здравоохранения отечественного. В нашем обществе старая система ценностей распалась, а новая еще не вызрела. Ценности в медицине представляют собой, пожалуй, самый консервативный блок в общей системе ценностей. Однако и они подвержены изменениям.

В России сейчас значительно больше, чем во многих других странах, проблем, подлежащих социальному анализу в аспектах сохранения человеческого потенциала. Это объясняется переходным состоянием общества, где представлены как старые формы жизнедеятельности и социальных институтов, так и новые. К острейшим проблемам следует отнести угрозу депопуляции. Хотя мы считаем, что она сильно преувеличена, поскольку диаграмма этногенеза не есть прямая, а скорее синусоида, но выход на новый подъем возможен только при осознании ситуации и способности управлять ею. Отсюда — жесткие требования в сфере охраны материнства и детства, борьбы с этническими болезнями. Дело в том, что Россия как многонациональная страна не может рассматриваться в бинарном пространстве — социальном, биологическом, да каком угодно. Здесь всегда присутствует третий параметр — этнический. Поэтому распределение темпов депопуляции различно в различных этнических группах и среднестатистические величины не могут быть правильно истолкованы без учета этого фактора. Пока эти проблемы только намечены, но не разработаны.

Поливариантность медицинских услуг в современной России ставит очень остро вопрос о «равной доступной медицинской помощи надлежащего качества» («Конвенция о био-медицине», 1998). Не говоря уже о том, что GCP — дело для нас новое; как обеспечить равнодоступную медицинскую помощь, пока мало кто знает, хотя система медицинского страхования постоянно совершенствуется, и если первая ее модель была целиком заимствована, то теперь она приобретает национальные черты. К сожалению, к национальным чертам относится и «забюрокративание» любых социальных институтов с удивительной скоростью. Региональные органы здравоохранения, территориальные фонды обязательного медицинского страхования,

страховые кампании занимаются зачастую решением одних и тех же проблем. В результате чиновников от здравоохранения становится больше, а проблемы не решаются.

Другие проблемы связаны непосредственно с медицинскими манипуляциями. Так, например, операции по шунтированию коронарных сосудов, гемодиализу, лекарственной терапии лейкозов и т.п. пока доступны лишь незначительному количеству пациентов. Мы не говорим уже о банках органов для трансплантации. Эффективная профилактика атеросклероза с помощью препаратов из группы статинов практически недоступна из-за стоимости этих препаратов. Врачи, обслуживающие интересы определенных фармацевтических компаний (вполне легальный заработок, не запрещенный законом — нет у нас на этот счет вообще никакого закона), рекомендуют пациентам дорогостоящие импортные препараты вместо дешевых отечественных. С другой стороны, дженерики менее эффективны, чем фирменные препараты. Этическая оценка стоимости здоровья прописана, пожалуй, только в Законе РФ «О рекламе», но он несовершенно и часть его положений приходит в противоречие с Законом «О лекарственных средствах».

Патерналистская модель в практической медицине превагирует, поэтому принцип информированного согласия если и соблюдается, то зачастую неформально — без соответствующих документов. Контрактная модель существует только в частных клиниках, поскольку подавляющее большинство людей пока не привыкли к мысли о покупке здоровья по сходной цене, да у них и денег нет.

Противоречивые нормы существуют и в вопросе о конфиденциальности, поскольку согласно правилам биоэтики и требованиям международных документов, в этом вопросе мнение пациента обязательно для врача. Однако существующие у нас правовые акты по поводу особо опасных заболеваний, а также административные правила внутрибольничного распорядка делают такой подход в ряде случаев невозможным.

В заключение можно констатировать, что, несмотря на то, что все люди проходят через такие универсальные физиологические феномены как рождение, рост, болезни, взросление и смерть, опыт каждого человека, переживающего каждый из

вышеназванных феноменов, индивидуален, поскольку между универсальными вехами жизни для всего человечества существуют особенности, проистекающие от членства того или иного индивида в социальных группах, женщин и мужчин, различного расового и этнического происхождения, экономического статуса, живущих в разные исторические эпохи и разных географических условиях. Социальное положение создает основы для поведения человека, когда он здоров или болен, но нельзя не учитывать и тот момент, что пациенты представляют собой рабочий материал в руках профессионалов, оказывающих им помощь, источник дохода для организационных и финансовых структур системы здравоохранения.

Н.Т. Абрамова

Врач и больной: коммуникативный модус

1. Постановка задачи

Вряд ли ныне у кого может вызвать сомнение сам тезис о том, что коммуникативные связи «Я» и «другого» принадлежат к числу главных факторов — оснований, на которых строится возможность выздоровления больного. Однако когда дело доходит до реальной практики, то оказывается, что современная медицина не может в своей практике отойти от идеологии естественнонаучного натурализма. Такой взгляд построен на представлениях, во-первых, об объективности и универсальности знаний о болезни, во-вторых, врач видит в пациенте не конкретного человека, а деперсонализированный организм; в-третьих, диагноз лишь формально соотносится с некоторым классом болезней; в-четвертых, лечение оказывается процедурой технической манипуляции с объективной системой организма¹.

На развитие общемедицинской теории не могут не влиять идеи, сформировавшиеся в рамках феноменологической традиции: коммуникативная связь трактуется как экзистенциальное сближение «Я» и «другого», как специально организованное рефлексивное усилие, духовная работа, содержанием которой является феноменологическое переживание смыслов. Обратим внимание на ряд попыток раскрыть содержание такого рода процедуры.

Согласно представлениям Э.Гуссерля, совместный духовно-практический опыт является результатом «вчувствования» в чужие смыслы². Акты такого переживания принято описы-

вать таким кругом понятий, как взаимосогласованные формы поведения «Я» и «другого», как их совместный духовно-практический опыт, который обеспечивает возможность сближения и взаимного понимания.

К.Р.Роджерс интересовали условия становления аутентичного опыта применительно к конкретно-жизненным ситуациям, касающимся, в частности, отношений врача и пациента, ученика и учителя. Для построения своей концепции автор привлекает понятие «эмпатия». Его смысл автор видит в переживании, которое появляется во взаимном опыте общения. Существенная особенность эмпатии в том, что такой опыт нельзя получить рациональными средствами; здесь необходим обоюдный, взаимный внутренний контакт³.

Вместе с тем, даже если для описания взаимосогласованного опыта общения «Я» и «другого» используется иной смысловой контекст, скажем, если привлекается представление о «полях когеренции»⁴, о интермонадическом сообществе, — во всех этих случаях речь идет лишь о констатации самого феномена переживания общности («togetherness»), о «выходе» «Я» из самозамкнутого состояния. Чтобы продвинуться в понимании интенциональной природы феноменов «вчувствование», «эмпатия», «поля когеренции» и др., необходимо дальнейшее развернутое обоснование не только их интенциональной, но коммуникативной природы.

2. Линии исследования коммуникации

Коммуникация (лат. *communicatio, communico*) в своем первоначальном смысле означает — делаю общим, связываю, общаюсь. Общение указывает на наличие участников — коммуникантов, связь между которыми осуществляется посредством языка — человеческой речи, но может и иных, внеречевых форм⁵. Общение участников коммуникации — это, прежде всего, передача, или трансляция, информации. В центре внимания разработчиков теории информации оказались информационные потоки между участниками связи, анализ языковых декодирующих устройств и «процессоров», перерабатывающих и хранящих посланную «информацию». Проблема состояла в

определении того, как «получатель» воспроизводит посланную ему информацию, каким образом осуществляется при этом преобразование сообщения.

На развитие понимания природы коммуникативных отношений существенным оказалось влияние идей английского философа Дж.Остина о речи как действии. Автор развивает мысль о том, что предметом анализа является не один язык и текст; для понимания речи необходимо обращение к более широкому контексту употребления. Такой подход привел к радикальному пересмотру взгляда на содержание речеповеденческого акта⁶, изменился взгляд на цель коммуникации.

Дж.Остин показал, что цель обращения к адресату не только в расшифровке посланного сообщения. Другая смысловая составляющая цели — надежда на понимание внутренней интенции сообщения. Это другое значение цели — более глубинное, не всегда артикулировано. Для «Я» важно не только послать информацию, но и знать, как другой отреагирует на принятое сообщение. Другими словами, структура цели сообщения имеет не один, а два смысловых уровня: с одной стороны, прямая передача информации; а с другой — акт ожидания «Я» получить ответ, надежда, что «другой» ответит на принятое сообщение. Надежда эта носит скрытый характер, не выведена на «поверхность». И тем не менее эта вторая смысловая составляющая цели выполняет конституирующую роль во внешне-внутренних коммуникативных отношениях. О распознавании послания свидетельствует адекватная реакция адресата, в которой репрезентированы явные и неявные компоненты исходной цели.

Обратим внимание на разработанное представление о двух моделях коммуникации⁷. Суть кодовой модели открывается через анализ информационного потока. Существенную черту кодовой модели составляет отношение симметричности кодирования: говорящий намеренно отправляет слушающему информацию с тем, чтобы сообщение стало общим; эта цель — «разделить» взгляд на сообщение, сделать его общим. Такая цель — общность взгляда — достигается за счет «общего кода». Связь между «Я» и «другим» устанавливается посредством простой трансляции информации. Такой перенос по сути является

«зеркальным»: и отправитель и получатель являются обладателями тождественной информации. Сообщение (информация) служит тем субстратом, который объединяет субъектов связи. А это значит, что в основе кодовой модели коммуникации лежит представление, во-первых, о зеркальном подобии информации на входе и выходе; во-вторых, информации придан смысл вещи, которая обладает способностью когнитивно запечатлеть мир; в-третьих, трансляция трактуется как механический, чисто внешний перенос информации.

Другая, интерференционная модель коммуникации, основана на принципе выводимости знания: отношения между участниками коммуникативного акта наполняются иным смыслом; иным оказывается статус транслируемого сообщения.

Начнем с основополагающего принципа выводимости знания. Коммуникация всегда предполагает передачу и использование информации. Однако в отличие от кодового варианта трансляция информации не сводится лишь к простой передаче, на передний план здесь выступают отношения корреспондентов. Повторяем, говорящий, посылая сообщение, заинтересован не только в передаче информации, но и в ответной реакции своего корреспондента. Первому важно, чтобы его намерение, содержащееся в послании, было распознано, а вслед за распознаванием он получил ответ. Как мы видим, наличие интенций, настроенных на связь и общение, приводят в действие коммуникативные компоненты связи, оставляя на втором плане информационную составляющую. Просто поменялась пальма первенства.

3. Интерсубъективность: опыт моделирования

Понимание необходимости операций над информацией выдвинуло коммуникацию в число конструктивных задач, придало последней статус цели действия. Научное познание существенно продвинулось по пути артикуляции предпосылок коммуникативной работы — опорой которых служит умение анализировать имеющуюся формацию, выстраивать линию собственного поведения, согласовывать действия, продумывать разные варианты прямых и ответных действий.

Об опыте коммуникативной работы мы судим, как правило, по превращению абстрактной информации в осмысленное знание; по тем процедурам, которые обеспечивают возможность понимания посланного сообщения; по рефлексивному опыту получения осмысленного знания. Именно путем анализа разнообразных форм трансляции информации мы попытаемся далее уловить суть коммуникативного опыта и осознать пути его формирования.

Между тем общение «Я» и «другого» не всегда завершается взаимным пониманием; субъекты коммуникации не всегда умеют сформировать единое смысловое пространство, служащее основой их взаимного понимания.

Ответить на вопрос, отчего в одном случае адресат, приняв посланную информацию (мысль) и уловив смысл намерений и ожиданий корреспондента, адекватно отреагировал на принятое сообщение, а в другом — и услышал, и увидел, но не понял, что же от него ждет корреспондент. Видимо, корни непонимания могут находиться не только в том, что респондент «глуп». Причина может быть более и глубокая, лежащая в сфере ценностей — культурных, духовных и т.п.

Явное непонимание между «Я» и «другим» часто происходит из-за их духовной разобщенности, из-за того, что не складывается взаимное intersubъективное взаимодействие. Последнее возможно при условии, что посланное сообщение (мысль) претерпевает акт конституирования: мысль адресанта — со всеми содержащимися в ней интенциями — становится «моей» лишь в том случае, если я уловила (извлекла) и разделила (всем сердцем и душой) посланную информацию. Достижимое со-осмысление — это плод, результат особых умственных усилий, которые предпринимают в актах общения «Я и другой».

Об условиях становления аутентичного опыта врача и пациента, о том, чтобы общение было субъектно-ориентированным и по возможности постоянным, говорит К.Р.Роджерс, раскрывая смысл психотерапевтической и педагогической практики⁸. Обратимся вновь к идее Дж.Роджерса об эмпатии. Свое понимание об эмпатии автор развивает, анализируя отношения, которые складываются между учителем и учеником. Роль учителя состоит в «побуждении» ученика, в снабжении его энергией для того, чтобы ученик познал, узнал сам себя.

А для этого ему нужно, по мысли Дж.Роджерса, чтобы учитель смог проникнуть и понять внутренний мир своего ученика. Здесь эмпатия важна для того, чтобы «расшевелить» застывшее восприятие ученика, разбудить его рефлексивные способности. Как отмечает ученый, если таких шагов не предпринимать, то восприятие учеником самого себя, то есть его самосознание, будет оставаться «застывшим»: за границей осознанности останутся многие главные «качества» его личности – его личные умения/неумения, знания/незнания, понимание/непонимание и пр. Задачу учителя автор видит в том, чтобы ученику открылись, сделались явными его собственные способности. Ведь как часто ученик даже не предполагает наличия у себя каких-либо недостатков. Рефлексивное отношение к своему опыту – внешнему и внутреннему – позволяет ученику внести коррективы в оценку и самого себя и другого. Именно по этой причине нужна целенаправленная работа по организации аутентичного смыслового общения. В результате эмпатии произошло расширение смыслового горизонта «Я – сознания» ученика, оказалась скорректированной оценка «Я» сознания ученика.

Современное методологическое сознание созрело до понимания важности как самой идеи о духовно-нравственных ценностях, так и о необходимости владеть ими в гуще живой жизни, в частности в медицинской практике. Внутренняя работа в этом направлении связывается с поиском нестандартных путей процедуры обучения. С такого рода запросами столкнулись при попытках оптимизации учебной программы по освоению детской неврологии (кафедра медицины и логопедии). Основная задача, которая была поставлена авторами педагогического проекта В.А.Ивановым, В.Б.Ласковым и Н.А.Шевченко, состояла в том, чтобы познакомить студентов-медиков с этическими аспектами поведения, помочь приобрести реальные навыки грамотных и безупречных приемов работы с разнообразным «контингентом». Речь идет о коммуникативных умениях, и родилась эта идея из чисто практических потребностей оптимизации работы врача. Действительно, поскольку врач вынужден действовать в самых разных ситуациях и отвечать на самые разные вопросы, то такая деятельность во многом зависит от умения распорядиться в конкретных коммуникативно-

прагматических обстоятельствах. Особые трудности врач испытывает при работе с детьми и подростками, имеющими дефекты развития нервной системы; не менее сложны отношения с взрослыми пациентами, страдающими неврологической дисфункцией. А как общаться с родственниками таких больных? А взаимно-не-согласованный опыт коллег по профессии? И т.д. Разнообразие отношений, в которые вступает лечащий врач, невольно предъявляет ряд требований к его умению организовать совместный коммуникативный опыт. Именно отсюда — из потребности получить знание об отношениях с Другим — и возникла идея дополнить образование студента-медика еще одним учебным курсом. Этот курс, по замыслу авторов проекта, должен быть практическим, в виде ролевых игр, с тем, чтобы на личном опыте каждый мог сформировать у себя ряд коммуникативных навыков и умений, имеющих экзистенциальную природу. И прежде всего таких, к примеру, как этическая грамотность, этическая чуткость и сердечность, то есть качеств совместного существования.

Авторы нарисовали наглядную картину отношений, близкую к реальной ситуации в больничных условиях. По их замыслу, вживаясь в те или иные образы, студент должен научиться интенционально сопереживать, демонстрировать и интерпретировать самые разнообразные смыслы и т.п. Оптимальность ролевых игр авторы усматривают в том, что в игре воссоздается реальная обстановка. Опора на опыт — вот одно из главных условий, которое поможет освободиться от беспомощности перед трудностями в реальных ситуациях, научит справляться с коммуникативными коллизиями, выработать умения адекватно оценивать больничную ситуацию. В числе таких умений особенная ценность была придана сдержанности, сердечности и т.п. Студентам были предложены такие роли, как «больной ребенок», «логопед или педагог-дефектолог», «родственник больного» и др. Предлагалось также разыграть, к примеру, ситуации, где они должны «послать сообщения родственникам». Таких случаев множество, например: о подростке, имеющем стойкий дефект функции нервной системы после черепно-мозговой травмы; о больном, прошедшем курс лечения и нуждающемся в выписке из стационара; о том, как нужно разговари-

вать с ребенком, у которого сохраняется стойкий дефект функции; о том, как сообщать родственникам больного те или иные сведения, как проводить самые разные беседы с больным ребенком и т.д. Ролевые игры, по мнению авторов, должны охватывать все основные проблемные ситуации будущей профессиональной деятельности студентов. Весьма существенно, что такие игры, помимо собственно игрового момента, предполагают и последующий критический анализ поведения каждого из участников игры. Так сказать, «разбор полета» должен быть также наглядным, чтобы на собственном опыте студент смог научиться правильным вариантам поведения в конкретных ситуациях. Ведь в реальной жизни эти ситуации могут быть и конфликтными, и неверными в этическом плане, и профессионально ошибочными и др. Причем «неблагополучные» отношения могут складываться с разными членами ситуации: больными, врачами, педагогами, родными, сослуживцами и т.д. Авторы подчеркивают, что практический зримо-контактный характер такого обучения более эффективен при формировании и совершенствовании профессиональных навыков, нежели лекции на те же темы. Операциональная постановка задачи открывает возможность формировать, по их мнению, адекватные этико-профессиональные установки⁹. Практический способ получения знаний и умений – вот еще один из оптимальных путей, ведущих к сохранению и воспроизводству традиции. Коммуникативно-интерпретативный путь актуализации совместного опыта происходит, как можно заметить, через конструирование субъективности, через неразрывность знания и переживания, «вчувствование» чужих смыслов. Опытность рождается из умения интерпретировать поведение «другого», из овладения практикой со–осмысления, со–чувствия. В опытности наиболее отчетливо проявляется весь несловесный путь ее рождения. Внутренний опыт, полученный в практике реального общения с «другими», в условиях коллективного со–осмысления оказался именно той дорогой, которая привела к научению, к овладению умениями воспроизводить и поддерживать качество необходимого знания. Опорой здесь служат не внешние мотивы, не мнение «другого», а внутренние импульсы.

Думается, что, обсуждая тему интерсубъективности, важно вернуться к мысли Ф.В.Бассина о возвращении в медицинскую практику вечных жизнесмысловых вопросов, таких, как добро и зло, вера и надежда. По его мнению, «...широкое использование в клинической практике идей «сочувствия», «добра», «любви» — это отнюдь не отказ от научного подхода к проблеме этих нравственных и философских категорий. Напротив, это подъем их проблематики на новый, более высокий теоретический уровень»¹⁰.

О внутреннем устройении, о самой «ткани» совести и о ее коммуникативной природе прекрасно сказано у Митрополита Антония Сурожского, который во время Отечественной войны работал врачом во Франции в рядах французского сопротивления. Даю выдержки из его работы в некотором сокращении.

Митрополит Антоний рассказывает о том, как в условиях войны, занимаясь хирургией, он понял, что сделать сложную операцию — вопрос технический — может всякий хороший врач, а заняться больным — вопрос человеческий, и что *этом* момент самый важный и самый значительный. У него сформировалась новая иерархия ценностей: вещи, бывшие ранее ничтожными, становились значительными именно потому, что оказывались *человечными*, и в то же время некоторые большие вещи стали безразличными, потому что они *не* человечны. В момент, когда умирает молодой человек, двадцати с небольшим лет, он знает, что умирает, технически вы совершенно не нужны. А ему *не с кем* поговорить. Причем не о жизни, не о смерти, ни о чем таком, а о его ферме, о его жатве, о корове — о всяких таких вещах. И в этот момент делается таким значительным, потому что такая разруха, что *это* важно. И вот сидишь, потом человек заснет, а ты сидишь, и изредка он просто щупает: тут ли или не тут? Если ты тут, можно дальше спать, а можно и умереть спокойно¹¹.

В плане пояснения сути коммуникативных отношений приведу еще один отрывок из военных воспоминаний митрополита об отношении к больному немцу, которому хотели отрезать палец. «Я помню, немец сказал тогда: «Я часовщик». Понимаете, часовщик, который потеряет указательный палец, это уже конченный часовщик. Я тогда взял его в оборот, три недели работал над его пальцем, а мой начальник смеялся надо мной,

говорил: «Что за дурь, ты в десять минут мог покончить со всем этим делом, а ты возишься три недели — *для чего?* Ведь война идет — а ты возишься с пальцем!». А я отвечал: да, *война* идет, и *потому* я вожусь с его пальцем, что это настолько значительно, война, самая война, что его палец играет колоссальную роль, потому что война кончится, и он вернется в свой город с пальцем или без пальца».

Обратим внимание на вывод митрополита Антония: «И вот этот контекст больших событий и мелких вещей и их соотношение сыграли для меня большую роль — может быть, это покажется странно и смешно, но вот что я нашел тогда в жизни, и свой масштаб в ней нашел тоже, потому что выдающимся хирургом я никогда не был и больших операций не делал, а вот это была жизнь, и именно глубокая жизнь взаимных отношений»¹².

Вот этот пройденный путь осмысления — путь «вживления» смысла во внутренний смысловой строй «другого», назван мною субъективизацией смысла. Осмысление носит сугубо индивидуальный характер и является также индивидуацией смысла.

Итак, акты индивидуации и субъективации протекают в рамках определенных смысловых связей; эти рамки суть границы смыслового пространства. Если не соблюдаются главные условия: мысль оказывается вне пределов смыслового пространства, субъект не делает усилий над постижением смысла, то мысль останется абстрактной, т.е. не нагруженной смыслом. Смысл, таким образом, «силою берется» и желанием, — это еще одно условие.

Познавательные усилия субъект выстраивает сам и преодолевает этот путь также сам, шаг за шагом, опираясь на прошлый и текущий опыт, на рациональные и внерациональные мыслительные акты. Весьма существенна и роль сложного коммуникативно-прагматического комплекса, в котором запечатлены элементы предшествующего опыта человека. «Я-сознание» взаимодействует как с наличной ситуацией («здесь» и «теперь»), так и с опосредованными информационными потоками. Чтобы результаты по осмыслению Я и другого совпали, оказались взаимосогласованными, нужно пройти путь, пережить опыт. Значит, субъективация смысла имеет опытную, точнее, практическую природу.

4. Поиски единого смыслового пространства

Потребность в знании истоков духовного родства и духовной близости побуждала людей разных поколений к размышлениям о пути и средствах достижения внутренней близости. Однако разные субъекты движутся своими путями и достигают свои цели по-разному. Чтобы это понимание прояснить, попытаюсь далее реконструировать один конкретный опыт таких попыток на примере анализа «Писем к сыну» английского писателя Честерфилда¹³. Акцент будет сделан на отдельных шагах, которыми шел автор «Писем»; присмотримся также и к тем трудностям, с которыми он столкнулся на своем пути. Это позволит, надеюсь, выявить, с одной стороны, некоторые особенности условий наставничества и приоткрыть пути сохранения традиции, а с другой — подойти к пониманию более общей проблемы: осознать пути формирования коммуникативного опыта.

Следует обратить внимание на просветительское кредо, которое исповедовал автор «Писем». В деле воспитания, считал писатель, велика преобразовательная роль знания. Отсюда большие надежды на письменное слово. Руководствуясь этой мыслью, Честерфилд составил свод правил поведения, которыми сын должен был руководствоваться в своей жизни, составил список книг, необходимых для повышения образовательного и культурного уровня и т.д. Мысль о важности такой информации руководила всеми такими действиями отца. В течение многих лет по мере возрастания сына Честерфилд намеренно и регулярно отправлял ему письменные наставления. Это одна из содержательных сторон коммуникативного акта. Другая интенциональная сторона состояла в надежде отправителя писем, что их получатель информации будет ею руководствоваться как компасом и путеводителем.

Итак, в основание наставничества Честерфилдом положена просветительская установка, в которой отдается предпочтение знанию. Учебно-воспитательный процесс согласно такой позиции строится на простом усвоении информации, поступающей от учителя к ученику. Такова наша первая оценка «Писем».

Продолжая реконструкцию содержания посланий, особо обратим внимание на мотивацию (внутренние причины), которые побуждали составителя свода информации. Отец стремился познакомить сына с таким кругом социально значимых норм, правил жизни и поведения, которые предпочитает, прежде всего, он сам, вызвать интерес к таким культурно-историческим фактам и событиям, которым он придает особую значимость, которые составляют ценность именно для него самого. И этот мотив выражает стандартную ситуацию, естественен для любой семьи.

Анализ содержания посылаемой информации позволил вскрыть и более глубинный уровень мотивации отца: а именно его стремление сблизиться с сыном в духовном отношении. Условие и залог этого Честерфилд видел в расширении духовных запросов сына, в формировании общих интересов, общих ценностей и т.д. Из сказанного следует предположить, что мысль о взаимосогласовании духовно-практического опыта (своего и сыновнего) — вот главный стержень мотивации отправки сообщений. «Письма», по мысли отца, должны были выполнить роль фундамента и строительного материала, с помощью которого и воздвигнется, фигурально выражаясь, их совместный «духовный дом».

Что же получилось на самом деле? Образовалось ли на самом деле единое духовное пространство? Поиски ответа связаны с прояснением ряда вопросов. К примеру, таких: какими путями протекает сам процесс осмысления получаемой информации? Всегда ли совпадает смысл и значение посланной и принятой информации? Ответы на поставленные вопросы целиком погружены в анализ информационных коммуникативных процедур.

Прежде всего, о содержании «свода правил» жизни и поведения, сформулированного Честерфилдом. Те ценности, которые были предложены отцом, оказались чужды переживаниям и образу жизни сына. Такое несовпадение интересов, ценностей и пр. стали внутренней причиной того, что все содержащиеся в посланиях «благие пожелания» не стали для сына значимыми.

Если на эту ситуацию посмотреть с точки зрения кодовой модели коммуникации, то отец оказался всего лишь «отправителем» информации, а сын — ее «получателем». Налицо меха-

нический перенос информации. Однако кодирование информации не имело зеркально-симметричного характера, ибо сын не принял чуждые для него нормы и правила жизни.

Обратим внимание, что информация не имела коммуникативного смысла, ибо исключала общение и взаимное понимание. Сын увидел в такой информации лишь некую картину образов. Но ни картина в целом, ни содержащиеся в ней образы оценок, событий, фактов не затронули струн его интересов, его сердца. И тем самым не «материализовались», не конституировались структуры их совместного существования.

Зададимся далее вопросом: какое из «педагогических звеньев» было пропущено отцом? Наш ответ таков: для этого нужен был совместный духовный опыт, личный опыт общения; для этого нужен был личный пример, когда в самой ткани живой жизни протекает демонстрация, когда «глаза в глаза» открывается содержание излагаемых правил и норм.

Отсутствие общения не привело к взаимосогласованному опыту. Наоборот, создалась ситуация, в которой один действует по одним правилам, а другой их видит чувственно-наглядно, но не воспринимает в качестве «своих».

Между тем лишь при наличии коммуникативных связей то или иное правило усваивается учеником как навык. Но поскольку весь свод полученной сыном информации оказался для него формальным «правилом», то и нельзя было ожидать с его стороны «поступка». Лишь условия наглядного примера, сама гуща жизни закладывает содержание поведения. Содержание это формируется от одного шага к другому, с подсказками, какие шаги нужно сделать, а каких следует избежать, чтобы поведение оказывалось именно таким, каким себе его мыслит воспитатель: высоко нравственным, чтобы поступки были основаны на чести и достоинстве, чтобы не вели к бесчестию, не оказывались постыдными и пр.

Вторая наша оценка писем состоит в том, что, вложив в свое сообщение некий смысл, отец вслед за этим не продемонстрировал наглядно в качестве «живого» примера свои интенции. А именно — не сделал ничего (не сумел, не захотел и т.д.), чтобы сын не только распознал его устремления, но и отреагировал ожидаемым образом. Поэтому послания

не стали для сына смысловым знаком, оказались пустыми, коммуникативно не значимыми. А попытка согласования и гармонизации отношений, «бытия-друг-для-друга» стала несбыточной мечтой, построенной на односторонней интенциональной установке. Последняя не могла конституировать, повторяем, структуры совместного существования. Будучи духовно бедным и не подтвержденным совместно прожитой жизнью, опыт отца оказался рассогласованным с духовно-коммуникативным опытом сына, асимметричным ему. В итоге, несмотря на то, что чисто внешне-формально связь отца с «наследником» и не прерывалась, традиция, идущая от наставника-Честерфилда, была прервана. Отношения, сложившиеся между сыном-учеником и учителем-отцом, свидетельствуют о несовпадении целей и результатов: «благие намерения» отца не обернулись возникновением единого духовного пространства.

Итак, «Я-сознание» взаимодействует как с наличной ситуацией («здесь» и «теперь»), так и с опосредованными информационными потоками. Чтобы результаты по осмыслению «Я» и «другого» совпали, оказались взаимосогласованными, нужно пройти путь, пережить опыт. Значит, субъективация смысла имеет опытную, точнее, практическую природу. Опыт самопознания обеспечивает превращение абстрактной информации в осмысленное знание. Вне этой процедуры посланное сообщение может оказаться пустым, не понятным. Осмысленное знание оказывается знанием, которое получено в индивидуальном опыте на основе рефлексии. Именно на такого рода общности покоятся сходные и социальные и моральные оценки окружающих явлений, духовных переживаний и т.д. Можно наблюдать в таких случаях согласованность в понимании событий, общность ассоциативного переноса смыслов и др., что в конечном счете обеспечивает возможность сближения духовных миров «Я» и «другого» (учителя и ученика, врача и больного).

Усилия наладить житие-друг-для-друга не имели положительного результата потому, что автор «Писем» строил свою воспитательную политику, основываясь на просветительском кредо об однозначном и линейном характере процедуры обучения.

Сказанное о едином смысловом пространстве может быть использовано при моделировании коммуникативных отношений в медицинской практике. Важно понимание того, что сложная коммуникативная работа отличается существенным разнообразием. В своем внутреннем движении разнообразие связано с идеей неопределенности: с представлениями о неполноте, об отсутствии точности, о незамкнутости, принципиальной возможности ошибок и противоречий и т.п. Разные элементы воспитательного процесса расположены относительно друг друга в некотором объеме, общие особенности которого можно также эксплицировать и через понятие многомерности, разнообразия, индивидуальности, автономности и т.п. Характерные для прагматического контекста добавочные смыслы, или коннотации, бывают обусловлены бесконечно сложными, избыточными структурами, которые включают как собственно культурные, нравственно-духовные ценности, так и знание о мире и непреложных истинах, о всеобщих и вечных представлениях о мире-дobre (зле, красоте и др., уродстве, чистоте и пр.), об истинах (навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме). В том числе и те сведения, которые связаны с представлением о коммуникативно-ситуационных компонентах, выражающих отношение — положительное или отрицательное — к людям, обществу. Наличие в структуре познавательной модели таких черт служит выражением более глубоких изменений, а именно указывает на новый принцип, заложенный в основание модели, основанной на разнообразии.

Примечания

- ¹ *Тищенко П.Д.* О философском смысле феноменов здоровье и болезнь // Здоровье человека как предмет социально-философского познания. М., 1989.
- ² *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1 // *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
- ³ *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1995.
- ⁴ *Серов Ю.М., Портнов А.Н.* Сознание и intersubjectивность // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново, 1994.
- ⁵ См.: *Абрамова Н.Т.* Несловесное мышление. М., 2002.
- ⁶ *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1987. Вып. 17.

-
- ⁷ **Макаров М.Л.** Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- ⁸ **Роджерс К.Р.** Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1995. С. 336.
- ⁹ **Иванов В.А., Ласков В.Б., Шевченко Н.А.** Гуманитаризация высшего образования и проблема обучения неврологии на кафедре медицины и логопедии // Человечествознание: гуманистические и гуманитарные ориентиры в образовании. Курск, 1994. С. 60.
- ¹⁰ **Бассин Ф.В.** О некоторых современных тенденциях развития «бессознательного»: установка и значимость // Бессознательное. Т. 4. Тбилиси, 1985. С. 454.
- ¹¹ **Митрополит Антоний.** Человек перед Богом. М., 2001. С. 370.
- ¹² Там же.
- ¹³ **Честерфилд.** Письма к сыну. Максимум. Характеры. М., 1978.

Ф.Г. Майленова

Экзистенциальные проблемы в работе психотерапевта

Каждый человек на определенном жизненном этапе погружается в мрачные раздумья и вступает в некоторый контакт с конечными данностями жизни. Ситуация жизненного выбора, встреча со смертью, утеря смысла жизни, осознание собственного одиночества — все эти вечные, нерешаемые по сути проблемы бытия в какой-то момент жизни тем не менее начинают требовать незамедлительного решения. Степень осознания того, что же на самом деле происходит, у каждого человека разная, и потому говорить о сугубо психотерапевтической интерпретации таких состояний было бы не вполне корректно. То, что на взгляд клинического психолога видится патологией, с точки зрения обычного человека — беда, несчастье или обычные житейские трудности, которые, к сожалению, случаются с каждым. Философ же может говорить о пограничном состоянии, экзистенциальном вакууме. В зависимости от того, как видится и интерпретируется то или иное проблемное состояние, меняется и форма помощи, в которой человек нуждается, и источники, из которых эта помощь приходит. В первую очередь это так называемая самопомощь — мысли, действия, которые человек предпринимает сам, чтобы преодолеть кризис. Это может быть самоанализ, «разговор по душам» с близким человеком, прочитанная книга, увиденный фильм или спектакль, мгновения единения с природой. Конечно, беседа с другим человеком, который может понять, поддержать в такую

минуту, — главное, что необходимо человеку, попавшему в беду. Таким собеседником может стать как кто-то знакомый — близкий друг, родственник, так и тот, кому человек склонен доверять — врач, учитель, священник, писатель, психолог или философ. Поиск специалиста, который не просто выслушает, но и даст профессиональный совет, зависит не только от тяжести обрушившейся на человека проблемы, но и от его личной позиции по отношению к помощи вообще и к профессиональной помощи в частности. Нередко препятствием является отсутствие доверия к специалистам — увы, нередко это недоверие оправдано. Главная претензия, которую высказывают в адрес психолога, — непонимание им сути проблемы клиента. Казалось бы, кто как не специально подготовленный психолог должен уметь разбираться в хитросплетениях внутренних конфликтов, однако именно чрезмерная уверенность и поспешность в «постановке диагноза» может сослужить плохую службу: психолог рискует проглядеть за «обычными» нарушениями более серьезную проблему, которая лежит уже скорее в области компетенции философии. Утеря смысла жизни, актуализация страха смерти, парализующий волю ужас перед свободой выбора, осознание тотального одиночества — зачастую эти проблемы «маскируются» под обычные психотерапевтические симптомы, и даже опытному психологу порой не всегда понятно, в чем подлинная причина подавленности пациента. Решая проблему, которая лежит «на поверхности», можно в итоге актуализировать скрытую глубинную проблему, и — если психолог не подготовлен к ее восприятию — просмотреть ее. Работая с симптомами, терапевт как бы освобождает сознание пациента для восприятия подлинной причины его недуга.

В конечном счете задача как философа, так и терапевта — снятие подавления, ознакомление индивида с тем, что тот на самом деле всегда знал, но как бы «не допускал» до своего сознания. Многие вещи, которые кажутся давно всем известными и потому тривиальными, в частности такие, что все мы смертны или что жизнь невозможно отложить — постигаются во всей полноте именно в моменты встречи с Бытием. Философ и терапевт прежде всего должны побуждать индивида со-

вершить этот нелегкий шаг — отойти от суеты внешнего мира и посмотреть внутрь себя, уделить внимание своей экзистенциальной ситуации.

Мартин Хайдеггер считал, что имеются два фундаментальных модуса существования в мире: 1) состояние забвения бытия, 2) состояние сознания бытия.

Забвение бытия означает жизнь в мире вещей, погружение в жизненную рутину. Это так называемая обычная жизнь с ее повседневными мелкими заботами, когда человек прежде всего озабочен тем, «**каковы**» вещи. Если же человек сосредоточен не на «**как**», а на «**что**» — не на свойствах и оценках вещей, а на том, что эти вещи есть, что они обладают бытием, это означает, что он перешел в другой, более высокий модус существования — **сознания бытия**.

Однако перейти из состояния забвения бытия в более просветленное и беспокойное состояние сознания бытия непросто — недостаточно одного только желания и терпения. Нужны какие-то неотвратимые и непоправимые обстоятельства, своеобразный «экстремальный» опыт, который способен вытолкнуть человека из повседневного модуса существования в состояние сознания бытия. В качестве такого опыта смерть превосходит все остальное: «**Смерть есть условие, дающее нам возможность жить аутентичной жизнью**»¹. Именно благодаря встрече со смертью человек начинает по-настоящему ценить жизнь, своих близких, научается быть благодарным за то, что у него есть, не сокрушаясь непрерывно по поводу прошлого или беспокоясь о будущем. Умение ценить мгновение — ничто иное, как мудрость жизни, дарованная нам идеей смерти. Подтверждением тому служат свидетельства людей, переживших личную встречу со смертью.

Таким образом, человек, переживший трагическую потерю близкого ему существа или же сам оказавшийся лицом к лицу с близкой смертью, способен вынести из своего несчастья нечто, что было ему недоступно в более благополучное время — особое восприятие себя, своей жизни, чувство необыкновенной силы и

---

¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999. С. 37.

спокойствия, которое лежит по ту сторону страдания и ужаса смерти. Однако пройти этот путь удастся не всем — необходимо особое мужество, чтобы перестать жалеть самого себя.

К сожалению, такова природа человека: чувствительность и неспособность выносить страдания близких наполовину состоит из жалости к самому себе и стремления избежать дискомфорта. Наблюдая, как близкий человек болеет и умирает на глазах, мы не просто испытываем глубокое эмоциональное потрясение — мы теряем опору в жизни и нашу полубессознательную веру в собственное всемогущество. Переживания по поводу невозможности «спасти» больного, сделать что-то для того, чтобы переломить ситуацию, т.е. на самом деле — контролировать события, могут выливаться в бесконечные компульсивные действия (порой не просто бесполезные, но и вредные для больного), в нервную напряженность по поводу отсутствия «силы воли» у больного, который никак не хочет немедленно начать выздоравливать. Мы не можем выносить вида умирающего, нам больно от этого и страшно, но, рационализируя, мы приписываем всю интенсивность нашей боли и страха состраданию и даже (в крайних случаях) можем начать думать, что ему лучше не жить, чем так мучиться. Между тем внешний вид больного может быть гораздо страшнее, чем его внутреннее ощущение, т.к. тяжелобольные люди зачастую находятся в измененном состоянии сознания, и потому со стороны сложно судить, что они на самом деле испытывают. Законы об эвтаназии учитывают эту особенность, и поэтому родственники юридически не имеют права принимать решения о прекращении лечения тяжелобольного. Эмоциональное нетерпение может подтолкнуть к неверному и трагическому решению.

Также существует серьезная разница между тем, что человек думает о самом себе, когда он практически здоров, и его мнением, когда он вдруг серьезно заболевает. Даже если человек сам, будучи здоровым, оставил распоряжение не лечить его в случае тяжелой болезни, его распоряжение не считается законным, т.к. заболевший человек может считать по-другому и у него всегда должен оставаться шанс выжить. Зачастую, именно побывав на краю, человек научается по-настоящему ценить жизнь и проживает оставшиеся годы более полно.

Если же больной не желает лечиться, желает ускорить свой уход из жизни и принимает это решение сознательно – для близких это тоже серьезное испытание, т.к. им предстоит принять не только грядущую потерю, но и свои тяжелые мысли. «Как я буду себя чувствовать после того, как случится самое страшное, а я пойму, что не сделал всего, что мог, я себе не прощу...» Будущие угрызения совести, которые человек воображает, заранее не дают человеку принять надвигающуюся смерть и мешают ему спокойно разделить с больным его последние дни и часы, хотя далеко не всегда ожидания сбываются. Припоминается случай с молодой женщиной, которая оказалась в серьезном замешательстве от того, что у нее никак не начиналась ожидаемая ею депрессия по поводу кончины ее тяжелобольной матери. Однако впоследствии она смогла найти повод страдать – ведь близкие и родственники ждали от нее проявления горя, а она не соответствовала их ожиданиям, что и стало причиной ухудшения ее состояния, к которому она себя «готовила».

Множество невротозов можно объяснить в терминах экзистенциальной психотерапии, т.к. невротик, стремясь избежать ужаса перед небытием, умаляет и ограничивает себя. Не живя полноценной жизнью, он как будто бы надеется, что смерть не заметит его. Отто Ранк охарактеризовал невротика как «отказывающегося брать в долг (жизнь), чтобы не платить по векселю (смерть)». Отчаяние, охватывающее при приближении смерти, зачастую сопровождается мыслью «я ведь еще и не начинал жить!» и сожалением, что уже поздно.

Существуют, разумеется, и более приемлемые и социально одобряемые способы избегать осознания смерти. Наиболее плодотворные – это вера в бога, любовь, творчество, стремление к вершинам карьеры и власти, трудоголизм. «В той мере, в какой мы достигаем власти, – пишет И. Ялом, – в нас ослабевает страх смерти и возрастает вера в собственную исключительность. Продвижение вперед, достижение успеха, накопление материальных богатств, создание творений, которые останутся вечными памятниками нам, – это жизненный путь, обеспечивающий нам эффективную защиту от натиска беспощадных вопросов, рвущихся из нашей собственной глубины»².

² Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999. С. 137.

Однако трудоголизм, при всей его востребованности в современной жизни, может стать и болезнью, если он перерастает в паттерн бегства. Такой человек работает не потому, что хочет, а потому, что не может не работать. Он испытывает невыносимую тревогу, если вдруг остается без дела, поэтому загружает себя без всякой жалости или учета своих возможностей. Досуг для него также сопряжен с тревогой и нередко яро заполняется какой-либо деятельностью, дающей иллюзию достижения. Ужас перед пустотой и бессмысленностью жизни плотно замаскирован стремлением к постоянному росту, развитию, становлению. Иллюзия вечного восхождения противоречит трагическому осознанию того, что прошлое расширяется за счет сокращения будущего. Тем не менее принять неминуемый конец возможно — в том случае, если время, отпущенное тебе судьбой, было прожито с максимальной полнотой. Другого рецепта, увы, не существует, и поиск пути для достижения этой полноты у каждого свой.

Содержание

<i>И.К. Лисеев</i>	
Предисловие. Памяти А.Т.Шаталова (04.06.1927 – 01.12.2006).....	5
<i>А.П. Огурцов</i>	
Памяти друга	6
<i>Е.Н. Гнатик, И.К. Лисеев</i>	
От редакторов книги	8
<i>Э.С. Демиденко, А.Т. Шаталов</i>	
Введение. Философская ориентация в проблематике здоровья человека.....	15
РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЗДОРОВЬЯ	
<i>Ю.П. Михаленко</i>	
Ренессансная мудрость и здоровье современных россиян.....	32
<i>С.А. Нижников</i>	
О мировоззренческом здоровье	49
<i>Е.Н. Шульга</i>	
Здоровье в контексте философско-исторического анализа	67
РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМА ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ	
<i>А.Н. Арлычев</i>	
Роль философии в духовном оздоровлении российского общества	77
<i>А.П. Огурцов</i>	
Подделки в науке.....	100
<i>Е.В. Петрова</i>	
Здоровье и проблема адаптации человека	114
<i>Ю.В. Хен</i>	
Вырождение человечества – реальность или иллюзия?	124
<i>Е.Н. Гнатик</i>	
Проблемы ценности жизни и здоровья человека в свете перспектив генетической инженерии	144
<i>О.Е. Баксанский</i>	
Наномедицина: современные технологии здоровья.....	170
<i>Р.И. Соколова</i>	
Жизнеспособность государства и здоровье человека	195

РАЗДЕЛ 3. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ЗДОРОВЬЯ

Л.В. Фесенкова

Проблема общей теории здоровья: традиционные
и нетрадиционные концепции 221

В.И. Аршинов

Встреча синергетики и медицины 244

Н.Н. Седова

Здоровье и болезнь в социальном контексте 262

Н.Т. Абрамова

Врач и больной: коммуникативный модус.....269

Ф.Г. Майленова

Экзистенциальные проблемы в работе психотерапевта 285

Научное издание

Философия науки
Выпуск 13. Здоровье как проблема
естественных и биомедицинских наук

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.03.08.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 002.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Институт философии РАН

Издания, готовящиеся к печати

1. *Абрамов, М.А.* Два Адама: Классики политической мысли [Текст] / М.А.Абрамов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 195 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 185–194. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0101-3.

Шотландия – небольшая страна на севере Великобритании – заключила в начале XVIII в. Унию с Англией, в исторически короткий срок преодолела социально-экономическую отсталость и выдвинула целую плеяду замечательных философов, историков, правоведов. Среди младшего поколения деятелей шотландского Просвещения ведущее место принадлежит Адаму Смиту (1723–1790) и Адаму Фергюсону (1723–1816). Их творчеству и идейным связям и посвящено предлагаемое исследование.

2. *Духовные основания деятельности* [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А.Никольский. – М. : ИФРАН, 2008. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0097-9.

В сборнике анализируются возможности и пределы гуманитарного знания, традиционной и художественной культуры в исследовании феномена духовных оснований деятельности. Утверждается их исторический характер, связь с хозяйственной практикой и культурой народа и конкретного социума. Рассматриваются характерные особенности «земледельческого» мировоззрения, инвариантные проявления и характеристики русского самосознания.

3. *Канаева Н.А.* Индийская философия древности и средневековья [Текст] / Н.А. Канаева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2008. – 255 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 240–250. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0097-9.

Учебное пособие обобщает опыт чтения одноименного курса в Университете Российской академии образования и ГУ–Высшей школе экономики. Его целью является создание целостного представления об индийской философской традиции в ее исторической ретроспективе, включающей раннюю (древнеиндийскую философию) и зрелую (средневековую философию) стадии развития. Материалом для изложения и обобщения служат современные индологические исследования и доступные переводы первоисточников. В тексте приводятся схемы категориальных систем главных даршан, облегчающие их запоминание. В конце каждой темы предлагаются вопросы для самоконтроля. Пособие завершает тест по пройденному материалу и примерный перечень тем курсовых работ и рефератов, список рекомендуемой литературы.

Для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей, а также для широкого круга читателей, начинающих знакомство с философской традицией Индии.

4. *Михайлов, И.А.* Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914–1939 гг. [Текст] / И.А.Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 207 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0096-2.

Первая отечественная монография, посвященная анализу идей Макса Хоркхаймера, основателя Франкфуртской школы социальных исследований. Рассматриваются развитие концепции критической теории и обоснование нового метода социальных исследований, который складывается в дискуссиях с коллегами и единомышленниками (Л.Лёвенталь, З.Кракауэр, Т.Адорно, Э.Фромм), а также в полемике с наиболее влиятельными школами современности (неокантианство, феноменология, философия жизни, психоанализ и др.). Взгляды Хоркхаймера представлены также в более широком контексте модных течений начала XX в.: экспрессионизм в искусстве, литературе.

5. **Познание, понимание, конструирование [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.А.Лекторский. – М. : ИФРАН, 2008. – 167 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0089-4.**

Работа посвящена ряду актуальных теоретико-познавательных проблем, характерных для современной эпистемологической ситуации. Основное внимание уделяется дискуссии между реализмом и антиреализмом по поводу фундаментальных оснований наук о природе, обществе и особенно о человеке. Обосновывается продуктивность и перспективность конструктивного реализма. Освещаются проблемы объективности знания, релятивизма, а также ценностные аспекты познания.

Книга рассчитана на всех, интересующихся современными проблемами теории познания.

6. **Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Рос. гос. гуманитар. ун-т ; Отв. ред. И.Т. Касавин и др. – М. : ИФРАН, 2008. – 279 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0104-4.**

Проблема демаркации разных видов знания принадлежит проблемному полю классической философии науки, которое на рубеже XX и XXI, казалось бы, утрачивает актуальность. Однако взаимодействие философии науки и философии религии в изучении взаимоотношений философии, науки, религии и теологии вновь привлекает внимание к этой проблеме. Ограничена ли сфера знания исключительно наукой? Возможны ли критерии научности, в которые бы укладывалась теология как гуманитарная наука *sui generis*? Эти и другие вопросы обсуждаются в книге, среди авторов которой философы, теологи и ученые ряда московских и региональных научно-исследовательских институтов и университетов.

7. **Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская. – М. : ИФРАН, 2008. – 247 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0099-3.**

Третий выпуск ежегодника сектора эстетики содержит традиционные разделы по теории и истории эстетической мысли, материалы по философии искусства и «живой эстетике». В теоретическом разделе, исследуются некоторые современные тенденции формирования эстетической теории, заостряется внимание на основных проблемах классической эстетики, ноноклассики и виртуалистики, анализируется эстетический ракурс глобализаторских процессов в современной России, поднимаются вопросы о

метафизических аспектах эстетического сознания, рассматриваются новые подходы к проблеме художественной форме. В историческом разделе публикуются новые исследования по эстетике Шеллинга, Александра Бенуа и теоретическим взглядам обэриутов. В разделе «Живая эстетика» показана панорама художественной жизни Европы начала нового столетия.

8. **Этическая мысль. Выпуск 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.А.Гусейнов. – М. : ИФРАН, 2008. – 263 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0088-7.**

В восьмом выпуске «Этической мысли» представлены результаты исследований по теоретическим, нормативным, историко-философским и прикладным проблем этики. Среди них – анализ возможностей и пределов применения эпистемологического инструментария в этике; попытка реконструкции логики становления и развития морали; исследование процесса появления понятия «золотое правило»; обсуждение современной дискуссии о месте и роли понятия дара в моральном сознании; анализ утилитаристской, договорной и интуитивистской стратегий обоснования обязанностей перед будущими поколениями и др. В издание также включены тексты, раскрывающие понимание блага и зла в исламской традиции и философии, с предваряющей эти тексты статьей и примечаниям к ним. Историко-этический раздел включает, в частности, анализ различных аспектов этических концепций Р.Прайса, Н.А.Бердяева и Л.Н.Толстого.